С. С. ФАБРИЦКІЙ

ИЗЪ ПРОШЛАГО

ВОСПОМИНАНІЯ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТА

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

БЕРЛИНЪ

С. С. ФАБРИЦКІЙ

ИЗЪ ПРОШЛАГО

ВОСПОМИНАНІЯ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

БЕРЛИНЪ
1926

Типографія Зинабургъ и Ко.
Berlin SW 68, Alte Jakobstr. 129

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Потеря всѣхъ документовъ, дневника, записей и фотографическихъ снимковъ, сдѣланныхъ большей частью Государыней Императрицей Александрой Федоровной, лишаютъ меня возможности составить подробныя воспоминанія. Въ настоящихъ я описываю по памяти только то, чему былъ самъ свидѣтелемъ.

Пускай читатель судитъ самъ, есть ли доля правды въ той гнусной клеветѣ, которая говорилась и писалась про Государя Императора Николая II, Его Августѣйшую Супругу, Великихъ Княженъ и Наслѣдника Цесаревича людьми, принимавшими непосредственное или косвенное участіе въ революціи.

Многолѣтнее соприкосновеніе съ Ихъ Величествами, при различныхъ обстоятельствахъ, составляетъ для меня одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ воспоминаній въ жизни и я счастливъ, что обстоятельства позволяютъ мнѣ въ данное время подѣлиться этимъ съ широкой публикой.

ВОСПОМИНАНІЯ О ГОСУДАРѢ ИМПЕРАТОРѢ НИКОЛАѢ II И ЕГО СЕМЬѢ.

I.

Родился я въ 1874 году въ зажиточной, но скромной семьѣ. Отецъ мой, юристъ, отдался съ молодыхъ лѣтъ общественному служенію, пробывъ долгіе годы выборнымъ мировымъ судьей, а затѣмъ членомъ Городской Управы красавицы юга Россіи г. Одессы.

Съ ранняго дѣтства, проводя цѣлые дни на берегу Чернаго моря, я почувствовалъ къ нему влеченіе и всегда мечталъ сдѣлаться морякомъ, но по волѣ родителей, озабоченныхъ мыслью дать мнѣ серьезное образованіе, мнѣ пришлось поступить въ гимназію. Только по окончаніи четырехъ классовъ удалось убѣдить родителей, и то съ помощью нашихъ хорошихъ знакомыхъ, неожиданно ставшихъ защитниками моихъ вожделѣній, отправить меня въ Петербургъ и отдать въ Морское Училище.

Послѣ долгихъ колебаній, видя мое упорное и страстное желаніе отдаться морской карьерѣ, отецъ согласился, наконецъ, отвезти меня въ Петербургъ для участія въ конкурсныхъ экзаменахъ для поступленія въ Морское Училище.

Въ началѣ іюня 1888 года мы вдвоемъ съ отцомъ тронулись въ Петербургъ, снабженные нѣсколькими письмами отъ нашихъ друзей морскихъ офицеровъ къ ихъ пріятелямъ, служащимъ въ Морскомъ Училищѣ.

По пріѣздѣ въ Петербургъ выяснилось, что я просрочилъ возрастъ, такъ какъ полагалось поступать въ Училище исключительно въ низшій классъ, обязательно по конкурсному экзамену, и въ возрастѣ отъ 12 до 14 лѣтъ, а мнѣ было 14 и нѣсколько мѣсяцевъ. Пришлось обращаться съ прошеніемъ къ Начальнику Морского Вѣдомства о разрѣшеніи мнѣ держать экзаменъ въ старшій классъ.

Начальникомъ Морского Вѣдомства состоялъ въ то время Генералъ-Адмиралъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ, любимый братъ Государя Императора Александра III. Помощникомъ его по управленію вѣдомствомъ былъ генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Н. М. Чихачевъ, лично знакомый съ отцомъ по Одессѣ, въ бытность его директоромъ Русскаго О-ва Пароходства и Торговли.

Въ описываемое мною время адмиралъ Чихачевъ для исполненія требованій ценза командовалъ практической эскадрой Балтійскаго Флота, держа свой флагъ на крейсерѣ «Генералъ-Адмиралъ». Поэтому, мнѣ съ отцомъ пришлось проѣхать черезъ Выборгъ на Трансундскій рейдъ, гдѣ стояла на якорѣ вся эскадра. Мы пробыли нѣсколько часовъ на «Генералъ-Адмиралѣ» и я съ мальчишескимъ восторгомъ любовался блестящимъ видомъ судовъ эскадры, тогда еще почти сплошь рангоутной, а также жизнью на кораблѣ.

На прошеніи отца вице-адмиралъ Чихачевъ положилъ благопріятную для меня резолюцію, но просилъ отца обратиться къ временно замѣняющему его въ морскомъ вѣдомствѣ вице-адмиралу Тыртову, который долженъ былъ доложить ходатайство отца Великому Князю Генералъ-Адмиралу.

Вернувшись въ Петербургъ, отецъ обратился къ Тыртову и черезъ нѣсколько дней нами было получено разрѣшеніе Великаго Князя держать мнѣ конкурсный экзаменъ въ самый младшій классъ, при чемъ Великій Князь выразилъ свою надежду, что я оправдаю Его разрѣшеніе на поступленіе «внѣ правилъ» и буду хорошо учиться.

Получивъ разрѣшеніе, оставалось устроить меня куда-нибудь на жизнь до экзаменовъ и для спеціальной подготовки къ нимъ, такъ какъ намъ стало извѣстнымъ, что на 32 вакансіи было подано около 300 прошеній, вслѣдствіе чего можно было ожидать очень строгихъ экзаменовъ.

Воспользовавшись имѣвшимися письмами, отецъ обратился къ лейтенанту В. И. Матвѣеву, состоявшему отдѣленнымъ начальникомъ въ Морскомъ Училищѣ. Оказалось, что написавшій письмо былъ личнымъ другомъ Матвѣева, почему послѣдній охотно принялъ меня въ свою семью, предупредивъ, однако, отца, что репетировать со мной онъ не будетъ, а берется лишь слѣдить за моими занятіями. На это, зная меня и мое желаніе поступить въ Училище, отецъ легко согласился, и я черезъ нѣсколько дней, простившись съ отцомъ, уѣзжавшимъ въ Одессу, перебрался въ Гатчино, гдѣ семья лейтенанта Матвѣева жила въ это время на дачѣ.

Съ чувствомъ глубокаго уваженія и сердечной благодарности вспоминаю я милѣйшихъ Владиміра Ивановича и жену его Зинаиду Ивановну. Они приняли меня какъ родного сына, ласкали и даже баловали. Почти сразу я почувствовалъ себя членомъ семьи и нужно отдать справедливость, что Владиміръ Ивановичъ буквально замѣнилъ мнѣ отца, проявивъ полную заботу и вниманіе до послѣднихъ мелочей.

Цѣлые дни проводилъ я за книгами, подготовляясь къ особенностямъ программы. Пришлось перерѣшать массу алгебраическихъ задачъ, такъ какъ это былъ главный предметъ и на рѣшеніе задачъ во время экзамена давалось опредѣленное время.

Живя въ Гатчино, почти постоянной резиденціи Государя Императора Александра III, мнѣ пришлось неоднократно видѣть Государя Императора и всю Его Семью, а также гулять по паркамъ Гатчино, кататься

на шлюпкахъ по озерамъ и осмотрѣть скромный дворецъ, который такъ любилъ Государь.

Воспитанный въ строгой семьѣ абсолютно монархическаго направленія, я не могъ не восторгаться всѣмъ, что касалось Царя, Императрицы и Августѣйшихъ Дѣтей, поражаясь скромностью ихъ жизни, простотой обращенія, ласковыми поклонами при встрѣчахъ и съ понятнымъ интересомъ слушалъ разсказы служащихъ во дворцѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Государь Императоръ Александръ III пользовался не только огромной популярностью, но и вполнѣ заслуженной любовью, уваженіемъ и даже поклоненіемъ своихъ подданныхъ безъ различія ранговъ. Все трепетало передъ милостивымъ, но подчасъ грознымъ Царемъ, который умѣлъ держать Свое Царственное слово и имъ не шутилъ. Молодой Наслѣдникъ Престола Цесаревичъ Николай пользовался всеобщей любовью и всюду говорили о Его простотѣ, ласковости и чарующемъ взорѣ, который невольно проникалъ прямо въ душу человѣка, на которомъ случайно или нарочно останавливался.

Наконецъ, въ первыхъ числахъ сентября наступили долгожданные экзамены и я впервые попалъ въ стѣны Морского Училища, въ которомъ потомъ провелъ 6 лѣтъ.

Экзамены оказались далеко не такими страшными, какъ представлялись раньше, и я, окончивъ 4 класса классической гимназіи, былъ очень хорошо подготовленнымъ. Изъ 280 державшихъ экзамены я выдержалъ десятымъ, т. е. попадалъ въ число вакансій. Но каковъ былъ мой ужасъ, когда я прочелъ по окончаніи экзаменовъ списокъ принятыхъ, въ которомъ не нашелъ своей фамиліи. Оказалось, что для меня, какъ сына штатскаго, мало было выдержать экзаменъ, такъ какъ преимущество отдавалось сыновьямъ моряковъ, затѣмъ внукамъ, потомъ военнымъ, а мы, сыновья штатскихъ, попадали въ 4 категорію. Ниже въ спискѣ уже принятыхъ я прочелъ и свою фамилію съ отмѣткой, что можетъ быть принятъ только своекоштнымъ. Пришлось

телеграфировать родителямъ, упрашивая ихъ согласиться платить ежегодно по 800 рублей, на что вскорѣ, къ моей радости, я получилъ согласіе и былъ принятъ въ число воспитанниковъ младшаго отдѣленія 5-ой роты Морского Училища.

Насталъ желанный день явки въ Училище, гдѣ насъ сейчасъ же переодѣли въ казенное бѣлье и обмундированіе, выдали книжки, отвели мѣсто въ дортуарѣ и дали отдѣльную маленькую конторку, въ которой каждый воспитанникъ имѣлъ свое отдѣленіе для храненія книгъ, тетрадей и другихъ учебныхъ пособій.

Величественное зданіе Морского Училища помѣщалось на Васильеостровской набережной между 11-ой и 13-ой линіями.

Въ главномъ фасадѣ помѣщались: квартира директора и его помощника, аванзалъ, Николаевская академія, канцелярія Училища, 1-ая, 2-ая Гардемаринскія роты, музей, церковь и нѣсколько квартиръ офицеровъ-воспитателей. Въ зданіи по 12-ой линіи, служащимъ продолженіемъ фасада въ глубину, находились: квартиры воспитателей, продолженіе музея, знаменитый по своей величинѣ столовый залъ и помѣщеніе 5-ой роты. Помѣщенія 3-ой и 4-ой ротъ находились въ поперечномъ зданіи, параллельномъ фасаду. Классныя помѣщенія были расположены въ спеціальномъ зданіи, соединяющемъ фасадъ, параллельно линіямъ съ помѣщеніемъ 5-ой роты. На 11-ую линію выходили часть 1-ой и 2-ой ротъ, квартиры воспитателей, лазаретъ, баня и электрическая станція. Благодаря продольнымъ и поперечнымъ зданіямъ получалось нѣсколько самостоятельныхъ дворовъ, въ которыхъ мы, воспитанники, въ свободное время играли въ игры или занимались строевыми ученіями.

Директоромъ корпуса состоялъ свиты Его Величества контръ-адмиралъ Д. С. Арсеньевъ, бывшій воспитателемъ Великихъ Князей Сергѣя и Павла Александровичей. Помощникомъ директора по строевой части былъ генералъ-маіоръ флота Н. М. Большевъ, а по

учебной части или инспекторомъ классовъ генералъ-маіоръ Вальрондъ. Всѣхъ трехъ нельзя не вспомнить съ добрымъ чувствомъ, не взирая на многіе недостатки, которыми они отличались. Все же это были вполнѣ честные люди, отдававшіе всю свою душу дѣлу воспитанія и внесшіе много весьма полезныхъ реформъ въ Училище, изъ которыхъ одна изъ самыхъ главныхъ — образцовая чистота, во всѣхъ отношеніяхъ гигіена и хорошая пища.

Оба отдѣленія 5-ой роты находились въ одномъ помѣщеніи, состоящимъ изъ двойного дортуара, залы дежурнаго офицера передъ цейгаузомъ, большой умывальни и огромнаго зала для занятій и препровожденія свободнаго времени.

Традиціонно, старшее отдѣленіе должно было воспитать въ кратчайшій срокъ новичковъ, внушивъ имъ сознаніе важности ношенія формы Морского Училища и пріобщенія, такимъ образомъ, къ семьѣ моряковъ, правилъ товарищества или дружбы, взаимной поддержки и т. п. Эта традиція, нося въ себѣ хорошія начала, зачастую давала поводъ къ возмутительнымъ поступкамъ юношей старшаго отдѣленія по отношенію къ своимъ младшимъ товарищамъ, переходящимъ всякія границы допустимаго. Какъ всегда, лучшіе изъ воспитанниковъ имѣли мало времени удѣлять надзору за младшими и это возлагали на себя добровольно худшіе элементы, доставляя себѣ этимъ своего рода развлеченіе и занятіе. Годъ спустя, это явленіе было въ корнѣ уничтожено раздѣленіемъ 5-ой роты на 5-ую и 6-ую и сведеніемъ для совмѣстной жизни 1-ой и Гардемаринской ротъ.

Со мной въ Морское Училище поступило около 60 человѣкъ, такъ что съ оставшимися на 2-й годъ въ младшемъ отдѣленіи получилось около 65 человѣкъ, раздѣленныхъ для учебныхъ занятій на 3 параллельныхъ класса въ среднемъ по 20 учениковъ въ каждомъ.

На другой же день начались правильныя занятія. День начинался побудкой въ 6½ часовъ утра и до 7 час.

давалось время на умываніе и одѣваніе. Въ 7 час. рота ставилась во фронтъ и пѣлась утренняя молитва, послѣ чего строемъ шли въ столовый залъ пить чай. Въ столовомъ залѣ всѣ были распредѣлены по столамъ, при чемъ за каждымъ столомъ сидѣлъ за старшаго унтеръ-офицера, воспитанникъ 1-ой или Гардемаринской роты.

Въ 7½ часовъ строемъ возвращались въ ротное помѣщеніе, откуда переходили въ классы, гдѣ нужно было быть уже къ 8 часамъ утра.

Отъ 8 до 9 час. 25 мин. продолжался первый урокъ, а съ 10 час. 35 мин. до 11 час. второй урокъ. Въ 11 час. шли снова въ ротное помѣщеніе, гдѣ каждому воспитаннику выдавалась копѣечная булка. Съ 11½ до 12½ были занятія: строевыя, гимнастика, сборка и разборка винтовки и т. п. Въ 12½ занятія оканчивались и давалось ½ часа на умываніе и приведеніе себя въ порядокъ для слѣдованія въ столовую на обѣдъ, который давался всегда ровно въ часъ дня. Обѣдъ продолжался ½ часа, послѣ чего воспитанники имѣли свободное время до 3 часовъ, когда могли играть, учить уроки или принимать посѣтителей.

Съ 3 до 6 час. снова были 2 урока по 1 час. 25 мин. каждый. Въ 6 часовъ по окончаніи классовъ шли ужинать, послѣ ужина въ младшихъ ротахъ давалось время на подготовку уроковъ. Въ 8 часовъ вечера шли въ столовую на вечерній чай, послѣ чего разрѣшалось ложиться спать. Во всякомъ случаѣ въ 10 часовъ вечера всѣ воспитанники должны были быть въ кроватяхъ.

По субботамъ было только два утреннихъ урока, а затѣмъ, если не мѣшала погода, производилось батальонное ученіе. По возвращеніи съ ученія давали обѣдъ, а потомъ увольняли воспитанниковъ до 8 часовъ вечера воскресенья въ отпускъ къ роднымъ или родственникамъ, давшимъ письменное обязательство начальству корпуса слѣдовать и поддерживать требованія Училища. Мальчики, не имѣвшіе близкихъ, къ которымъ они могли бы пойти, оставались въ стѣнахъ Училища. Въ число таковыхъ попалъ и я, но съ той раз-

ницей, что лейтенантъ В. И. Матвѣевъ разъ навсегда пригласилъ меня къ себѣ и я могъ, пользуясь тѣмъ, что его квартира находилась на одной же лѣстницѣ со входомъ со двора въ помѣщеніе нашей роты, но только этажемъ выше, ходить къ нему въ гости въ любое время дня въ субботу и воскресенье.

Командиромъ нашей роты былъ капитанъ 2 ранга Сорычевъ. Это былъ типъ морского офицера старой школы, воспитаннаго еще во времена паруснаго флота, когда главныя учебныя пособія были: ругательство и линекъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ добрымъ честнымъ человѣкомъ и въ душѣ хорошо относился къ юношеству. Бывало, накричитъ, нашумитъ изъ-за пустяка, а затѣмъ сейчасъ же улыбнется и гроза прошла. Помощниками его были 4 лейтенанта, которые дежурили посуточно и, что называется, не сводили глазъ со своихъ воспитанниковъ. Среди нихъ во всѣхъ отношеніяхъ выдающійся былъ лейтенантъ С. В. Мѣшковъ. Это свѣтлая личность, которой могло гордиться Морское Училище, былъ рѣдко образованный офицеръ, исключительно трудолюбивый, энергичный, готовый всегда всѣмъ оказать помощь, отдававшій всѣ свои силы на воспитаніе и обученіе будущихъ морскихъ офицеровъ. Онъ же преподавалъ много общихъ и спеціальныхъ наукъ и нужно только удивляться, какъ хватало его здоровья на всю эту безпрерывную работу. Лѣтомъ онъ бралъ къ себѣ на дачу нѣсколькихъ мальчиковъ, желающихъ поступить въ Морское Училище, и все лѣто шла подготовка ихъ къ экзаменамъ, при чемъ всѣ жили на полномъ пансіонѣ и находились подъ строгимъ надзоромъ супруги его.

Нужно принять во вниманіе, что въ описываемое время оклады содержанія во флотѣ и морскомъ вѣдомствѣ были далеко не соотвѣтствующими времени. Такъ, напримѣръ, отдѣленный начальникъ (иначе воспитатель) получалъ за свою тяжелую службу 100 рублей въ мѣсяцъ жалованья и казенную квартиру. Этихъ денегъ

едва хватало на нищенскую жизнь въ г. Петербургѣ, гдѣ все было такъ дорого. Понятно, что всѣ офицеры Училища должны были искать другихъ источниковъ доходовъ, чтобы содержать свои семьи, и находили ихъ въ преподаваніи и подготовкѣ мальчиковъ къ поступленію въ Морское Училище.

Такимъ образомъ, день за днемъ шло время въ скучныхъ классныхъ занятіяхъ и внѣклассныхъ въ помѣщеніи роты. Первое время трудно было привыкнуть къ 1½ часовымъ урокамъ и къ постоянному шуму въ ротномъ помѣщеніи, гдѣ находилось около 250 мальчиковъ отъ 12 до 14 лѣтняго возраста. Необходимо было приспособиться къ подготовкѣ уроковъ въ такой обстановкѣ. Лично мнѣ было легко, такъ какъ оказалось, что по знаніямъ своимъ послѣ окончанія 4-хъ классовъ гимназіи я много былъ впереди моихъ сверстниковъ и могу смѣло сказать, что первые два года я почти не открывалъ книгъ, хотя и шелъ первымъ по классу.

Преподавателями были у насъ частью офицеры, частью гражданскіе учителя, состоящіе въ штатѣ Морского Училища. Среди нихъ были рѣдкостные экземпляры, пахнувшіе такой стариной, что въ результатѣ получалось нѣчто комичное. Таковымъ былъ, напримѣръ, преподаватель алгебры и геометріи Павелъ Константиновичъ Гейлеръ, праздновавшій въ первый годъ моего поступленія 44-ую годовщину пребыванія въ стѣнахъ Училища. Это былъ человѣкъ или никогда не знавшій своихъ предметовъ или же позабывшій ихъ совершенно. У меня въ классѣ онъ читалъ геометрію. Урокъ начинался обыкновенно балаганомъ и шалостями; заранѣе готовились бумажные пѣтушки и ставились на порогъ дверей въ классъ; Павелъ Константиновичъ, подойдя къ двери, всегда одинаково невозмутимо останавливался и приказывалъ дежурному по классу убрать пѣтушковъ. Это исполнялось и они переставлялись на подоконникъ. Затѣмъ начинался преувеличенно громкій рапортъ дежурнаго по классу, за-

тѣмъ въ такомъ же видѣ молитва, послѣ чего разрѣшалось намъ сѣсть. Немедленно кто-либо изъ очередныхъ шалуновъ обращался къ П. К., называя его нарочно Константиномъ Павловичемъ. Этого было достаточно, чтобы отнять еще минутъ 10 отъ урока, такъ какъ совершенно однообразно, сколько бы разъ это не повторялось, Гейлеръ начиналъ объяснять, что не нужно путать его имя отчество и это легко запомнить, такъ какъ былъ Императоръ Павелъ, а у него сынъ Великій Князь Константинъ.

Послѣ этого разъясненія, слышаннаго нами въ сто первый разъ, отдавалось приказаніе вынуть тетради по геометріи и приступить къ записыванію новыхъ теоремъ. Послѣ провѣрки, всѣми ли приготовлено все нужное для записыванія, Гейлеръ бралъ мѣлъ, особенно обертывалъ его спеціально нарѣзанной бумагой и начиналъ чертить на доскѣ чертежъ, касающійся новой теоремы, что мы должны были точно копировать. Одновременно шло поясненіе и записываніе, при чемъ указывалось, когда начинать съ новой строчки, гдѣ ставить знаки препинанія, что подчеркивать и сколько разъ и т. д. Такимъ образомъ, все вниманіе учениковъ было обращено на запись, а совсѣмъ не на содержаніе теоремы. Продиктовавъ такъ около часу, Гейлеръ садился за свой столъ и начиналъ вызывать учениковъ для отвѣта. Онъ требовалъ точнаго повторенія того, что диктовалъ предыдущій разъ, и чѣмъ точнѣе была передача, тѣмъ былъ полнѣе баллъ. Задавать вопросъ или углубляться въ сущность его запрещалось. Видно было, что самъ преподаватель пересталъ понимать преподаваемый имъ предметъ, запомнивъ, однако, курсъ свой наизусть, что и требовалъ отъ учениковъ. Съ такимъ преподавателемъ нашъ классъ шелъ 3 года и, къ сожалѣнію, можно сказать, что курсъ геометріи мы не прошли, что и сказалось впослѣдствіи.

Въ числѣ такихъ же курьезныхъ преподавателей былъ и преподаватель исторіи Иванъ Ивановичъ Васильевъ, который зналъ свой курсъ немного лучше средняго ученика.

Наравнѣ съ этимъ были и выдающіеся педагоги, какъ напримѣръ: капитанъ 1 ранга Странолюбскій, лейтенантъ Бригеръ, Мѣшковъ, Безпятовъ, Шульгинъ и штатскіе Филоновъ и Калмыковъ.

На Рождественскіе каникулы насъ обыкновенно отпускали въ 2 очереди: 1) дальнихъ, которыхъ увольняли числа 18-го декабря и 2) мѣстныхъ, распускаемыхъ числа 22-го.

Принадлежа къ числу первыхъ, всѣ 6 лѣтъ пребыванія въ Училищѣ уже 18-го числа я былъ въ поѣздѣ, увозившемъ меня къ роднымъ въ Одессу съ тѣмъ, чтобы вернуться въ Училище только 6-го января вечеромъ.

Нужно отдать справедливость, что насколько мы всѣ радовались поѣздкѣ домой къ своимъ близкимъ, съ тѣмъ же чувствомъ глубокой любви къ своему учебному заведенію возвращались мы изъ отпуска. Было пріятно очутиться снова среди своихъ многочисленныхъ друзей, окунуться въ свои особые интересы и т. д. Получалась довольно дружная морская семья, гдѣ воспитатели и начальники были одновременно лицами одной корпораціи, спаянные въ одну большую семью. На Пасху ввиду кратковременности каникулъ и предстоящихъ экзаменовъ ѣздить домой не приходилось, но въ первый же годъ мнѣ удалось получить приглашеніе на Пасхальные каникулы отъ одного изъ моихъ товарищей по ротѣ и я провелъ праздники очень весело въ Кронштадтѣ въ семьѣ всѣми уважаемаго контръ-адмирала Өедора Алексѣевича Геркенъ, бывшаго тогда Начальникомъ Штаба Кронштадтскаго порта. Это была на рѣдкость гостепріимная и хлѣбосольная семья, гдѣ ежедневно садились за столъ много случайно зашедшихъ по дѣламъ или же просто знакомыхъ и для всѣхъ находилось ласковое слово милѣйшей хозяйки Маріи Петровны и гостепріимнаго хозяина Өедора Алексѣевича.

У нихъ мнѣ пришлось познакомиться съ такими столпами русскаго флота, какъ адмиралы Сѣрковъ, Шанцъ, Авеланъ, Гирсъ, Кознаковъ, Андреевъ, Бутаковъ и т. п.

Въ то время всѣ эти лица при встрѣчахъ между собой почти всегда сводили разговоръ на больную тему для флота — новое положеніе о цензѣ, что для меня тогда было не совсѣмъ ясно, но впослѣдствіи я самъ лично убѣдился, какъ эта мѣра губительно подѣйствовала на личный составъ флота.

Зимой ежедневно Морское Училище ожидало посѣщенія Государя Императора и волненій по этому поводу не было конца. Какъ ни хорошо было въ Училищѣ, хоть и всюду былъ образцовый порядокъ, чистота, строгая дисциплина и т. д., все же начальство наше, начиная отъ директора Училища, волновалось въ ожиданіи Высочайшаго посѣщенія. Очень ужъ грозенъ былъ Царь и трудно было скрыть отъ Него недочеты, а таковые всегда были. Волненіе передавалось и намъ — воспитанникамъ, но нужно отдать справедливость, что мы волновались не отъ страха, а отъ счастья видѣть вблизи обожаемаго Царя, а можетъ быть и Царицу.

Въ смыслѣ политическомъ, настроеніе у всѣхъ юношей было одинаковое. Сердца всѣхъ горѣли неподдѣльной любовью къ Своему Монарху и Родинѣ. Среди насъ не было иначе мыслящихъ, а если бы такой сказался бы, то сами товарищи выдали бы его начальству немедленно и безжалостно. Никакая пропаганда не могла бы имѣть успѣха.

Въ первый же годъ моего пребыванія въ Училищѣ Государь Императоръ съ Императрицей Маріей Ѳедоровной осчастливили насъ посѣщеніемъ, пріѣхавъ въ Училище какъ разъ въ большую перемѣну послѣ обѣда, когда не было классныхъ занятій. Обойдя все Училище, Высочайшіе Гости спустились и къ намъ въ помѣщеніе 4-ой роты, гдѣ мы, малыши, ожидали Ихъ, стоя во фронтѣ. Величественный и могущественный видъ Государя привелъ насъ въ трепетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ

въ какое-то блаженное состояніе. Ихъ Величества медленно обходили фронтъ нашъ, задавая ласковые вопросы отдѣльнымъ мальчикамъ и интересуясь всѣми мельчайшими подробностями нашей жизни, обученія и воспитанія. Прощаясь съ нами, Государь приказалъ отпустить насъ на три дня въ отпускъ.

Старшія роты провожали Ихъ Величествъ до выхода изъ стѣнъ Училища и, присутствуя при одѣваніи верхнихъ одеждъ, упросили Государя дать что-нибудь на память. Тогда Государь далъ Свой платокъ, который тутъ же былъ изорванъ въ мелкіе клочья и разобранъ воспитанниками.

Когда открыли выходныя двери и Ихъ Величества начали садиться въ сани, воспитанники выбѣжали на улицу съ криками «ура», окружили сани и провожали Ихъ Величествъ до Николаевскаго моста, гдѣ Государь категорично приказалъ вернуться домой.

Экзамены для перехода изъ младшаго отдѣленія 5-ой роты въ старшее оказались пустячными, тѣмъ болѣе для меня, перваго ученика по классу. Въ серединѣ мая мѣсяца я уже спокойно сидѣлъ въ вагонѣ и ѣхалъ на все лѣто домой, везя въ карманѣ пріятный для самолюбія документъ — актъ о сдачѣ мной переходныхъ экзаменовъ и баллами по каждому предмету. Средній баллъ былъ почти 12.

Незамѣтно прошло лѣто и долженъ сознаться, что въ серединѣ его я началъ уже тосковать по Училищу и товарищамъ. Въ началѣ сентября всѣ мы вновь собрались въ своемъ прежнемъ помѣщеніи, ожидая прибытія на другой день вновь поступившихъ въ младшее отдѣленіе, когда неожиданно намъ объявили о переводѣ нашемъ въ другое помѣщеніе, такъ какъ вышелъ приказъ о раздѣленіи 5-ой роты на 5-ую и 6-ую, при чемъ нашъ командиръ роты капитанъ 2 ранга Сорычевъ остался командиромъ 6-ой роты, а намъ назначили капитана 2 ранга Клеопина.

На другой же день начались классныя и практическія занятія, и черезъ недѣлю не вѣрилось, что мы недавно

были въ отпуску дома. Человѣческая натура такъ странна, что почти всѣ воспитанники, радовавшіеся возвращенію въ Училище, вскорѣ начинали считать дни, остающіеся до Рождественскихъ каникулъ. Прошло Рождество, затѣмъ Пасха и переходные экзамены въ 3-ью роту и наступилъ, наконецъ, давно желанный день отправки насъ въ первыхъ числахъ мая на суда Отряда Морского Училища для 3-хъ мѣсячнаго учебнаго плаванія.

Нашу роту посадили на набережной на колесный пароходъ Гвардейскаго Экипажа «Онега», который и доставилъ насъ въ Кронштадтскую гавань почти къ борту бронированнаго фрегата «Князь Пожарскій», на которомъ мы должны были проплавать это лѣто совмѣстно съ 3-ей ротой, бывшей раньше нашимъ старшимъ отдѣленіемъ, почему и находившейся съ нами въ дружескихъ отношеніяхъ.

Итакъ, мы впервые на военномъ кораблѣ. Каждому изъ насъ дали номеръ по судовому росписанію, указали маленькій ящикъ (рундукъ) для храненія вещей, разбили роту на 4 отдѣленія, перекликнули различныя корабельныя росписанія, выдали парусиновую койку съ матрасомъ, набитымъ мелкой пробкой, и мы сразу же почувствовали себя старыми морскими волками.

Фрегатомъ «Князь Пожарскій» командовалъ капитанъ 1 ранга Владиміръ Павловичъ Мессеръ, бывшій впослѣдствіи вице-адмираломъ и главнымъ командиромъ Кронштадтскаго Порта. Это былъ выдающійся морякъ, суровый и грубый съ виду человѣкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдкой честности, и большой доброты. Встрѣтилъ онъ насъ краткой рѣчью, что-то вродѣ того, что учитесь и ведите себя хорошо, а не то заставлю. По старинной школѣ только плохой морякъ не извергалъ ежеминутно бранныхъ, нецензурныхъ словъ, чему придерживался и Владиміръ Павловичъ, уснащая свою рѣчь или приказанія зачастую такими трехэтажными выраженіями, что мы, воспитанники, только удивлялись красотѣ и мощности русскаго языка. Старшимъ

офицеромъ или помощникомъ командира былъ капитанъ 2 ранга Михаилъ Андреевичъ Невинскій, полякъ по происхожденію и далеко не соотвѣтствовавшій по своимъ морскимъ качествамъ командиру. Онъ очень мягко стлалъ, но приходилось спать жестковато. Офицерскій составъ состоялъ изъ 5 солидныхъ лейтенантовъ, ревизора, двухъ штурманскихъ офицеровъ корпуса флотскихъ штурмановъ, одного капитана морской артиллеріи, двухъ механиковъ, нѣсколькихъ мичмановъ и двухъ офицеровъ Морского Училища, изъ которыхъ одинъ былъ отряднымъ, т. е. завѣдывалъ воспитанниками на всѣхъ судахъ, а другой нами.

На фрегатѣ «Князь Пожарскій» держалъ свой флагъ и адмиралъ, командовавшій отрядомъ судовъ Морского Училища. Штабъ его состоялъ изъ 2-хъ флагъ-офицеровъ.

Въ отрядъ судовъ Морского Училища входили: фрегатъ «Князь Пожарскій», корветы «Генералъ Скобелевъ», «Баянъ» и «Богатырь». Послѣдніе оба были исключительно парусные.

Съ перваго же дня нашего размѣщенія на суднѣ начались работы по вооруженію судна, т. е. по оснасткѣ мачтъ, вытягиванію такелажа, привязыванію парусовъ, сборкѣ машинъ и другихъ механизмовъ, сборкѣ артиллеріи, окраскѣ гребныхъ судовъ и вообще всѣхъ судовыхъ помѣщеній, такъ какъ въ описываемое мною время всѣ суда плавали всего нѣсколько мѣсяцевъ въ году, а остальное время стояли въ гавани на швартовыхъ совершенно разоруженными, сдавъ все имущество въ спеціальные судовые магазины, команда же находилась въ береговомъ экипажѣ.

Такимъ образомъ, каждую весну приходилось затрачивать массу энергіи и денегъ на вооруженіе судовъ, чтобы черезъ 3 или 4 мѣсяца снова все разоружать и завозить въ магазины.

Только злой геній русскаго флота могъ придумать этотъ ужасъ и бросаніе денегъ зря. А какой толкъ былъ отъ четырехмѣсячныхъ плаваній? Не успѣвала

команда, состоявшая отчасти изъ новобранцевъ, хоть немного привыкнуть къ морю, парусамъ и т. п., какъ приходилось все забывать и переходить на 8 мѣсяцевъ въ казармы.

Согласно расписанію и выраженному мною желанію я попалъ топовымъ на крюйсель-рей, почему съ перваго же дня мнѣ пришлось принимать горячее непосредственное участіе въ оснасткѣ корабля. Въ тѣ времена это была особая школа, священнодѣйствіе, такъ какъ суда ходили почти всегда подъ парусами, пользуясь машинами въ исключительныхъ случаяхъ.

Тутъ же въ гавани вооружались Практическая эскадра, Артиллерійскій и Минный отряды, т. е. всѣ силы Балтійскаго флота. Практическая эскадра состояла изъ одного броненосца «Петръ Великій» (въ Петербургѣ около заводовъ достраивались два новыхъ броненосца «Императоръ Александръ II» и «Императоръ Николай I»), 4-хъ башенныхъ фрегатовъ «Адмиралъ Грейгъ», «Адмиралъ Лазаревъ», «Адмиралъ Спиридовъ» и «Адмиралъ Чичаговъ»; 2-хъ броненосныхъ фрегатовъ «Генералъ-Адмиралъ» и «Герцогъ Эдинбургскій» и 2-хъ или 3-хъ клиперовъ вродѣ «Разбойникъ», «Наѣздникъ», «Пластунъ» и т. п.

Артиллерійскій отрядъ состоялъ изъ фрегатовъ: «Не тронь меня», «Первенецъ» и канонерскихъ лодокъ «Смерчъ» и «Русалка».

Минный отрядъ—изъ учебныхъ судовъ: «Африка» и «Европа», *бывшихъ пароходовъ, передѣланныхъ* спеціально подъ минную школу.

Были еще небольшіе отряды, какъ: Водолазный, Техническаго Училища, миноносокъ и т. п.

Приходилось съ 6 часовъ утра и до 6 часовъ вечера проводить на воздухѣ и почти все время на мачтѣ, накладывая такелажи, проводя снасти, привязывая паруса и т. п. Работа была очень интересная и увлекательная. Руки цѣлый день были вымазаны въ смолѣ или краскѣ, такъ какъ весь такелажъ «тировался» жидкой

смолой, а все дерево и желѣзо красилось для предохраненія отъ ржавчины и гніенія.

Кромѣ работы, мы воспитанники стояли вахты наравнѣ съ командой. Вахты распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: съ 12 дня до 6½ часовъ вечера, съ 6½ вечера до 12 час. ночи, съ 12 ночи до 4 час. утра, съ 4 час. утра до 8 утра и съ 8 утра до 12 час. дня. Такимъ образомъ, если 1 отдѣленіе вступало сегодня на вахту съ 12 час. дня до 6½ час. вечера, то на другой день оно стояло съ 8 час. утра до 12 час. дня. И такъ шло безпрерывно во все время плаванія. Обязанности на вахтѣ были разныя: человѣка 2 находились при вахтенномъ начальникѣ-офицерѣ, 2 сигнальщиками, 4 рулевыми, 8 дневальными и разсыльными, 7 гребцами на шестерку, 3 прислугой парового катера, а остальные вахтенными на бакѣ, шханцахъ, ютѣ и у снастей.

Кромѣ того, ежедневно выставлялся смѣшанный караулъ отъ команды и воспитанниковъ на сутки для охраны денежнаго ящика, крюйтъ-камеръ, гюйса и флага и траповъ.

Вооруженіе нашихъ судовъ продолжалось дней 10, послѣ чего весь отрядъ вытянулся на буксирахъ портовыхъ буксировъ на Большой рейдъ, откуда на другой день снялся подъ парусами для слѣдованія въ первый по расписанію рейдъ Біоркэ-Зундъ.

Какъ нарочно ночью начался довольно свѣжій противный вѣтеръ, усилившійся вскорѣ до 6-7 балловъ, что заставило наши суда лавировать между узкими берегами Финскаго залива, почти не подвигаясь впередъ. На другой день утромъ ввиду не измѣнившейся погоды адмиралъ приказалъ развести пары «Кн. Пожарскому» и «Генералу Скобелеву» и взять на буксиръ «Баяна» и «Богатыря». Впервые пришлось видѣть, какъ корабль подаетъ буксиръ другому на довольно большой волнѣ. Маневръ этотъ лихимъ командиромъ былъ выполненъ довольно быстро и мы, такимъ образомъ, вскорѣ оказались на якорѣ въ проливѣ Біоркэ-Зундъ противъ деревни Коивисто.

Начались рейдовыя ученія. Команда и воспитанники будились въ $5\frac{1}{2}$ часовъ утра, вязали свои койки и по командѣ вахтеннаго начальника выносили ихъ наверхъ и укладывали въ спеціальныхъ коечныхъ сѣткахъ; послѣ этого пѣлась молитва и давался завтракъ. У насъ завтракъ состоялъ изъ чая съ хлѣбомъ, а командѣ давалась жидкая гречневая кашица, куда они всыпали толченые сухари.

Послѣ завтрака начиналась уборка корабля по особому росписанію, которая и продолжалась до $7\frac{3}{4}$ часовъ.

Въ 7 часовъ 55 минутъ команда и воспитанники ставились во фронтъ, вызывался также караулъ и офицеры для отданія чести при подъемѣ флага. Если же наканунѣ были спущены брамъ-реи и стеньги, то въ то же время вызывались «всѣ наверхъ брамъ-реи и стеньги поднять».

Минуты за 3 до 8 выходилъ командиръ и принималъ рапортъ отъ старшаго офицера и спеціалистовъ, послѣ чего уже выходилъ адмиралъ, которому рапортовалъ командиръ. Оба начальника при выходѣ здоровались съ офицерами, воспитанниками и командами.

За одну минуту до 8 часовъ, одновременно съ командой на «флагъ и гюйсъ», посылались люди на мачты и начинался подъемъ брамъ-стенегъ и брамъ-рей, что полагалось дѣлать не болѣе одной минуты, такъ какъ подавалась команда: «ворочай, флагъ и гюйсъ поднять». Вся задача состояла въ томъ, чтобы немедленно же послѣ подъема рангоутъ судно имѣло видъ такой, будто рангоутъ не былъ спущенъ.

Незамѣтно прошло лѣто перваго плаванія, полное интереса для насъ новичковъ, и морская служба еще сильнѣе захватила большинство изъ насъ, какъ всякій спортъ. А тогда служба во флотѣ была сплошнымъ спортомъ, такъ какъ плавали почти всегда подъ парусами, разводя пары только въ исключительныхъ случаяхъ. И въ морѣ и на якорѣ безпрерывно шли парусныя ученія, захватывающія весь судовой составъ стремленіемъ обогнать въ скорости исполненія маневра другіе корабли отряда. Придумывались всевозможныя ухищренія и приспособленія, изобрѣтались новые способы, все только для этого соревнованія. Часто люди жертвовали или рисковали своей жизнью, только чтобы не осрамить свой корабль передъ соперникомъ. Все это невольно сплачивало составъ командъ корабля, и между офицерами, унтеръ-офицерами и рядовыми матросами общность интересовъ порождала крѣпкую спайку.

Наравнѣ съ этимъ во флотѣ царила еще жестокость въ обращеніи съ подчиненными, процвѣтали линьки и рукоприкладство и шла безпрерывная, виртуозная ругань.

Въ первомъ же плаваніи мы узнали, что флотъ дѣлится на двѣ части: корабли заграничнаго плаванія и внутренняго. На первыхъ все было блестяще, начиная съ организаціи службы и кончая формой одежды и пищей команды и офицеровъ. На вторыхъ же, наоборотъ, и служба шла скверно и пища была ниже средней.

Корнемъ зла было знаменитое положеніе о морскомъ цензѣ для офицеровъ, благодаря которому офицеры не плавали, а цензовали. Большинствомъ судовъ внутренняго плаванія командовали штабъ-офицеры, имѣвшіе мало шансовъ на движеніе впередъ, почему они старались отбыть лишь положенный цензъ для выслуги возможно большей пенсіи. Командиры заграничныхъ кораблей принуждены были поневолѣ проплавать по 2, 3 года подрядъ, но за то у нихъ была полная надежда на движеніе впередъ.

Стоило собраться двумъ, тремъ морскимъ офицерамъ, какъ невольно разговоръ переходилъ на больную тему о цензѣ. И мы юноши съ первыхъ же нашихъ шаговъ во флотѣ внѣ Училища наталкивались на уродливыя условія ценза и начинали понимать то зло, которое онъ приносилъ флоту.

Послѣ плаванія былъ трехнедѣльный отпускъ къ роднымъ, а затѣмъ снова зимнія занятія и жизнь въ Учи-

лицѣ съ ежедневными ожиданіями Высочайшаго посѣщенія.

Незамѣтно, тихо, безъ волненій или какихъ-либо событій прошли 6 лѣтъ моего пребыванія въ Училищѣ, переименованнымъ вскорѣ въ Морской Кадетскій Корпусъ.

Это звучитъ почти какъ Пажескій Корпусъ, говорилъ неоднократно нашъ директоръ вице-адмиралъ Арсеньевъ, добивавшійся цѣли сдѣлать Морской Корпусъ самымъ моднымъ учебнымъ заведеніемъ. И нужно отдать ему справедливость, что въ этомъ отношеніи онъ преуспѣлъ, такъ какъ раньше Морской Корпусъ питался, главнымъ образомъ, дѣтьми моряковъ, а въ его время начали поступать со всей Россіи сыновья зажиточныхъ семействъ и даже высшей знати.

Въ мое время воспитывались въ Корпусѣ два Великихъ Князя Алексѣй Михайловичъ и Кириллъ Владиміровичъ и сыновья русской знати, какъ генералъ-адъютанта графа Воронцова-Дашкова или князя Барятинскаго.

Наступили дни выпускныхъ экзаменовъ передъ комиссіей отъ флота подъ предсѣдательствомъ одного изъ старѣйшихъ адмираловъ, когда шелъ не только экзаменъ выпускнымъ, но и всему Корпусу, а затѣмъ послѣднее такъ называемое гардемаринское плаваніе, продолжавшееся не 3, а 4 мѣсяца, при чемъ четвертый мѣсяцъ полагалось проводить почти въ безпрерывномъ крейсированіи подъ парусами.

Плаваніе это мы продѣлали на корветѣ «Генералъ Скобелевъ» подъ командою выдающагося командира капитана 1 ранга барона Штакельберга, благодаря опыту котораго мы благополучно вышли изъ рѣдкаго по силѣ шторма, расшатавшаго настолько сильно старый полудеревянный корветъ, что это плаваніе для него оказалось послѣднимъ. Такой силы шторма я не видалъ больше за всю мою многолѣтнюю службу во флотѣ.

Насталъ, наконецъ, и радостный день производства въ офицеры, когда намъ прочли и роздали Высочайшій объ этомъ приказъ.

Послѣ торжественнаго акта насъ уволили въ двухъ мѣсячный отпускъ, изъ котораго мы должны были вернуться въ свои экипажи.

Въ это время во флотѣ была проведена оригинальная реформа, принесшая только отрицательные результаты. Ввиду утвержденія усиленной программы судостроенія, имѣвшіеся раньше экипажи были развернуты въ 20 экипажей по 10 въ дивизіи въ одномъ только Балтійскомъ флотѣ. По мысли реформаторовъ въ каждый экипажъ должны быть зачисленны всѣ имѣющіеся уже на лицо корабли и зачисляться по мѣрѣ закладки вновь строющіеся.

Экипажи должны были формировать команды судовъ, которыя и жили въ экипажахъ до переборки на суда.

Практически получилось слѣдующее: всѣ новыя суда уходили на Дальній Востокъ, гдѣ усиливалась Тихоокеанская эскадра, и плавали тамъ по много лѣтъ безпрерывно, получая пополненія изъ новобранцевъ, обучающихся непосредственно въ Сибирскомъ экипажѣ. Экипажи Балтійскаго моря въ буквальномъ смыслѣ слова пустовали и занимались обслуживаніемъ самихъ себя за исключеніемъ 2 и 3, гдѣ были суда, плавающія въ ближайшихъ или внутреннихъ моряхъ. Образовался колоссальный недохватъ офицеровъ, такъ какъ все посылалось на Востокъ. Экипажи обслуживались чиновниками или офицерами, списанными съ судовъ съ протестомъ.

Въ одинъ изъ такихъ экипажей по номеру второй вышелъ и я по вдохновенію, имѣя право выбора по желанію, но не зная, какому изъ экипажей отдать предпочтеніе.

Находясь въ отпуску у своихъ родныхъ въ г. Одессѣ, я узналъ о безвременной кончинѣ Государя Императора и о вступленіи на Престолъ Императора Нико-

лая II; передъ кончиной Августѣйшаго Отца Онъ былъ обвѣнчанъ съ принцессой Алисой Гессенской, названной при Св. Крещеніи Александрой Ѳеодоровной. Присутствуя на панихидахъ въ Одесскомъ соборѣ, я видѣлъ, какъ всѣ граждане безъ различія чиновъ или положен я искренно плакали, убитые тяжелымъ сознаніемъ невозвратимой потери мощнаго и непоколебимаго Царя, къ словамъ котораго прислушивались всѣ державы. Одновременно всѣ радовались вступленію на престолъ молодого, милостиваго и ласковаго Государя Императора Николая II.

Такимъ образомъ, служба моя офицеромъ фактически началась уже въ царствованіе Императора Николая II.

II.

2-ой Балтійскій Флотскій Экипажъ, куда я явился изъ отпуска, помѣщался въ 1-мъ флигелѣ Морскихъ казармъ совмѣстно съ 9 экипажемъ. Командовалъ экипажемъ капитанъ 1 ранга Павелъ Степановичъ Остелецкій, впослѣдствіи капитанъ надъ Кронштадтскимъ портомъ. Въ экипажѣ числились два строющіеся корабля и нѣсколько мелкихъ судовъ старыхъ типовъ исключительно внутренняго плаванія или лишенныхъ права плаванія, но оставленныхъ въ спискахъ для выдачи столовыхъ денегъ командирамъ.

Немедленно по явкѣ я получилъ въ командованіе 6-ую роту, которая несла хозяйственныя обязанности и состояла вся изъ мастеровыхъ, писарей, портныхъ и т. п. Одновременно мнѣ поручили помогать лейтенанту Ергольскому обучать новобранцевъ. Всего въ экипажѣ команды было человѣкъ 400 при 5, 6 офицерахъ.

Вступивъ въ командованіе ротой прямо со школьной скамьи, я чувствовалъ себя первое время отвратительно, такъ какъ Морской корпусъ не могъ дать практики и опыта сразу быть начальникомъ. Поневолѣ

пришлось прислушиваться къ указаніямъ стараго опытнаго сверхсрочнаго фельдфебеля и многому учиться отъ него на практикѣ. Люди моей роты цѣлые дни проводили на работахъ, а я при новобранцахъ, гдѣ мною руководилъ опытный и выдающійся во всѣхъ отношеніяхъ мой начальникъ.

Раза два въ недѣлю производились баталіонныя ученія, такъ называемыя десантныя, для чего изъ всѣхъ 10 экипажей 1-ой дивизіи составлялся 1 баталіонъ четырехротнаго состава.

Когда Генералъ-Адмиралъ Великій Князь Алексѣй Александровичъ пожелалъ сдѣлать строевой смотръ экипажамъ, то баталіоны представились ему отвратительно. Чтобы исправить въ слѣдующемъ году этотъ недочетъ, начальство рѣшило составить одинъ баталіонъ изъ всей дивизіи и спеціально его обучать подъ руководствомъ назначенныхъ штабъ-офицеровъ отъ Каспійскаго пѣхотнаго полка, нисколько не стѣсняясь фактомъ обмана Великаго Князя.

Такимъ образомъ, ежедневно я начиналъ службу съ 8 часовъ утра и оставался въ экипажѣ до 6 часовъ вечера, пользуясь обѣденнымъ перерывомъ съ 12 до 2 часовъ, чтобы пообѣдать въ Морскомъ собраніи.

Съ 6 часовъ я посѣщалъ знакомыхъ и товарищей или проводилъ время въ Морскомъ собраніи, гдѣ имѣлись: читальня, библіотека и билліарды.

Въ февралѣ вышелъ приказъ о моемъ назначеніи въ плаваніе на предстоящее лѣто вахтеннымъ офицеромъ на броненосецъ «Императоръ Александръ II», входившій въ составъ Практической эскадры Балтійскаго моря. Въ концѣ марта мѣсяца закончилось обученіе новобранцевъ и началось вооруженіе судовъ къ предстоящему плаванію, почему мнѣ пришлось прекратить посѣщеніе своего экипажа, а къ 6 часамъ утра быть въ гавани около броненосца.

Какъ и всѣ суда, броненосецъ «Императоръ Александръ II» простоялъ всю зиму подъ охраной вахтенныхъ матросовъ, назначаемыхъ посуточно изъ коман-

ды броненосца, совершенно пустой съ разобранными машинами и механизмами, разобщенными трубами, безъ мебели и всего инвентаря, завезеннаго на всю зиму въ спеціальный складъ. Теперь предстояло все собрать и опробовать, продернуть и основать всѣ снасти, поставить на мѣсто мелкую артиллерію, крупную очистить отъ зимней смазки и т. д. Словомъ, работа нешуточная, кропотливая и отвѣтственная, а кромѣ того весьма дорого стоющая, такъ какъ очевидно, что при такой полной разборкѣ ежегодно и новой сборкѣ многое невольно портилось и легче изнашивалось. Весь апрѣль мѣсяцъ и начало мая было посвящено этой работѣ, а также окраскѣ броненосца, послѣ чего онъ вышелъ на рейдъ, гдѣ и сталъ на якорь.

За время вооруженія мнѣ пришлось познакомиться съ составомъ г.г. офицеровъ и матросовъ броненосца, который состоялъ флагманскимъ кораблемъ въ Практической эскадрѣ и плавалъ ежегодно. Выяснилось, что кромѣ спеціалистовъ всѣ остальные офицеры были случайные, назначенные только на плаваніе этого года. Команда состояла изъ небольшого кадра, уже плававшаго раньше на кораблѣ, а остальные были все люди, назначенные съ другихъ судовъ и даже другихъ экипажей. Кромѣ того было до 30% новобранцевъ.

По выходѣ на рейдъ сразу выяснилось, что броненосецъ не только небоеспособенъ, но даже плавать можетъ съ трудомъ, такъ какъ опытной команды почти не было и вся отвѣтственность ложилась исключительно на офицеровъ и унтеръ-офицеровъ. Дисциплина отсутствовала, организаціи внутренней службы не было никакой, такъ что судовой караулъ былъ просто фикція и часовые не знали и не исполняли своихъ обязанностей, зачастую садясь на что попало и кладя винтовку гдѣ-либо сбоку. Грести не умѣлъ никто. Съ большимъ трудомъ набрали гребцовъ на командирскій шестивесельный вельботъ.

Немедленно по выходѣ на рейдъ начались безпрерывныя ученія, начиная отъ обученія греблѣ.

Въ это время полученъ былъ приказъ о назначеніи броненосца въ особый отрядъ подъ командой контръ-адмирала Скрыдлова для участія въ празднествахъ по случаю открытія Кильскаго канала. Въ отрядъ вошли еще: крейсеръ «Рюрикъ» и канонерская лодка «Грозящій».

На другой же день изъ Петербурга прибылъ адмиралъ Скрыдловъ и, сдѣлавъ смотръ судамъ отряда, остался очень недоволенъ состояніемъ ихъ. Часы занятій и число ихъ утроились, а тутъ пришлось вновь подкрашиваться для заграничнаго да еще такого показного плаванія. Было извѣстно, что на Кильскія торжества должны прибыть военныя суда всѣхъ государствъ и, конечно, какъ это принято всегда, всѣ пошлютъ свои самые новѣйшие корабли.

Подготовившись, насколько позволяло время, мы тронулись въ путь и, подходя къ г. Килю, встрѣтили въ морѣ французскій отрядъ, шедшій съ той же цѣлью и состоявшій изъ подходящихъ къ намъ по типу трехъ судовъ.

Оба отряда вошли одновременно на Кильскій рейдъ и стали на бочки согласно диспозиціи недалеко другъ отъ друга и вблизи бочки Императорской яхты «Гогенцоллернъ».

4 дня продолжались торжества, а мы 4 дня праздновали встрѣчу съ французскимъ флотомъ и дѣлали это демонстративно передъ всѣми судами другихъ иностранныхъ державъ. Директива эта дана была свыше и намъ оставалось только быть ея исполнителями.

Въ это время Германія не имѣла флота. О немъ только мечталъ Германскій Императоръ и подготовлялъ все для созданія могучаго флота, который могъ бы соперничать съ англійскимъ.

Вернувшись съ Кильскихъ торжествъ, броненосецъ нашъ былъ снова зачисленъ въ Практическую эскадру и удостоился счастья Высочайшаго Смотра — перваго смотра флоту молодого Императора Николая II и Им-

ператрицы Александры Өедоровны, которую почти никто еще не зналъ.

За нѣсколько дней до смотра началось нервничаніе и волненіе начальствующихъ лицъ на броненосцѣ, не знающихъ, какъ Государь Императоръ будетъ дѣлать смотръ. Всѣ хорошо знали, что Государь любитъ морское дѣло и знаетъ его хорошо. Невольно мучалъ вопросъ, а что если Государь пожелаетъ сдѣлать настоящій смотръ со всѣми ученіями и вдругъ броненосецъ осрамится, такъ какъ короткое плаваніе не дало возможности подучить личный составъ и привести броненосецъ въ надлежащій видъ.

Въ назначенный часъ съ моря со стороны Петергофа показалась Императорская яхта «Александрія» подъ брейдъ-вымпеломъ Государя Императора. Немного впереди нея шли два Императорскихъ парадныхъ паровыхъ катера «Петергофъ» и «Бунчукъ». Яхту «Александрію» сопровождали яхта «Марево» и два охранныхъ катера.

Весь этотъ маленькій отрядъ прошелъ на Большой Кронштадтскій рейдъ, гдѣ яхта «Александрія» стала на якорѣ вблизи броненосца. Немедленно къ трапамъ яхты подошли катера съ начальствующими лицами, а затѣмъ оба Императорскіе катера. Принявъ Высочайшихъ посѣтителей и ихъ свиту, катера отвалили отъ яхты и направились къ броненосцу, на которомъ офицеры и команда были выстроены во фронтъ для встрѣчи согласно устава.

На палубѣ броненосца, когда по приказанію командира оркестръ пересталъ играть, было слышно, какъ Царскій катеръ плавно подошелъ къ трапу и далъ ходъ назадъ, чтобы остановиться. Затѣмъ послышались шаги многихъ лицъ по наружному трапу и на палубу вошли Государь Императоръ и Императрица. Отрапортовалъ адмиралъ и подошелъ съ рапортомъ командиръ броненосца капитанъ 1 ранга Никоновъ — гроза своихъ подчиненныхъ. И вдругъ мы видимъ, что командиръ, держа дрожащую руку у треуголки, силится выговорить слова несложнаго рапорта, но дальше словъ «Ваше Императорское Величество», повторяемыхъ имъ нѣсколько разъ, у него ничего не выходитъ.

Государь, ласково улыбнувшись, протянулъ ему руку и представилъ Государынѣ адмирала и командира.

Начался обходъ Государя по фронту офицеровъ, когда командиру надлежитъ называть фамилію, чинъ и должность на кораблѣ каждаго представляющагося. И тутъ волненіе не дало командиру возможности выполнить свою обязанность, хотя онъ отлично зналъ, конечно, каждаго офицера и его должность на кораблѣ. Пришлось каждому изъ насъ представляться Государю непосредственно, чтобы выручить бѣднаго, смущеннаго командира, идущаго сзади Государя со слезами умиленія и восторга на глазахъ.

Обойдя офицеровъ, Государь повернулся къ фронту караула и команды и, поздоровавшись, пошелъ по фронту, смотря своимъ поразительнымъ взоромъ каждому прямо въ глаза и проникая какъ бы въ душу каждаго. Послѣ этого начался детальный осмотръ корабля до машинъ и кочегарокъ включительно.

Императрица въ обществѣ нѣсколькихъ лицъ свиты оставалась все время на верхней палубѣ и такимъ образомъ дала возможность всѣмъ намъ любоваться Ея Царственной красотой.

Поднявшись послѣ осмотра на верхнюю палубу, Государь пожелалъ посмотрѣть артиллерійское ученіе, что и было немедленно исполнено. Этимъ былъ законченъ смотръ. Поговоривъ немного съ адмираломъ и командиромъ, къ тому времени совершенно успокоившимся, Ихъ Величества, поблагодаривъ за службу, простились съ нами и спустились на катеръ.

Какъ только катеръ отвалилъ отъ борта и отплылъ на небольшое разстояніе, броненосецъ началъ салютъ, а офицеры и команда, стоя по бортамъ, провожали Ихъ Величествъ безконечнымъ и громогласнымъ «ура».

Такъ прошелъ первый морской смотръ молодого Императора, возбуждавшаго къ себѣ всеобщую любовь

и восторгъ. Много и долго спустя жили мы воспоминаніями о ласковости Государя и Императрицы и переживали чувство восторга, который испытывали мы въ Ихъ присутствіи.

Послѣ смотра броненосецъ присоединился къ Практической эскадрѣ въ Гельсингфорсѣ и къ намъ переѣхалъ начальникъ эскадры вице-адмиралъ Геркенъ.

Тихое, спокойное плаваніе продолжалось до середины сентября мѣсяца, когда вся эскадра вернулась въ Кронштадтъ, вошла въ гавань и приступила вновь къ разоруженію.

Къ радости моей я былъ переведенъ на броненосецъ «Наваринъ», предназначенный къ уходу въ заграничное плаваніе послѣ окончанія всѣхъ заводскихъ испытаній.

На броненосцѣ «Наваринъ» шли спѣшные сборы къ заграничному плаванію. Броненосецъ этотъ строился уже 8-ой годъ и все еще не былъ окончательно достроенъ. Закончены были лишь машины и котлы и по этой части оставалось только произвести всѣ положенныя испытанія. Поэтому мы нѣсколько разъ выходили въ море и развивали полный ходъ, промѣряя скорость по мѣрной мили. Одновременно шла достройка броненосца по всѣмъ частямъ.

Главная задержка была въ неготовности башенъ, которыя почему-то не давались заводу.

Наступали заморозки, и опасаясь, что броненосецъ замерзнетъ въ льдахъ Кронштадта, было приказано идти въ Ревель, гдѣ и зимовать. Въ Ревелѣ производились испытанія башенъ и первыя стрѣльбы, при чемъ опытнымъ путемъ были выяснены недочеты въ башенныхъ установкахъ, исправить которыя, видя безсиліе завода, взялся помощникъ старшаго механика Винтеръ.

Въ серединѣ декабря, когда и Ревельскій рейдъ началъ замерзать, броненосецъ втянулся въ гавань и, отправивъ часть офицеровъ и командъ въ Кронштадтъ въ экипажъ, только съ необходимыми спеціалистами

остался зимовать, не только ничего не разбирая, а наоборотъ, продолжая заканчивать сборку и вооруженіе по всѣмъ частямъ. Это былъ первый опытъ зимовки судовъ съ личнымъ составомъ и въ полномъ вооруженіи и опытъ, удавшійся блестяще.

Вернувшись въ концѣ марта мѣсяца на броненосецъ, мы застали его въ полной готовности къ заграничному плаванію. Оставалось подучить личный составъ, состоявшій почти цѣликомъ изъ неплававшихъ матросовъ, и принять всѣ необходимые запасы для предстоящаго плаванія, для чего броненосецъ вернулся въ первыхъ числахъ мая въ Кронштадтъ.

Въ это время рѣшено было послать въ Средиземное море постоянный отрядъ судовъ, почему въ отрядъ этотъ былъ зачисленъ въ первую голову «Наваринъ», затѣмъ броненосецъ «Императоръ Александръ II», на которомъ я плавалъ первое лѣто, одинъ минный крейсеръ и два миноносца. Начальникомъ отряда былъ назначенъ контръ-адмиралъ Андреевъ.

Въ первыхъ числахъ августа отрядъ тронулся въ путь съ заходомъ въ Портландъ, Кадиксъ, Алжиръ и Пирей, гдѣ и предназначалась главная стоянка. Тамъ къ отряду присоединились двѣ канонерскія лодки, находящіяся стаціонерами въ греческихъ водахъ.

Передъ уходомъ отряда, послѣ цѣлаго ряда смотровъ всевозможныхъ начальствующихъ лицъ, состоялся и Высочайшій прощальный смотръ, при чемъ главное вниманіе Государя было обращено на новый для Россіи броненосецъ «Наваринъ», построенный по англійскому типу. Произведенъ былъ детальный осмотръ корабля, во время котораго произошелъ слѣдующій инцидентъ: подошли къ носовой башнѣ въ батарейной палубѣ, гдѣ имѣлся единственный весьма узкій и низкій входъ въ башню, продѣланный въ бронѣ. Командиръ корабля капитанъ 1 ранга Безобразовъ, крупный и грузный человѣкъ, съ большимъ трудомъ пролѣзавшій въ такое маленькое отверстіе, видя желаніе Государя войти въ башню, замялся и доложилъ Его Величеству,

что наврядъ ли возможно войти внутрь изъ-за неудобства входа. На это Государь Императоръ ласково и спокойно отвѣтилъ: «идите, командиръ, впередъ, а я за вами всюду пройду». Сконфуженный командиръ немедленно юркнулъ въ узкое отверстіе, а за нимъ легко и свободно вошелъ стройный и молодой Государь и пробылъ въ башнѣ очень долго, интересуясь въ подробностяхъ дѣйствіемъ всѣхъ приборовъ и управленіемъ башней, на счастье и радость башенной прислугѣ, не ожидавшей видѣть у себя Такого Высокого Гостя.

Императрица, видимо, чувствовала себя нехорошо и провела все время на верхней палубѣ, спустившись только на короткое время въ каюту командира.

Послѣ осмотра, ласково пожелавъ счастливаго плаванія, Ихъ Величества въ сопровожденіи свиты отбыли установленнымъ порядкомъ на другія суда отряда, гдѣ даже на миноносцахъ Государь дѣлалъ детальный смотръ, спускаясь черезъ горловины. Трудно описать тѣ блаженныя минуты, которыя мы пережили всѣ, осчастливленные ласковымъ обращеніемъ къ намъ Государя и Его вниманіемъ къ каждой мелочи нашей повседневной жизни и службы Ему и Родинѣ.

Благодаря лѣтнему времени переходъ нашъ былъ совершенъ при благопріятныхъ условіяхъ и насъ не качало даже въ такихъ мѣстахъ, какъ Бискайская бухта или около мыса Матапана, гдѣ, по преданію, считалось необходимымъ встрѣтить свѣжую погоду. Въ Греціи встрѣтили насъ весьма ласково, какъ долгожданныхъ гостей, что неудивительно, такъ какъ въ то время царствовалъ король Георгъ, женатый на Великой Княгинѣ Ольгѣ Константиновнѣ, дочери покойнаго Генералъ-Адмирала и Главнаго Начальника флота и морского вѣдомства Великаго Князя Константина Николаевича, которому такъ много былъ обязанъ флотъ.

Любовь отца къ флоту и его чинамъ передалась и Августѣйшей Дочери, и Королева Ольга Константиновна встрѣчала русскія суда, какъ свои родныя.

Послѣ офиціальныхъ визитовъ и представленій, а также посѣщеній отряда Королемъ и Королевой, начался рядъ частныхъ пріемовъ, во время которыхъ Королева Ольга Константиновна очаровывала насъ своей простотой и ласковостью. Совершенно также Она относилась и къ нижнимъ чинамъ, которые имѣли къ Ней доступъ черезъ Ея камеръ-фрау и постоянно безпокоили Ее всевозможными просьбами. Это вызывало иногда даже нѣкотораго рода конфликты между безконечно доброй Королевой и начальствующими лицами, такъ какъ матросы зачастую злоупотребляли доступностью Ея и иногда позволяли себѣ обращаться съ жалобами, напримѣръ, на строгость наказаній или требованій. По своей добротѣ Королева обыкновенно не разбиралась гдѣ правда и обращалась съ просьбой о смягченіи къ начальству, которое не всегда было довольно такими ходатайствами. Особую заботливость проявляла Королева къ больнымъ, которые размѣщались въ спеціальномъ госпиталѣ и пользовались рѣдкимъ уходомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашего прихода въ Грецію неожиданно было получено приказаніе отъ Главнаго Морского Штаба списать съ отряда 4-хъ офицеровъ и отправить ихъ на Тихо-океанскую эскадру. Результатомъ этого по жребію попалъ и я въ число посылаемыхъ. Трудно передать, какъ тяжело было покидать свой корабль, на которомъ я уже состоялъ второй годъ, гдѣ я всѣхъ зналъ и меня всѣ знали. Но пришлось покориться судьбѣ и на прощальномъ обѣдѣ, данномъ мнѣ и другому компаніону по путешествію, я сквозь слезы сказалъ пророческія слова: «вотъ увидите, когда я буду возвращаться въ Россію, вы только тронетесь на Востокъ». Сказано это было какъ самоутѣшеніе, но я случайно оказался правымъ.

Королева приняла въ насъ четверыхъ горячее участіе и пригласила насъ гостить до прихода парохода Русскаго О-ва Пароходства и Торговли, идущаго въ

Александрію, къ Себѣ въ имѣніе «Татой», гдѣ обыкновенно Королевская Семья проводила лѣто и осень.

Въ «Татоѣ» мы имѣли счастье познакомиться съ принцессой Маріей Георгіевной и представиться Ея жениху Великому Князю Георгію Михайловичу, гостившему въ то время въ Греціи.

Четыре дня, проведенные въ «Татоѣ», останутся навсегда у меня въ памяти, такъ какъ благодаря простотѣ и ласковости Августѣйшей Хозяйки, полному невмѣшательству Короля и дружескому къ намъ отношенію рѣдко симпатичнаго Великаго Князя и Его невѣсты мы вскорѣ почувствовали себя какъ бы въ Россіи въ богатомъ помѣщичьемъ домѣ. Этикетъ соблюдался лишь за обѣденнымъ столомъ и то мало стѣснительный, остальное же время мы проводили въ обществѣ Королевы и Ея семьи, не чувствуя никакого стѣсненія. Въ одинъ изъ вечеровъ Королева потребовала записать что-нибудь въ Ея альбомъ и намъ, скромнымъ офицерамъ флота, пришлось внести свои записи въ альбомъ, гдѣ я лично прочелъ собственноручную запись Императора Александра III съ Его характернымъ росчеркомъ слѣдующаго содержанія: «Очень часто вспоминаю Тебя, дорогая Ольга, въ особенности послѣднее время. Александръ». Запись эта была внесена незадолго до кончины Государя.

Какъ-то сидя въ саду послѣ завтрака, Великій Князь обратилъ вниманіе на прекрасную обувь у одного изъ насъ. Всѣ невольно опустили глаза на счастливаго обладателя и замѣтили, какъ принцесса быстро спрятала свои ножки подъ стулъ и переконфузилась. Великій Князь поддержалъ нашу просьбу объяснить въ чемъ дѣло, послѣ чего Принцесса тихонько высунула снова свои ножки и показала намъ свои старыя, престарыя, совершенно сношенныя туфельки, что и возбудило всеобщій смѣхъ.

Пришелъ очередной пароходъ и намъ пришлось покинуть Королевскій гостепріимный домъ.

Почти 2 мѣсяца тянулось наше путешествіе до встрѣчи съ Тихо-океанской эскадрой въ Нагассаки. Не обошлось безъ тяжелой аваріи, стоившей жизни 23 человѣкамъ, такъ какъ на переходѣ отъ Сингапура до Сайгона на нашемъ старомъ французскомъ пароходѣ взорвало сухопарникъ и обварило людей, а насъ оставило безъ паровъ и машинъ на цѣлыя сутки. Слава Богу, что была тихая погода и штормъ разразился двое сутокъ спустя, когда мы стояли уже въ Сайгонѣ, до котораго мы дошли съ большимъ трудомъ по приведеніи части уцѣлѣвшихъ котловъ и машины въ порядокъ. Радіо-телеграфа не было и дать знать о несчастіи не было никакой возможности. Разразись штормъ дня на два ранѣе, были бы мы всѣ на днѣ океана, такъ какъ пароходъ неминуемо выкинуло бы на берегъ.

Въ Сайгонѣ пришлось пересѣсть на небольшой пароходъ, совершавшій рейсы вдоль берега Индо-Китая, и идти на немъ до Шанхая, гдѣ мы пересѣли снова на океанскій пароходъ уже англійскаго общества, идущій въ Японію. Благодаря этимъ перемѣнамъ пароходовъ, мы остались совершенно безъ денегъ, но за то узнали на практикѣ, какъ высоко стояло на Дальнемъ Востокѣ русское имя, такъ какъ, кто-бы не узналъ о нашемъ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, всѣ предлагали взаймы любую сумму денегъ безъ расписокъ, довѣряя слову офицера.

III.

Еще будучи въ Россіи, приходилось слышать много разсказовъ въ морской средѣ о нашей Тихо-океанской эскадрѣ, о блестящемъ состояніи судовъ ея, о рѣдкомъ порядкѣ службы на ней и т. д. Поэтому понятно, что мы прибыли на флагманскій корабль эскадры крейсеръ «Рюрикъ», чтобы представиться вице-адмиралу Алексѣеву, не безъ нѣкотораго трепета. Послѣ пред-

ставленія флагъ-капитану и чинамъ штаба насъ провели въ столовую адмирала и къ намъ вышелъ грозный начальникъ эскадры. Поздоровавшись съ нами довольно сухо, адмиралъ поразилъ насъ оригинальнымъ вопросомъ: «зачѣмъ Вы пріѣхали»? На это старшій изъ насъ доложилъ, что мы командированы изъ отряда Средиземнаго моря на пополненіе некомплекта офицеровъ на судахъ эскадры. «У меня нѣтъ вакансій и я ни о какой присылкѣ не просилъ», заявилъ намъ адмиралъ, точно насъ могло это какимъ бы то ни было образомъ касаться. Такая встрѣча насъ крайне удивила. Несмотря на такое категорическое заявленіе адмирала, все же штабъ его немедленно росписалъ насъ на различные корабли, при чемъ я попалъ на крейсеръ 1 ранга «Адмиралъ Нахимовъ», считавшійся въ то время однимъ изъ лучшихъ кораблей флота. Каково же было мое удивленіе, когда, явившись на крейсеръ, я узналъ, что мало того, что есть еще свободныя вакансіи для офицеровъ, но многіе изъ нихъ плаваютъ по 5, 6 лѣтъ и жаждутъ вернуться въ Россію, но ихъ не отпускаютъ. Это была своеобразная система адмирала Алексѣева считать, что офицеры могутъ плавать на эскадрѣ безсмѣнно, а корабли безъ ремонта, почему послѣ замѣны его контръ-адмираломъ Дубасовымъ, послѣднему пришлось поставить чуть ли не всю эскадру въ глубочайшій ремонтъ и списать большое количество офицеровъ, переутомившихся отъ безпрерывнаго плаванія.

То же самое было и съ организаціей службы и внутренняго порядка на отдѣльныхъ судахъ эскадры. Все было показное и наружный видъ эскадры былъ довольно грозный и красивый. На корабляхъ же царилъ большой безпорядокъ, дисциплины не было, командиры были часто неподготовленные къ должности, а помощники начальника, младшіе флагманы, не имѣли права голоса. Адмиралъ дѣлалъ все самъ, не довѣряя никому.

Въ частности, крейсеръ «Адмиралъ Нахимовъ», въ составъ котораго вошелъ я, имѣлъ командиромъ капитана 1 ранга Небогатова, занятаго исключительно хозяйственными соображеніями, а старшимъ офицеромъ капитана 2 ранга Добротворскаго, не признающаго уставовъ и законныхъ положеній и руководствующагося лишь своими желаніями. Старшій механикъ плавалъ 7 лѣтъ и занимался больше завѣдываніемъ столомъ въ каютъ-кампаніи. Большинство старшихъ офицеровъ плавали тоже около 7 лѣтъ и всѣ были переутомлены и мечтали только объ отбытіи домой на родину. Котлы и машины, а также всѣ вспомогательные механизмы крейсера требовали капитальнаго ремонта, о которомъ не хотѣлъ слышать начальникъ эскадры.

Служба на кораблѣ поставлена была ужасно и во всемъ царилъ полный хаосъ и самоуправство. Каждый вахтенный начальникъ дѣлалъ, что ему вздумается, такъ какъ общее руководство отсутствовало.

Въ такомъ же приблизительно положенія были почти всѣ суда эскадры.

Къ счастью, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ закончилось командованіе эскадрой адмираломъ Алексѣевымъ и онъ отбылъ въ Россію, сдавъ свою должность грознѣйшему изъ адмираловъ въ то время въ русскомъ флотѣ контръ-адмиралу Дубасову, герою еще Турецкой кампаніи.

Первой мѣрой новаго начальника было производство ремонта на судахъ, а второй — замѣна уставшаго личнаго состава свѣжимъ изъ Россіи. Около 6 мѣсяцевъ эскадра была небоеспособна, но, къ счастью, это совпало съ нашей стоянкой во Владивостокѣ. Осенью эскадра перешла въ Японскія воды уже въ полномъ порядкѣ, подчищенная и подтянутая, такъ какъ новый начальникъ эскадры иначе понималъ дисциплину и порядокъ, чѣмъ его предшественникъ.

Нужно отдать справедливость, что адмиралъ Дубасовъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ полной противоположностью адмиралу Алексѣеву, не допуская обмана даже ради шутки, изучая самъ все до мелочей, требуя

отъ своихъ подчиненныхъ работы и несенія отвѣтственности за ввѣренныя имъ части, не скрывая правды отъ высшаго начальства.

Въ это время эскадра Тихаго океана проводила лѣто во Владивостокѣ, а остальную часть года въ Японскихъ водахъ, имѣя стаціонеровъ въ Корейскихъ бухтахъ. Небольшія суда посылались на сѣверъ для охраны котиковыхъ промысловъ и обхода нашихъ портовъ.

Владивостокъ представлялъ изъ себя большое село, въ которомъ лучшими домами были: домъ командира порта, губернатора, морское собраніе и магазины «Купера и Альберса». Коммерческій портъ и докъ только начали строиться. Желѣзная дорога не была соединена и по ней проѣхать можно было всего нѣсколько станцій. Портъ и мастерскія его работали слабо и ремонтъ судовъ велся своими судовыми командами. Центромъ жизни были эскадра и морское собраніе, въ которомъ во время стоянки судовъ давались еженедѣльные балы. Общество было очень небольшое, главнымъ образомъ семьи служащихъ, офицеровъ, инженеровъ. Частныхъ лицъ и фирмъ почти не было. Единственнымъ развлеченіемъ для офицеровъ эскадры было морское собраніе и небольшія охоты въ окрестностяхъ города и на ближайшихъ островахъ.

Второй стоянкой эскадры былъ Японскій портъ Нагассаки, гдѣ японцы принимали насъ исключительно радушно. За неимѣніемъ дока во Владивостокѣ, судамъ приходилось пользоваться японскими доками и мастерскими, почему японцы отлично были въ курсѣ состоянія нашей эскадры. Кромѣ того, на суда свободно допускались въ часы отдыха японскіе торговцы разной мелочью, портные, сапожники и т. д., среди которыхъ, очевидно, было много спеціальныхъ агентовъ.

Самъ городъ Нагассаки былъ просто небольшой деревней, очень красиво расположенной на склонѣ горъ среди садовъ. Напротивъ города на другомъ берегу бухты находилась деревня Иносъ, гдѣ, главнымъ образомъ, и проводили свободное время офицеры и матросы эскадры. Здѣсь двѣ японки открыли два небольшихъ ресторана въ русскомъ стилѣ, гдѣ офицеры чувствовали себя какъ дома, играли на билліардѣ или въ карты, могли вкусно пообѣдать и кромѣ того познакомиться съ молодыми японками, на которыхъ женились гражданскимъ бракомъ. Послѣдніе совершались часто и сплошь да рядомъ были очень счастливыми и продолжительными.

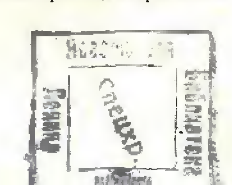
Вообще, въ это время у насъ были самыя лучшія отношенія съ японцами и мы всѣ пользовались у нихъ большимъ уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ. Камнемъ преткновенія служила Корея, въ которой Россія добивалась имѣть преобладающее вліяніе, вытѣсняя японское. Поэтому, суда нашей эскадры стояли стаціонерами въ корейскихъ портахъ и эскадра часто заходила въ различные порты, изучая входы и выходы и вмѣстѣ съ тѣмъ поддерживая связь съ корейскимъ Королемъ, которому начальствующія лица дѣлали визиты, для чего ѣздили въ городъ Сеулъ. Въ то время Корея была страна исключительно бѣдная, полудикая, населенная малоразвитымъ и лѣнивымъ населеніемъ, относящимся ко всему безразлично.

Трудно было рѣшить, зачѣмъ нужна была Россіи Корея, когда у самой былъ непочатый край свободныхъ земель, несмѣтныя богатства, никѣмъ не разрабатываемыя, и недостатокъ въ энергичныхъ людяхъ съ инициативой и денегъ для финансированія предпріятій.

Тѣмъ болѣе было непонятно, когда мы неожиданно получили приказъ идти въ Портъ-Артуръ и Таліенванъ и узнали, что предполагается оккупація Квантунскаго полуострова.

Передъ самымъ выходомъ въ море я былъ переведенъ вахтеннымъ начальникомъ на канонерскую лодку «Отважный», на которой и прибылъ въ Портъ-Артуръ въ составѣ небольшого отряда изъ крейсеровъ «Адмиралъ Нахимовъ» и «Адмиралъ Корниловъ» и лодки.

Прійдя на разсвѣтѣ къ Портъ-Артуру, мы стали на якорь по диспозиціи, данной контръ-адмираломъ Реу-

ковымъ, державшимъ флагъ на крейсерѣ «Адміралъ Нахимовъ». Часа черезъ два послѣ нашего прихода пришелъ англійскій отрядъ также изъ 2-хъ крейсеровъ и одной лодки и сталъ по точно такой же диспозиціи, но такъ, что очутился между нашими судами и берегомъ, т. е. какъ бы прикрывая берегъ отъ насъ.

Контръ-адміралъ Реуковъ получилъ отъ начальника эскадры свѣдѣнія о сильномъ возбужденіи въ Англіи противъ предполагаемаго захвата нами Портъ-Артура и о возможности начала военныхъ дѣйствій. И дѣйствительно, вопреки обычаю, старшій англійскій командиръ не счелъ нужнымъ сдѣлать визитъ нашему адміралу, что подтверждало на практикѣ натянутость отношеній между Россіей и Англіей.

Черезъ нѣсколько дней положеніе разъяснилось и адміралъ Реуковъ получилъ извѣщеніе, что острый моментъ миновалъ, такъ какъ Англія согласилась на захватъ нами полуострова, и немедленно отъ англійскаго крейсера отвалилъ вельботъ съ командиромъ, рѣшившимъ сдѣлать, наконецъ, традиціонный визитъ. По входѣ на палубу командиръ англійскаго крейсера былъ очень любезенъ, объяснивъ, что срочныя дѣла помѣшали ему имѣть удовольствіе познакомиться немедленно съ адмираломъ, но теперь онъ освободился, и закончилъ свой визитъ приглашеніемъ устроить на этихъ дняхъ увеселительный пикникъ на берегъ, такъ какъ стоять на этомъ рейдѣ очень ужъ тоскливо.

Черезъ нѣсколько дней англичане ушли и мы остались единственными хозяевами положенія.

Вскорѣ въ Портъ-Артуръ подтянулась вся эскадра съ начальникомъ ея, который приказалъ крейсеру «Адміралъ Нахимовъ» приготовиться къ переходу въ Россію, куда крейсеръ вызывали для капитальнаго ремонта и перестройки.

Передъ самымъ уходомъ крейсера, не запрашивая моего согласія, приказомъ начальника эскадры, я былъ переведенъ снова на крейсеръ «Адміралъ Нахимовъ», что означало скорое возвращеніе на родину.

Послѣ суроваго адмиральскаго смотра, на которомъ начальникъ, не скрывая, высказалъ командиру нашему свое неудовольствіе плохимъ состояніемъ крейсера во всѣхъ отношеніяхъ, мы ушли въ Нагассаки за углемъ, а затѣмъ тронулись въ дальній путь черезъ Гонгъ-Конгъ, Сингапуръ, Коломбо, Аденъ и Суэцъ на родину.

По пути мы встрѣчали нѣсколько разъ наши боевые корабли, подтягивающіеся на усиленіе Тихо-океанской эскадры, и въ томъ числѣ и броненосецъ «Наваринъ». Такимъ образомъ, оправдалось мое пророчество. Плаваніе наше было отличное въ смыслѣ морскомъ, такъ какъ шли мы почти все время при дивной погодѣ, что обыкновенно бываетъ ранней весной, но очень тяжелое въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ и командиръ и старшій офицеръ, воспользовавшись дальностью разстоянія до высшаго начальства, перестали стѣсняться и на крейсерѣ творились дивныя дѣла, благодаря которымъ я твердо рѣшилъ по приходѣ въ Россію уйти изъ флота, гдѣ командиры могли заниматься хозяйственными оборотами, приносящими пользу ихъ собственному карману, а въ строевомъ отношеніи руководствоваться не уставами и положеніями, а тѣмъ, «чего моя лѣвая нога захочетъ».

Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца 1898 года мы, наконецъ, увидѣли родной Финскій заливъ и, не доходя Кронштадта, свернули въ Біоркэ-Зундъ съ цѣлью простоять тамъ нѣсколько дней и привести крейсеръ въ полный порядокъ къ предстоящимъ смотрамъ.

Не успѣли мы, по постановкѣ на якорь, начать чистку, мытье и окраску, какъ пришла телеграмма отъ Главнаго Морского штаба съ приказаніемъ слѣдовать немедленно въ Кронштадтъ, такъ какъ Главный Начальникъ флота Великій Князь Алексѣй Александровичъ собирается ѣхать на отдыхъ за границу, а передъ отъѣздомъ желаетъ сдѣлать смотръ крейсеру.

На другой же день на разсвѣтѣ мы снялись и къ 9 часамъ утра стояли уже на якорѣ на Большомъ Кронштадтскомъ рейдѣ. Какъ только мы прошли входныя

бочки, къ борту подошелъ катеръ Штаба Порта съ адъютантомъ штаба, который, войдя на палубу, поздравилъ съ приходомъ и сообщилъ, что Великій Князь вчера уѣхалъ за границу, а главный командиръ сейчасъ въ Петербургѣ у Государя и неизвѣстно, когда вернется. Поэтому было условлено, что крейсеръ будетъ ожидать посѣщенія главнаго командира вплоть до сигнала на мачтѣ Штаба Порта съ разрѣшеніемъ имѣть сообщеніе съ берегомъ, что будетъ означать о невозможности главному командиру посѣтить крейсеръ въ этотъ же день.

Благодаря этому, по постановкѣ на якорь, крейсеръ спустилъ только паровой катеръ, на которомъ командиръ въ полной парадной формѣ поѣхалъ на берегъ для явки по начальству, а мы всѣ остались на крейсерѣ въ ожиданіи возможнаго смотра.

Около 5 часовъ вечера послѣ безплоднаго и нуднаго ожиданія, когда у большинства офицеровъ на берегу были семьи, ожидавшія ихъ по три и больше года, съ вахты прислали сообщить радостную вѣсть, что поднятъ сигналъ съ разрѣшеніемъ имѣть сообщеніе съ берегомъ, т. е., что означало, что смотръ откладывается на другой день.

Немедленно было приказано снять парадную форму, а матросамъ первосрочное обмундированіе, затѣмъ спустить второй паровой катеръ, на которомъ всѣ свободные офицеры отправились на берегъ. Въ томъ числѣ былъ и я. Подходя къ воротамъ гавани, мы встрѣтили нашъ же катеръ съ командиромъ, который по свойственной ему вѣжливости на наше отданіе чести отвернулъ голову въ другую сторону. Идя дальше, мы встрѣтили катеръ съ главнымъ командиромъ генералъ-адъютантомъ Казнаковымъ и двумя дамами, направляющимися, повидимому, на рейдъ. Это заставило насъ остановиться и обсудить вопросъ, что дѣлать, но, принявъ во вниманіе, что командиръ прошелъ мимо, ничего намъ не передавъ, а главный командиръ идетъ съ дамами, было рѣшено, что послѣдній просто дѣлаетъ частную

поѣздку по рейду, гдѣ въ это время собралось нѣсколько кораблей изъ заграничнаго плаванія. Такимъ образомъ, рѣшили идти дальше и сойти на берегъ.

На другое утро мы узнали, что, разсуждая логично, мы оказались неправыми и что главный командиръ сдѣлалъ смотръ крейсеру, оставшись крайне недовольнымъ отсутствіемъ офицеровъ. Командиръ нашъ, вмѣсто того, чтобы правдиво изложить начальнику, почему это произошло, взвалилъ всю вину на гг. офицеровъ, заявивъ, что большинство уѣхало самовольно. Кромѣ того, оказалось, что подходъ катера главнаго командира не былъ своевременно замѣченъ вахтой, почему чуть-чуть не спустили на него баркаса, а замѣтивъ ошибку, растерялись и бросили баркасъ въ воду съ большой высоты, почему переломалась стрѣла и чуть не убила гребца на баркасѣ. Главному командиру пришлось самому первому подать помощь раненому. Дамы на катерѣ главнаго командира оказались женами нашихъ офицеровъ, которыя стояли на пристани въ ожиданіи съѣзда мужей.

Главный командиръ, увидя ихъ, предложилъ имъ проѣхаться съ нимъ и раньше увидѣть мужей своихъ, на что онѣ, конечно, съ радостью согласились. А мужья ихъ шли на нашемъ катерѣ и прошли мимо своихъ женъ, не узнавъ ихъ послѣ трехлѣтней разлуки.

Такъ встрѣтила наша главная база корабль, проплававшій около 7 лѣтъ за границей.

Начался рядъ смотровъ всевозможныхъ начальствующихъ лицъ, передъ окончательнымъ смотромъ особо назначенной комиссіи, производящей смотръ по особой установленной программѣ.

Съ этой цѣлью нашъ крейсеръ и еще три корабля, тоже возвратившіеся изъ заграничнаго плаванія, перешли въ Біоркэ-Зундъ, имѣя на своемъ борту комиссію. На переходѣ отъ Кронштадта до Біоркэ былъ произведенъ рядъ ученій одновременно на всѣхъ корабляхъ, какъ, напримѣръ, спускъ шлюпки для спасенія упавшаго за бортъ человѣка и т. п. На якорѣ въ Біоркэ

всѣмъ кораблямъ то всей комиссіей, то отдѣльными ея членами дѣлался самый точный экзаменъ по всѣмъ отраслямъ. Закончился смотръ боевой стрѣльбой въ открытомъ морѣ по плавающему щиту. Здѣсь нашъ крейсеръ отличился особенно, разстрѣлявъ три щита, которые адмиралъ не приказалъ даже подымать, настолько они были избиты.

Такимъ образомъ, только черезъ 5 дней мы вернулись въ Кронштадтъ, чтобы послѣ послѣдняго смотра Государя Императора, ввести крейсеръ въ гавань и тамъ его разоружить.

Царскій смотръ состоялся въ одинъ день всѣмъ 4 судамъ, вернувшимся изъ заграничнаго плаванія, и прошелъ обычнымъ порядкомъ. Больше часа пробылъ у насъ Государь съ Императрицей, осматривая корабль до мельчайшихъ подробностей и произведя цѣлый рядъ ученій.

Послѣ безсчетныхъ смотровъ, Высочайшій смотръ показался самымъ легкимъ, а Государь и Императрица были какъ всегда безконечно милостивы и ласковы, благодаря личный составъ за службу и долгое заграничное плаваніе.

На другой же день крейсеръ ввели въ гавань и началось разоруженіе и завозъ всего инвентаря по магазинамъ, на что было дано опредѣленное время.

IV.

Совершенно неожиданно для себя я получилъ срочное предписаніе Штаба Порта выѣхать въ г. Либаву для явки на учебное судно отряда Морского Кадетскаго Корпуса «Князь Пожарскій», на которомъ я когда-то самъ плавалъ кадетомъ.

Пришлось немедленно выѣхать въ Либаву, гдѣ я и явился къ своему новому мѣсту службы.

Учебное судно «Князь Пожарскій» когда-то было грознымъ бронированнымъ крейсеромъ, вооруженнымъ

8 орудіями 8" калибра и 2—6". Теперь же орудія были сняты, судно давно не ремонтировано и плавало только 3 мѣсяца въ году спеціально для практики кадетъ Морского Корпуса.

Оказалось, что судно задержалось въ Либавѣ спеціально ради меня, такъ какъ настолько былъ великъ некомплектъ въ офицерахъ, что затруднительно было плавать. Немедленно послѣ моей явки мы снялись и вышли въ море, направляясь въ Финскій заливъ.

Какъ ни былъ старъ корабль, не имѣющій даже электрическаго освѣщенія, какъ ни было скучно плаваніе съ кадетами послѣ кругосвѣтнаго плаванія на одномъ изъ лучшихъ судовъ русскаго флота, все же я почувствовалъ себя снова въ нормальной морской обстановкѣ, въ товарищеской средѣ морскихъ офицеровъ и подъ начальствомъ достойныхъ командировъ, что и побудило меня перемѣнить мое рѣшеніе о выходѣ изъ морской службы.

Вернувшись осенью въ Кронштадтъ и разоруживъ «Князь Пожарскій», на которомъ я былъ уже ревизоромъ, мнѣ надлежало зиму служить въ береговомъ экипажѣ. Но, ознакомившись съ положеніемъ дѣла въ экипажахъ и увидѣвъ всю кошмарную въ нихъ разруху и неразбериху, я испугался такой службы и на зиму прикомандировался къ учебной командѣ унтеръ-офицеровъ, т. е. къ школѣ, гдѣ воспитывались будущіе унтеръ-офицеры флота. Можно смѣло сказать, что это была единственная часть въ Кронштадтѣ, находящаяся въ большомъ порядкѣ, гдѣ руководствовались строго уставами и приказами.

На слѣдующій годъ я рѣшилъ идти слушателемъ въ минный офицерскій классъ, что я и исполнилъ, проплававъ еще одну лѣтнюю кампанію на «Князѣ Пожарскомъ».

Къ концу плаванія, когда весь отрядъ Морского Корпуса стоялъ на якорѣ въ Балтійскомъ порту, съ моря совершенно для насъ неожиданно показалась яхта Главнаго Начальника флота Великаго Князя Алексѣя

Александровича «Свѣтлана» подъ брейдъ-вымпеломъ Великаго Князя, направляющая свой путь явно къ намъ на рейдъ.

Дѣйствительно, черезъ какихъ-нибудь полчаса яхта стала на якорь недалеко отъ отряда и начальникъ отряда, онъ же директоръ Морского Корпуса, контръ-адмиралъ Кригеръ отбылъ на яхту со строевымъ рапортомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ этого на яхтѣ подняли сигналъ: «Князю Пожарскому» ожидать немедленнаго посѣщенія Генералъ-Адмирала, послѣ чего отъ яхты отвалилъ паровой катеръ съ Великимъ Княземъ и Свитой Его. Вступивъ на палубу, принявъ рапортъ, поздоровавшись съ личнымъ составомъ, Великій Князь приказалъ распустить фронтъ и произвести кадетамъ парусное ученіе. Началось со спуска и подъема брамъ-рей и брамъ-стенегъ, а затѣмъ произвели смѣну марселя. Мнѣ, какъ не принимающему непосредственнаго участія въ ученіи на бозань-мачтѣ, удалось спокойно любоваться кошмарной картиной этого ученія, во время котораго произошло буквально все, что можетъ видѣть морякъ въ кошмарномъ снѣ. Обычно спускъ или подъемъ брамъ-рей и стенегъ занимаетъ 1½—2 минуты и производится быстро, плавно и безшумно. Слышны только слова команды начальника и треніе снастей или топотъ ногъ. Здѣсь же меньше всего было словъ команды, такъ какъ стояла сплошная ругань, отъ Великаго Князя начиная и кончая послѣднимъ кадетомъ.

Послѣ ученія кадетъ поставили во фронтъ и Великій Князь вмѣсто обычной благодарности сказалъ: «отвратительно, хуже быть не могло". Повернувшись затѣмъ къ начальнику отряда контръ-адмиралу Кригеру, Великій Князь спросилъ: «а ихъ сѣчь нельзя»? На отрицательный отвѣтъ Кригера Великій Князь сказалъ: «жаль, очень жаль».

Такъ неудачно закончился этотъ смотръ кадетскаго отряда, который все же прошелъ безслѣдно для всѣхъ.

А это было еще только начало паденія дисциплины во флотѣ, дошедшее потомъ до геркулесовыхъ столбовъ, когда офицеръ не могъ ходить по улицамъ въ Кронштадтѣ во избѣжаніе цѣлаго ряда инцидентовъ. Какъ извѣстно, все это закончилось революціей 1905 года.

Поступивъ въ октябрѣ мѣсяцѣ слушателемъ въ Минный Офицерскій классъ, я снова очутился въ положеніи ученика. Занятія начинались въ 8 часовъ утра и тянулись съ небольшими перерывами до 8 часовъ вечера, когда, прійдя домой, приходилось немедленно садиться за лекціи и заучивать объясненное. Необходимо пояснить, что въ это время во флотѣ былъ уже острый недохватъ офицеровъ и нельзя было найти достаточнаго количества желающихъ поступить въ Артиллерійскій или Минный Офицерскіе классы. Поэтому принимались всѣ безъ экзамена, а повторный экзаменъ производился въ концѣ декабря мѣсяца. Невыдержавшіе экзамена отчислялись отъ класса въ наличіе своихъ экипажей. Вотъ къ этому-то экзамену и приходилось готовиться съ первыхъ же дней, такъ какъ въ 6 мѣсяцевъ зимнихъ занятій намъ должны были прочесть курсы, которые проходятъ въ спеціальныхъ институтахъ въ продолженіе 4 лѣтъ. Много разъ подымался вопросъ о прохожденіи того же курса въ двухгодичный срокъ, но высшее начальство не могло утвердить этой мѣры за крайнимъ недохватомъ офицеровъ во флотѣ.

Послѣ успѣшной сдачи окончательныхъ экзаменовъ передъ спеціальной комиссіей отъ флота, мы, слушатели, были распредѣлены по судамъ Миннаго Отряда, находящагося подъ командованіемъ капитана 1 ранга Дабича.

Отрядъ имѣлъ свою постоянную стоянку на Транзундскомъ рейдѣ, гдѣ и производились всѣ стрѣльбы, опыты и т. д.

Каждый слушатель долженъ былъ самъ лично собрать мину Уайтхеда и затѣмъ произвести ею же вы-

стрѣлъ, а затѣмъ пробыть нѣкоторое время въ должности миннаго офицера своего учебнаго судна. Тутъ же попутно обучались и матросы на званіе минера и миннаго унтеръ-офицера. Каждый слушатель имѣлъ свою группу слушателей-матросовъ, съ которой и проходилъ всѣ ученія.

Что было очень трудно и неправильно — необходимость, ввиду недохвата офицеровъ, нести одновременно корабельную общую службу. Это сильно утомляло слушателей, занятыхъ цѣлый день всевозможными ученіями, а затѣмъ ночью не досыпающихъ изъ-за вахтъ.

Осенью послѣ 4-хъ мѣсячнаго плаванія вновь былъ произведенъ экзаменъ особой комиссіей отъ флота, послѣ чего мы получили право на знакъ и званіе миннаго офицера 2-го разряда.

Мнѣ, какъ окончившему однимъ изъ первыхъ, начальство предложило остаться при Минной школѣ для преподаванія нижнимъ чинамъ, на что я охотно согласился, и былъ назначенъ миннымъ офицеромъ учебнаго судна «Европа».

Дальнѣйшій планъ моей службы состоялъ въ томъ, чтобы, пробывъ немного при Минной школѣ, выбрать себѣ какой-нибудь вновь строющійся корабль и уйти на немъ въ заграничное плаваніе. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ. Такъ случилось и со мной.

Совершенно независимо отъ меня флагъ-капитанъ Его Величества генералъ-адъютантъ вице-адмиралъ Ломенъ категорично потребовалъ объ учрежденіи должности миннаго офицера на Императорской яхтѣ «Александрія» спеціально для завѣдыванія моторными катерами Государя и Великихъ Князей.

Оказалось, что три катера, находящіеся въ Петергофѣ — лѣтней резиденціи Государя, не были въ порядкѣ и почти каждое плаваніе на нихъ оканчивалось какимъ-либо инцидентомъ. Министерство отказывалось отъ утвержденія такой должности; шелъ безконечный споръ, а тутъ наступило лѣто и катерамъ нужно было быть готовыми. Тогда адмиралъ Ломенъ настоялъ на назначеніи на канонерскую лодку «Ершъ", несшую ежегодно морскую охрану Петергофскаго рейда, миннаго офицера, которому и поручить завѣдываніе катерами. На канонерской лодкѣ «Ершъ» въ штатѣ офицеровъ по какому-то курьезному недоразумѣнію полагался минный офицеръ, хотя на лодкѣ по этой спеціальности былъ всего только одинъ прожекторъ.

Совершенно случайно выборъ начальства выпалъ на меня и я попалъ на Петергофскій рейдъ на все лѣто на стоянку прямо противъ собственнаго дворца Государя. Мнѣ же были заодно поручены катера.

Работа была несложная и катера, приведенные въ нѣсколько дней въ полный порядокъ, начали ходить безукоризненно. По роду же службы на лодкѣ «Ершъ» мнѣ приходилось въ день дежурства неотлучно наблюдать за моремъ около дворца и за береговой чертой. Невольно приходилось наблюдать отчасти за жизнью всей Царской Семьи, проводившей часть времени на берегу около дворца. Государь почти ежедневно выѣзжалъ въ море на байдаркѣ и совершалъ довольно продолжительныя морскія прогулки. Тогда намъ приходилось вызывать изъ гавани дежурный охранный катеръ и имѣть наготовѣ судовую шлюпку.

Государь свободно управлялъ капризной шлюпочкой, пренебрегая часто довольно свѣжей погодой. Часто Его Величество подходилъ очень близко къ лодкѣ «Ершъ», здоровался съ командой и съ офицерами. Почти ежедневно Государь купался и подходилъ къ купальнѣ, поставленной довольно далеко по берегу отъ дворца, на байдаркѣ, посадивъ на нее же свою любимую собаку. Возвращеніе во дворецъ совершалось такимъ же образомъ.

Какъ-то разъ Государь выѣхалъ на большой байдаркѣ, посадивъ на нее Великаго Князя Михаила Александровича и собаку. Не доходя до купальни, Великій Князь, раздѣвшись на байдаркѣ, кинулся въ воду, а за

нимъ собака. Государь, привязавъ къ купальнѣ байдарку, тоже началъ купаться и я лично въ бинокль наблюдалъ купанье двухъ Августѣйшихъ Братьевъ, поражаясь ихъ ловкостью и лихостью. Они и ныряли и кувыркались, боролись, брызгались и т. д.

Въ тотъ же день вечеромъ послѣ дежурства я былъ на музыкѣ. Ко мнѣ подошелъ одинъ близко знакомый офицеръ полка, занимавшаго это лѣто караулъ въ Петергофѣ, и среди разговора о различныхъ обычныхъ свѣтскихъ пустякахъ сообщилъ между прочимъ подъ большимъ секретомъ сенсаціонную придворную новость, состоящую въ томъ, что Государь окончательно поссорился съ братомъ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, на почвѣ, какъ бы неправильнаго, его объявленія Наслѣдникомъ Престола. Когда я невольно усумнился въ правдивости этой новости, мнѣ было заявлено, что можно удивляться моему невѣрію, такъ какъ новость эту сообщило ему весьма вліятельное лицо, близко стоящее ко двору. Тогда пришлось мнѣ разсказать ему то, что я видѣлъ сегодня лично во время купанія. Моя новость была принята весьма сухо, скорѣе съ большимъ неудовольствіемъ, какъ явно опровергающая такую интересную вещь, какъ ссора двухъ Августѣйшихъ Братьевъ... и думаю, что разсказчикъ продолжалъ вѣрить въ ссору и въ этотъ вечеръ и въ послѣдующіе дни многимъ повѣдалъ свою сенсаціонную новость, не отдавая себѣ отчета въ своемъ проступкѣ.

Описавъ этотъ случай, не могу умолчать о слухахъ вообще, пускаемыхъ про Государя Императора, Императрицу и даже Августѣйшихъ Дѣтей. Всѣ знаютъ, какъ упорно держался слухъ о пьянствѣ Государя, говорили также о Его любовныхъ связяхъ, не пощадили и Государыню Императрицу, называя по именамъ Ея любовниковъ, не щадили и Великихъ Княженъ — очаровательныхъ и скромнѣйшихъ дѣвушекъ, приписывая Имъ маловѣроятныя вещи

Лично я могу засвидѣтельствовать о ложности и злонамѣренности такихъ разсказовъ, такъ какъ Государь пилъ иногда передъ обѣдомъ одну или двѣ рюмки водки и во время ѣды рюмку любимаго портвейна или на парадныхъ обѣдахъ одинъ бокалъ шампанскаго. О любовныхъ похожденіяхъ Государя не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ трудно найти лучшаго семьянина и мужа и человѣка, такъ глубоко любившаго свою супругу. Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда Государю приходилось говорить съ дамами, всегда чувствовалось, что Онъ конфузится, стѣсняется и тяготится разговоромъ.

Что касается Императрицы и ея отношеній къ Своему Супругу, можно сказать смѣло, что идеальнѣе отношеній къ мужу трудно было себѣ представить. Императрица не только глубоко любила Государя, но и глубоко Его уважала, дрожала за Него во время Его различныхъ поѣздокъ, мучилась за Него, зная Его волненія, заботы и непріятности, и только и жила Имъ и для Него и своихъ дѣтей. Все остальное было долгомъ, исполненіемъ обязанностей Императрицы, а Государь и Семья были счастьемъ жизни.

Здѣсь кстати можно вспомнить о грязной клеветѣ, пущенной въ публику по поводу отношеній Императрицы къ генералу свиты Его Величества Александру Аѳиногеновичу Орлову, бывшему командиру лейбъ-уланскаго Ея Величества полка.

Государь Императоръ познакомился близко съ Орловымъ во время своей службы въ лейбъ-гусарскомъ Его Величества полку, гдѣ послѣдній командовалъ эскадрономъ и тогда уже былъ на особенно блестящемъ счету за свое знаніе службы и лихость. Съ тѣхъ поръ отношенія Государя къ Орлову ни разу не измѣнялись, и можно утверждать, что это былъ единственный дѣйствительный другъ Государя, съ которымъ Его Величество весьма часто говорилъ наединѣ, высказывая свои мысли и предположенія. Извѣстно, что Государь просилъ генерала Орлова всегда жить гдѣ-либо поблизости

резиденціи Его, дабы можно было приглашать его во дворецъ въ случайную свободную минуту.

Вполнѣ понятно и естественно, что Императрица, будучи первѣйшимъ другомъ своего Августѣйшаго Супруга, знала объ этихъ отношеніяхъ и не могла не уважать такого человѣка, какъ А. А. Орловъ. Съ физической красотой Господь соединилъ въ немъ и красоту душевную, рѣдкую нравственность, огромную силу воли, рѣдкія военныя дарованія, тактъ и молчаливость. Государь могъ быть спокоенъ, что никто никогда не узнаетъ ничего изъ Его разговоровъ съ Орловымъ. Тайна эта ушла въ могилу, такъ какъ генералъ Орловъ скончался въ сорокалѣтнемъ возрастѣ отъ горловой скоротечной чахотки въ расцвѣтѣ своей карьеры и, къ сожалѣнію, не завершивъ того, къ чему онъ какъ бы былъ призванъ отъ рожденія, т. е. къ командованію крупными войсковыми соединеніями.

И вотъ, такого человѣка въ обществѣ и вообще въ Россіи считали близкимъ къ Императрицѣ, не считаясь даже съ тѣмъ, что тогда уже Ея Величество была совершенно больной и только силой воли заставляла себя нести обязанности жены и матери. А упорные слухи о томъ, что Ея Величество назначаетъ свиданія на квартирѣ Анны Александровны Вырубовой, основанные на томъ, что Ея Величество, во избѣжаніе этикета, неизбѣжнаго при дворѣ, поручала иногда своему другу — Аннѣ Александровнѣ пригласить нѣсколько лицъ вечеромъ, съ которыми Государынѣ было пріятно встрѣтиться, не сознавая, что это вызываетъ нежелательные разговоры въ обществѣ, въ особенности высшемъ, гдѣ такъ ревниво относились къ лицамъ, попадающимъ въ небольшой кружокъ приближенныхъ лицъ ко Двору.

Лично мнѣ неоднократно пришлось слышать и отъ Государя и отъ Императрицы ту же фразу, произносимую всегда съ тоской: «Мы хорошо знаемъ, что стоитъ намъ приблизить къ себѣ кого-нибудь, кто намъ такъ или иначе понравился, чтобы про этого человѣка начали бы говорить гадости».

Не буду ничего говорить о знаменитомъ Григоріи Распутинѣ, такъ много нашумѣвшемъ на весь міръ, разъ я задался цѣлью писать только о томъ, чему былъ свидѣтелемъ самъ. Ограничусь только однимъ и думаю, что безпристрастному читателю будетъ этого достаточно; подтверждаю, что съ 1905 по 1914 годъ, въ годы моей большой близости ко Двору, въ чемъ читатель убѣдится изъ дальнѣйшаго моего описанія, я ни разу не слыхалъ при Дворѣ изъ устъ Государя и Его Семьи имя Распутина и ни разу не видалъ его при Дворѣ, несмотря на то, что вся Россія говорила о его какой-то особой близости къ Высочайшимъ Особамъ. Когда, пораженный этими упорными слухами и безконечными разсказами въ обществѣ, я спросилъ флигель-адъютанта полковника А. А. Дрентельнъ, состоявшаго въ походной канцеляріи Его Величества и сопровождавшаго по роду службы всюду Государя, кто это такой Распутинъ и какая его роль при Дворѣ, послѣдній отвѣтилъ мнѣ, что это какая-то загадочная личность, весьма подозрительная, что-то вродѣ странника или юродиваго, съ которымъ, къ сожалѣнію, познакомили у Анны Александровны Вырубовой Государыню Императрицу. Повидимому, человѣкъ этотъ произвелъ на Императрицу сильное впечатлѣніе, послѣ чего Государь и пожелалъ его видѣть. Свиданіе произошло также у Вырубовой. Вскорѣ Государь пожелалъ его видѣть вторично, очевидно, не разобравшись въ немъ за первое свиданіе, но послѣ второго Государь получилъ о Распутинѣ отрицательное впечатлѣніе и больше о немъ никогда не говорилъ и не вспоминалъ. Императрица же изрѣдка продолжаетъ его видѣть у Вырубовой.

Повторяю, что это все, что я лично зналъ о положеніи Распутина при Дворѣ, и бывая тамъ часто, я такъ никогда въ жизни и не видалъ эту темную личность, выдвинутую впередъ злонамѣренными лицами, повидимому, исключительно съ цѣлью имѣть черезъ него вліяніе на Императрицу, а слѣдовательно и на Государя.

Толки о пьянствѣ Государя Императора возникли вскорѣ послѣ Его посѣщенія такъ называемыхъ мѣсячныхъ обѣдовъ въ нѣкоторыхъ полкахъ гвардіи. Такіе обѣды традиціонно устраивались полками приблизительно одинъ разъ въ мѣсяцъ, чтобы дать возможность бывшимъ офицерамъ полка, потерявшимъ связь со своимъ полкомъ, въ рядахъ котораго прошла вся молодость, знакомиться съ настоящимъ составомъ. На эти обѣды пріѣзжали почтенные старики, занимающіе отвѣтственныя должности и находящіеся въ отставкѣ, и пріѣзжали съ радостью, чтобы провести время въ давно знакомой обстановкѣ, въ стѣнахъ собранія, гдѣ каждая вещь была памятна по прежней службѣ въ полку еще въ молодые годы послѣ выхода въ офицеры.

Полки Царскосельскаго гарнизона, въ которыхъ Его Величество числился, просили Государя оказать имъ счастье посѣщеніемъ такихъ обѣдовъ, на что Государь и далъ Свое согласіе. Такимъ образомъ, изрѣдка Государь за нѣсколько минутъ до 8 часовъ вечера уѣзжалъ изъ Дворца въ одинъ изъ полковъ, чтобы пообѣдать среди столь любимой Имъ военной обстановки въ обществѣ старыхъ, испытанныхъ генераловъ, съ которыми зачастую связывали Его воспоминанія прежней Своей службы въ этомъ полку.

Сначала такіе обѣды тянулись недолго и по окончаніи ихъ Государь, поговоривъ немного съ различными лицами, отбывалъ во Дворецъ. Постепенно, какъ-то незамѣтно, подъ предлогомъ, что Государя необходимо немного повеселить, такъ какъ, молъ, жизнь Его протекаетъ слишкомъ монотонно и почти какъ въ монастырѣ, на такіе обѣды начались приглашаться артисты и артистки, которые послѣ обѣда выступали со своими лучшими номерами. Конечно, никто изъ нихъ участія въ самомъ обѣдѣ не принималъ. Частенько такія представленія затягивались далеко за полночь и нужно отдать справедливость, что они очень развлекали Государя, ведшаго всегда такой скромный образъ жизни и всегда заваленнаго срочной работой.

Какъ-то разъ, вступивъ въ дежурство при Его Величествѣ, при первой утренней встрѣчѣ съ Государемъ мнѣ пришлось услышать отъ Него сожалѣніе и признаніе, что Ему было сегодня очень стыдно возвращаться въ 7 часовъ утра, не помню теперь изъ какого полка, послѣ мѣсячнаго обѣда. «Могли подумать еще, что я пьянъ», — добавилъ Государь.

Проводя время на такихъ обѣдахъ, Государь не мѣнялъ Своей привычки почти никогда не пить и просиживалъ цѣлые вечера, а нѣсколько разъ и ночь надъ однимъ бокаломъ шампанскаго, любуясь отъ души радостными лицами молодежи, которую Онъ такъ любилъ и которой такъ вѣрилъ.

Къ сожалѣнію, это-та молодежь, конечно, невинно разсказывая на другой день близкимъ своимъ объ обѣдѣ, невольно можетъ быть, преувеличивала и выходило такъ, что Государь пьянствовалъ всю ночь. Считаю долгомъ добавить, что такіе обѣды начались очень незадолго до войны и въ общемъ въ годъ Государь бывалъ на нихъ возможно разъ 5—10, такъ какъ нужно вычеркнуть время пребыванія Ихъ Величествъ въ Крыму, все лѣто и Великій постъ, когда Ихъ Величества говѣли три раза (на 1, 4 и 7-ой недѣляхъ) и, конечно, въ это время ни о какихъ развлеченіяхъ не могло быть и рѣчи.

V.

Лѣто 1902 года я, какъ прикомандированный къ Гвардейскому экипажу, плавалъ на Императорской яхтѣ «Александрія", служащей для поѣздокъ Государя въ Петербургъ и Кронштадтъ и стоявшей всегда въ Петергофѣ въ спеціально построенной маленькой гавани. Яхта была колесная и служила со времени царствованія Императора Николая I. Въ этомъ году она праздновала свою 54-лѣтнюю службу Царямъ. Одно-

временно я завѣдывалъ электрическими катерами, которые были тогда сравнительно новостью. До моего назначенія катерами завѣдывали просто минеры унтеръ-офицерскаго званія, смѣнявшіеся почти ежегодно. Отсюда и происходили частые недочеты въ исправномъ дѣйствіи катеровъ, такъ какъ унтеръ-офицеры при своей малой опытности и развитіи часто пренебрегали точнымъ исполненіемъ ухода за аккумуляторами и двигателями. При моемъ наблюденіи они, понятно, подтянулись и катера легко и просто пришли въ полную исправность. Такимъ образомъ, Высокіе Хозяева катеровъ могли спокойно совершать на нихъ прогулки, не рискуя какъ прежде попасть въ непріятное положеніе.

Въ концѣ лѣта, на одномъ изъ переходовъ яхты съ Государемъ въ Петербургъ, Его Величество лично осчастливилъ меня милостивыми словами: «съ тѣхъ поръ, какъ вы завѣдываете катерами, я совершенно спокойно ими пользуюсь. Благодарю васъ». Это была первая благодарность Его Величества мнѣ.

За лѣто яхтѣ пришлось 11 или 12 разъ возить Своего Державнаго Хозяина въ Петербургъ и въ Кронштадтъ. Иногда Государя сопровождала Императрица.

Всѣ мы искренно поражались и восхищались простотой и любезностью Ихъ Величествъ. Лица свиты держали себя гораздо важнѣе и были далеко не такъ любезны.

Какъ рѣдкій примѣръ исключительной доброты и снисходительности Государя, приведу слѣдующій случай. Яхта «Александрія» идетъ полнымъ ходомъ изъ Петергофа въ Петербургъ. Не прошло ½ часа, какъ мы вышли изъ Петергофской гавани, когда я, стоя на вахтѣ, почувствовалъ сильный запахъ гари. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ дымъ, идущій изъ кожуха лѣваго колеса, о чемъ немедленно доложилъ командиру и сообщилъ старшему механику. Когда открыли дверцу кожуха, изъ него повалилъ во всю дымъ. Стало ясно, что загорѣлся лѣвый упорный подшипникъ. Пришлось

остановить машину, послѣ чего горѣніе прекратилось. Подшипнику дали масла и яхта пошла снова. Было ясно, что, приготовляясь къ походу, просто забыли дать масла подшипнику, почему онъ и загорѣлся.

Государь присутствовалъ при открытіи дверей кожуха и отлично понялъ причину горѣнія. Когда блѣдный какъ скатерть пожилой офицеръ, старшій механикъ яхты, доложилъ Государю о причинѣ горѣнія, сдѣлавъ предположеніе, что, вѣроятно, случайно попалъ какой-нибудь мусоръ, Государь ласково сказалъ, что всяко бываетъ и, слава Богу, что кончилось пустяками. Такъ никто и не пострадалъ за эту небрежность.

Осенью Государь уѣхалъ въ Крымъ, а мы вернулись въ Петербургъ для несенія службы въ казармахъ Гвардейскаго экипажа.

Гвардейскій экипажъ ведетъ свое начало отъ гребцовъ на шлюпкахъ, имѣвшихъ счастье возить Основателя русскаго флота Императора Петра I. Когда появились первыя Императорскія яхты, то команды ихъ зачислялись въ команды гребцовъ. Постепенно такія команды превратились въ отдѣльный экипажъ, названный при Императорѣ Александрѣ I Гвардейскимъ въ отличіе отъ другихъ номерныхъ экипажей.

Экипажъ состоялъ изъ 4-хъ ротъ, которыя составляли одинъ баталіонъ, входящій въ зимнее время отъ конца плаванія и до начала въ составъ Гвардейскаго корпуса. Личнымъ составомъ Гвардейскаго экипажа укомплектовывались всѣ Императорскія яхты, катера, Царскія пристани и загородныя мѣста, гдѣ были озера или пруды. Офицеры его никакими преимуществами или привилегіями въ сравненіи офицеровъ флота не пользовались и производились въ чины наравнѣ со своими сверстниками во флотѣ.

Для того, чтобы офицеры не забывали строевой службы во флотѣ и не отставали, плавая только на яхтахъ, отъ своихъ сверстниковъ въ знаніяхъ и морскомъ опытѣ, въ экипажъ зачислялись и боевыя суда, которыя, такимъ образомъ, укомплектованныя Гвардейскимъ

экипажемъ, плавали въ составахъ боевыхъ отрядовъ дѣйствующаго флота.

Матросы набирались изъ общаго набора новобранцевъ для флота за исключеніемъ 25 человѣкъ, которые спеціально, какъ гребцы Царской парадной баржи, ежегодно брались отъ гвардейскаго набора.

Такимъ образомъ, въ экипажѣ состояли: командиръ экипажа въ чинѣ контръ-адмирала, всѣ штабъ-офицеры командиры и старшіе офицеры съ судовъ, состоящихъ въ экипажѣ, и оберъ-офицеры, числящіеся всѣ на какомъ-либо изъ судовъ.

Въ зимнее время, когда суда прекращали плаваніе и становились въ резервъ, офицеры и команды переходили въ казармы и составляли баталіонъ, несшій всю службу наравнѣ съ полками гвардіи.

Существуя свыше 200 лѣтъ, имѣя славное боевое прошлое и Георгіевское Знамя, пожалованное Императоромъ Александромъ I за Кульмское сраженіе, экипажъ представлялъ изъ себя сплоченную воинскую часть съ опредѣленными славными традиціями, дающими всегда прекрасныя команды на корабли, зачисляемые въ экипажъ.

Можно смѣло сказать, что это былъ единственный экипажъ во всемъ флотѣ, содержавшійся въ порядкѣ

По необъяснимому курьезу еще въ царствованіе Императора Александра II флотъ въ видѣ особой милости испросилъ разрѣшеніе комплектовать яхту «Царевна» командами отъ флота, точно Гвардейскій экипажъ не былъ тѣмъ же флотомъ. А въ началѣ царствованія Императора Николая II на томъ же основаніи была укомплектована и новая большая морская яхта «Штандартъ».

Въ 1906 году эта аномалія прекратилась и обѣ яхты были зачислены въ составъ Гвардейскаго экипажа.

Здѣсь считаю своимъ долгомъ вспомнить еще одно весьма странное обстоятельство, сопровождавшее службу офицера, пожелавшаго проводить ее въ рядахъ Гвардейскаго экипажа. Несмотря на то, что всѣ суда,

укомплектованныя командами экипажа, состоя въ боевыхъ отрядахъ или эскадрахъ, были всегда безъ исключенія въ рѣдкомъ и въ блестящемъ состояніи, все же на офицерахъ Гвардейскаго экипажа морскимъ министерствомъ ставилось что-то въ родѣ «крестика», т. е. секретная помѣтка о непригодности къ службѣ въ дѣйствующемъ флотѣ. Практически это не играло почти никакой роли, но во всякомъ случаѣ въ Русскомъ Императорскомъ флотѣ вопреки здравому смыслу плаванія офицеровъ на Императорскихъ яхтахъ не считались въ выполненіи ценза на повышеніе, а командиры яхтъ, согласно особаго примѣчанія къ «Правиламъ прохожденія службы офицерами флота», могли быть производимы въ адмиралы безъ права на командованіе отрядами или эскадрами. Во всѣхъ же иностранныхъ флотахъ служба на Императорскихъ яхтахъ, а тѣмъ болѣе командованіе ими уже само по себѣ было отличіемъ и открывало широкую дорогу на движеніе по службѣ.

Такимъ образомъ, зимой, по мѣрѣ окончанія судами плаваній, назначенныхъ имъ по ежегодно утвержденной программѣ плаванія, послѣднія ставились въ резервъ, имѣя на борту часть офицеровъ и команды, а остальные офицеры и матросы возвращались въ свои роты въ экипажъ, гдѣ несли службу, обучая новобранцевъ, подготовляя унтеръ-офицеровъ и повторяя пройденное со старослужащими. Зимняя служба продолжалась до середины апрѣля, когда опять всѣ возвращались на свои суда, укомплектованныя еще новобранцами призыва этого года. Императорскія яхты комплектовались на одинаковомъ основаніи со всѣми судами флота, почему въ большинствѣ случаевъ яхты въ началѣ лѣта были неготовы къ плаванію. Требовалось около двухъ мѣсяцевъ, чтобы сплотить команду яхты и выучить молодыхъ матросовъ, зачастую ранѣе никогда не видавшихъ моря.

Англійская яхта «Викторія и Альбертъ», подходящая по типу къ яхтамъ «Полярная Звѣзда» и «Штандартъ",

укомплектовывались матросами, прослужившими уже въ боевомъ флотѣ не менѣе 5 лѣтъ и имѣющими лучшую аттестацію. Прослуживъ на яхтѣ остальные 7 лѣтъ до контрактнаго срока 12 лѣтъ, большинство оставалось служить и дальше, почему яхта имѣла почти постоянный составъ матросовъ. Наши же яхты имѣли ежегодно около ¼ команды новой, совершенно неопытной. Узнавъ какъ-то отъ меня о такомъ комплектованіи, командиръ королевской англійской яхты, съ которой мы встрѣчались ежегодно въ Копенгагенѣ, долго разспрашивалъ меня, какимъ образомъ мы достигаемъ въ такомъ случаѣ возможности плавать и имѣть видъ не хуже его яхты.

Въ этомъ году я впервые былъ на Высочайшемъ выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, т. е. на большомъ балу, на которомъ бывало нѣсколько тысячъ приглашенныхъ. Всѣ приглашенные должны были собраться въ опредѣленномъ залѣ дворца къ указанному времени, послѣ чего дверь изъ покоевъ Ихъ Величествъ открывалась и начинался большой выходъ, повторяющійся 3 раза. Первый разъ Государь шелъ съ Императрицею Матерью, за нимъ въ слѣдующей парѣ Императрица Александра Өедоровна съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Александровичемъ, а потомъ всѣ Великіе Князья по своему старшинству въ парѣ съ Великими Княгинями. Государь, Императрицы и Высочайшіе Особы, дѣлая кругъ по залу, раскланивались съ гостями, которые привѣтствовали шествіе низкими поклонами. Второй и третій выходъ совершался такимъ же порядкомъ.

Послѣ этого музыка начинала играть по росписанію вальсы и контръ-дансы. Танцовали, главнымъ образомъ, Великіе Князья и Великія Княгини и самое высшее общество, при чемъ Императрицы и Великія Княгини сами выбирали себѣ кавалеровъ, посылая съ приглашеніемъ церемоніймейстеровъ. Ея Величество танцовала только контръ-дансы, приглашая обыкновенно кого-либо изъ посланниковъ.

Послѣ танцевъ гости приглашались къ ужину, накрытому въ нѣсколькихъ залахъ. Мѣста не указывались и можно было садиться небольшими группами, что придавало еще большій интересъ ужину, такъ какъ онъ проходилъ среди знакомыхъ людей.

Во время баловъ Государь никогда не танцовалъ, проводя время въ разговорахъ съ высшими чинами Имперіи или съ чинами дипломатическаго корпуса, а за ужиномъ все время обходилъ залы, слѣдя, чтобы гости Его всѣ были бы правильно обслужены.

Послѣ ужина Государь прощался съ приближенными, а остальнымъ дѣламъ общій поклонъ, и всѣ Высочайшія Особы снова уходили въ покои Ихъ Величествъ. Начинался разъѣздъ.

До сихъ поръ не могу забыть, какъ на одномъ изъ такихъ баловъ, Государь вошелъ въ залъ, гдѣ ужиналъ я среди оберъ-офицеровъ. Мы всѣ, конечно, при входѣ Государя встали, и вдругъ лучистые глаза Его Величества остановились на мнѣ. Трудно сказать, сколько времени взоръ Государя былъ почему-то притянутъ мною, но у меня было впечатлѣніе, что это тянулось очень долго и я испыталъ какое-то особенное чувство не то радости, не то предчувствія.

Лѣто 1903 года я снова плавалъ на яхтѣ «Александрія». Это былъ годъ визитовъ чужестранныхъ королей. Приходили моремъ Императоръ Германскій и президентъ Французской Республики, а сухимъ путемъ пріѣзжали короли Итальянскій, Сербскій и Болгарскій.

Осенью я былъ назначенъ временно минным офицеромъ эскадреннаго броненосца «Императоръ Александръ III», зачисленнаго при спускѣ въ Гвардейскій экипажъ, а въ декабрѣ мѣсяцѣ меня назначили на такую же должность на Императорскую яхту «Полярная Звѣзда», которая какъ бы находилась пожизненно въ распоряженіи Императрицы Маріи Өедоровны. Государевой же морской яхтой былъ «Штандартъ».

Яхта «Полярная Звѣзда" была построена, для замѣны старой колесной яхты «Держава», въ царствованіе

Императора Александра III на Балтійскомъ судостроительномъ заводѣ. Говорятъ, что заводу было дано сначала заданіе построить яхту такъ, чтобы въ случаѣ войны ее легко можно было превратить въ быстроходный крейсеръ и что поэтому яхта не отличалась хорошими морскими качествами. Во всякомъ случаѣ, яхта была крѣпко построена, обладала прекрасными котлами и машинами, дающими свободно до послѣдняго дня 18 узловъ хода. Отдѣлана яхта была очень красиво, хоть и просто, согласно вкусамъ Ея Державнаго Хозяина. Въ особенности хороша была столовая, гдѣ по надобности столы раздвигались «покоемъ» и можно было накрыть на 80 человѣкъ.

Мое вступленіе на яхту совпало съ началомъ Японской войны, когда экипажъ далъ возможно больше своего личнаго состава на укомплектованіе различныхъ боевыхъ судовъ, укомплектовавъ одновременно полностью линейный корабль «Императоръ Александръ III» и крейсеръ «Адмиралъ Нахимовъ». Поэтому лѣтомъ 1904 года команда яхты была пополнена не только новобранцами, но и запасными, призванными въ началѣ войны. Офицеровъ тоже составъ былъ уменьшенный, что сказывалось на успѣшномъ обученіи команды.

Выйдя изъ Петербурга и сдѣлавъ пробный пробѣгъ для испытанія машинъ, яхта стала на свою бочку на Маломъ Кронштадтскомъ рейдѣ и мы предчувствовали, судя по тяжелымъ извѣстіямъ съ театра войны, безконечно скучное плаваніе въ этомъ году. Такъ оно и оказалось, такъ какъ Государыня Императрица не пожелала выполнить свою ежегодную поѣздку въ Копенгагенъ, и мы, простоявъ все лѣто на бочкѣ, осенью вернулись въ Петербургъ и въ экипажъ, гдѣ несли обычную свою зимнюю службу.

Съ началомъ лѣта 1905 года яхта снова перешла на свою бочку въ Кронштадтъ. Начало не предвѣщало ничего хорошаго, такъ какъ вѣсти съ театра войны были тяжелыя, если не сказать безотрадныя. А тутъ

и въ самой странѣ началось броженіе, очень похожее на пробную революцію.

Среди морскихъ командъ въ Кронштадтѣ, гдѣ находилось много призванныхъ изъ запаса, начались безпорядки, весьма мягко подавляемыя начальствомъ.

Дни тянулись однообразно, главнымъ образомъ, въ чтеніи газетъ съ печальными извѣстіями какъ съ фронта, такъ и изнутри страны. Началась революція въ полномъ смыслѣ этого слова. Наши матросы подвергались особой агитаціи и нужно было зорко смотрѣть за ними. А тутъ, какъ нарочно, полное бездѣлье.

Въ серединѣ лѣта, наконецъ, мы были порадованы походомъ съ Государемъ до Біоркэ, гдѣ произошло столь нашумѣвшее свиданіе съ Императоромъ Вильгельмомъ. Мнѣ лично посчастливилось, такъ какъ пришлось два дня возить обоихъ Императоровъ по рейду на паровомъ катерѣ съ «Полярной Звѣзды» то для осмотра германскихъ судовъ, то на обѣдъ или завтракъ.

Государь Императоръ, какъ всегда, былъ очень милостивъ и задавалъ иногда мнѣ вопросы. Германскій же Императоръ наградилъ меня орденомъ Краснаго Орла.

Присутствуя по долгу службы на этомъ историческомъ свиданіи, намъ и въ голову не приходило значеніе его. Хорошо помню только, что Государь все время подсмѣивался надъ этимъ свиданіемъ.

Осенью же въ этомъ году яхта «Полярная Звѣзда» была осчастливлена малымъ и первымъ въ царствованіе Императора Николая II шкернымъ плаваніемъ, продолжавшимся всего 2 недѣли. За это время посѣтили снова Біоркэ и Транзундъ. На яхтѣ отбыли: Государь, Императрица, Великія Княжны, Наслѣдникъ Цесаревичъ, министръ Двора бар. Фредериксъ, гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ, морской министръ адмиралъ Бирилевъ, флагъ-капитанъ Свиты Его Величества контръ-адмиралъ Ниловъ, флигель-адъютантъ графъ Гейденъ, Чагинъ, Дрентельнъ и фрейлины.

По прибытіи Высочайшихъ Особъ было приказано назначить ко всѣмъ дѣтямъ дядекъ изъ унтеръ-офицеровъ, на обязанности которыхъ возложено было слѣдить и охранять Дѣтей отъ могущихъ быть случайностей на верхней палубѣ. Въ это время и былъ назначенъ дядькой къ Наслѣднику тогда еще матросъ Деревенько, который затѣмъ оставался при Его Высочествѣ вплоть до революціи.

Ихъ Величества во время шкернаго плаванія отдыхали послѣ двухъ тяжелыхъ предшествующихъ лѣтъ, ожидая прибытія статсъ-секретаря Витте изъ Америки послѣ заключенія мира съ Японцами. Дни проходили однообразно въ прогулкахъ по безлюднымъ островамъ, небольшихъ охотахъ и катаніяхъ на шлюпкахъ. Замѣтно было, что Высочайшія Особы всѣ искренно наслаждались чуднымъ морскимъ воздухомъ, простотой жизни на яхтѣ, гдѣ не могло быть дворцоваго этикета, и плаваніе это оставило по себѣ самыя лучшія воспоминанія.

Къ концу второй недѣли, когда яхта перешла снова въ Біоркэ, туда же прибылъ на яхтѣ «Стрѣла» вернувшійся изъ Америки статсъ-секретарь Витте. Немедленно за нимъ былъ посланъ паровой катеръ, на которомъ онъ долженъ былъ прибыть на яхту для доклада Государю. Послѣ доклада Витте былъ приглашенъ къ Высочайшему обѣду, во время котораго подали шампанское и Государь поднялъ бокалъ за здоровье Сергѣй Юльевича. Перейдя послѣ обѣда въ верхнюю рубку, Государь поблагодарилъ Витте за удачное заключеніе мира и поздравилъ его графомъ.

Всѣхъ насъ поразила тогда манера С. Ю. Витте держаться при Его Величествѣ. Въ ней было слишкомъ много подобострастнаго и ненужнаго. Странно было видѣть статсъ-секретаря, бывшаго предсѣдателя совѣта министровъ, бывшаго министра путей сообщенія и финансовъ, члена Государственнаго Совѣта, который держалъ руки по швамъ, все время низко клянялся, отвѣчалъ «такъ-точно» и «никакъ нѣтъ», титуловалъ Его

Величество всегда полнымъ титуломъ и т. п., что обыкновенно дѣлали только новички при Дворѣ, а никакъ не люди съ такимъ положеніемъ. Кромѣ того, ему не трудно было знать, что Государь всегда тяготился такимъ обращеніемъ, разъ къ этому не вынуждала офиціальность даннаго случая.

Зиму опять провели въ казармахъ, обучая новобранцевъ и борясь съ агитаціей среди матросовъ. Въ концѣ 1905 года я былъ назначенъ и. д. старшаго офицера яхты и остался на ней на зиму съ частью состава, командуя въ то же время береговой ротой Гвардейскаго экипажа.

Ранней весной Государь произвелъ смотръ молодымъ матросамъ экипажа, на которомъ и я принялъ участіе.

Слѣдующее лѣто 1906 года яхта ходила въ концѣ іюня мѣсяца въ Норвегію на коронованіе Норвежскаго Короля, имѣя на борту Великаго Князя Михаила Александровича, генералъ-адъютанта Максимовича и генерала Дашкова, завѣдывающаго дѣлами Великаго Князя, и адъютанта Его Высочества полковника Мордвинова. Путешествіе продолжалось всего 10 дней.

Въ августѣ же мѣсяцѣ, впервые послѣ двухлѣтняго промежутка, Императрица Марія Ѳеодоровна отбыла на яхтѣ въ Копенгагенъ, какъ это дѣлалось ежегодно еще со времени Царствованія Императора Александра III. Наканунѣ дня ухода на яхту прибыла дворцовая прислуга и привезла багажъ Ея Величества и свиты Ея.

Утромъ, въ день ухода, Ея Величество прибыла на Кронштадтскій рейдъ на яхтѣ «Александрія», сопровождаемая Государемъ и Императрицей. По переѣздѣ на яхту «Полярная Звѣзда», Государь и Императрица, простившись съ Августѣйшей Матерью, отбыли обратно на яхту «Александрія», а «Полярная Звѣзда» снялась съ бочки и вышла въ море, конвоируемая миноносцемъ «Войсковой».

Ея Величество сопровождалъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ, генералъ-майоръ Дашковъ, свит-

ная фрейлина графиня Гейденъ и адъютантъ полковникъ Мордвиновъ. Состоящій при Императрицѣ князь Шервашидзе, какъ непереносящій морского путешествія, отбылъ за границу сухимъ путемъ.

Море встрѣтило насъ ласково и на третій день мы вошли въ Норвежскія шхеры, направляясь сначала въ г. Христіанію для посѣщенія молодого Короля Норвегіи. На рейдѣ мы встрѣтили англійскую королевскую яхту «Викторія и Альбертъ», пришедшую съ англійской Королевой Александрой.

Простоявъ 2 дня, обѣ яхты перешли въ Копенгагенъ, гдѣ и стали на свои обычныя мѣста противъ пристани Тальбоденъ, имѣя справа отъ себя яхту «Царевну», пришедшую сюда непосредственно.

Ея Величество чувствовала себя простуженной, почему 28 дней прожила на яхтѣ, принимая у Себя Родственниковъ и дѣлая только необходимые визиты.

Высочайшія посѣщенія начинались съ 10 часовъ утра и прекращались около 11 часовъ вечера, при чемъ обычно къ завтраку и обѣду были приглашаемы кто-либо изъ Августѣйшихъ Родственниковъ, а также всѣ офицеры яхты. Вечеромъ Ея Величество приглашала обычно на вечерній чай, послѣ котораго уже уходила въ свою каюту, чтобы лечь спать.

Въ началѣ ноября яхта вернулась въ Петербургъ.

Зимой опять обученіе новобранцевъ, ремонтъ яхты и весной снова Царскій смотръ молодымъ матросамъ.

Такимъ образомъ, эти годы мнѣ пришлось очень мало видѣть Государя и Императрицу вблизи.

VII.

Весна 1907 года началась обычно, съ той только разницей, что яхта перестала стоять постоянно на Кронштадтскомъ рейдѣ, а уходила въ шхеры въ пустынную бухту около г. Котпи, гдѣ легче и удобнѣе было

вести обученіе и подготовку яхты къ плаванію съ Высочайшими Особами.

Осенью, какъ всегда, Императрица Марія Ѳедоровна отбыла на яхтѣ въ Копенгагенъ. Въ это время Государь Императоръ съ Семьей совершалъ свое обычное шхерное путешествіе на яхтѣ «Штандартъ».

Не успѣли мы простоять нѣсколько дней въ Копенгагенѣ, какъ поставщикъ какъ-то утромъ доставилъ намъ мѣстную датскую газету и указалъ на телеграмму изъ Петербурга, въ которой говорилось о посадкѣ яхты «Штандартъ» на камни въ Финляндскихъ шхерахъ.

Въ этотъ же день я имѣлъ счастье завтракать у Ея Величества на собственной дачѣ и за завтракомъ Ея Величество подтвердила мнѣ эту печальную новость, добавивъ, что все обошлось благополучно и Государь съ Семьей перешелъ на яхту «Александрія», а «Штандартъ» будетъ на дняхъ снятъ и исправленъ. Стало ясно, что яхтѣ «Полярная Звѣзда». которая была почти однотипна съ «Штандартомъ», нужно немедленно идти въ шхеры, дабы принять Высокихъ Гостей, которымъ фактически нельзя было размѣститься не только удобно, но даже сносно на маленькой колесной яхтѣ «Александрія», которая была построена для совершенія небольшихъ переходовъ между Петергофомъ, Петербургомъ и т. п.

Нѣсколько дней стояли мы подъ парами, ожидая вызова, и, наконецъ, въ началѣ сентября получили приказаніе Ея Величества идти въ Финскій заливъ въ распоряженіе Его Величества.

На другой же день утромъ мы подходили къ входу въ Финскій заливъ, о чемъ послали радіо флагъ-капитану Его Величества и получили приказаніе идти и стать на якорь въ Гангэ, что и было нами исполнено.

Черезъ нѣсколько дней на тотъ же рейдъ пришла и яхта «Александрія», конвоируемая посыльнымъ судномъ «Азія» и отрядомъ миноносцевъ.

Сейчасъ же Государь, Императрица съ Семьей и свитой перешли на яхту «Полярная Звѣзда», а черезъ нѣсколько часовъ привели на буксирѣ яхту «Штандартъ» съ подведеннымъ пластыремъ для ввода въ докъ и починки.

Свита Государя состояла изъ министра Двора генералъ-адъютанта бар. Фредерикса, гофмаршала генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа, флагъ-капитана генералъ-адъютанта Нилова, свиты генералъ-майора Орлова, флигель-адъютанта Дрентельнъ и нѣсколькихъ чиновъ Походной Канцеляріи. Обязанности свитной фрейлины исполняла Анна Александровна Вырубова.

По пріемѣ Высокихъ Хозяевъ, яхта немедленно снялась и перешла на другой шхерный рейдъ, такъ называемый «Штандартъ». Находился онъ между Транзундомъ и Коткой. Окружающіе его острова были мало населены, что давало возможность Высочайшимъ Особамъ спокойно сходить на берегъ для совершенія прогулокъ и охоты и не требовало почти никакой охраны.

Яхту сопровождали: 4 миноносца типа «Украина», 2 миноносца номерныхъ и одно посыльное судно «Азія», на которомъ жила береговая охрана.

На другой же день по постановкѣ на якорь началась обычная жизнь шхернаго плаванія. Къ подъему флага выходилъ только флагъ - капитанъ Его Величества. Государь Императоръ выходилъ на палубу около $8^1/_2$ часовъ утра, а около 9 часовъ выходила Ея Величество и Августѣйшія Дѣти. До завтрака Его Величество занимался обыкновенно дѣлами; Ея Величество читала или писала письма, а Великія Княжны катались на небольшихъ шлюпкахъ или занимались рукодѣліемъ и чтеніемъ. Наслѣдникъ Цесаревичъ въ сопровожденіи дядьки Своего, произведеннаго уже въ боцманы, Деревенько гулялъ по палубѣ, разговаривалъ съ матросами и офицерами или игралъ съ юнгами, которыхъ обыкновенно на яхтѣ было отъ 6 до 8. Завтракъ подавался въ 1 часъ дня и къ нему каждый день приглашались всѣ офицеры яхты. Обыкновенно въ 12

часовъ 55 минутъ мы всѣ входили въ Царскую столовую и становились свободной группой у входа. Къ этому же времени собиралась и вся свита. Ровно въ назначенное время открывалась дверь Царской каюты и выходила Царская Семья, послѣ чего Государь приглашалъ всѣхъ къ закусочному столу, всегда накрытому отдѣльно. Выпивъ иногда рюмку водки и закусивъ чѣмъ-нибудь, Его Величество начиналъ смотрѣть, чтобы Его гости не стѣснялись и ѣли бы закуски. Ея Величество въ это время сидѣла немного въ сторонѣ, окруженная дѣтьми, и обычно разговаривала съ министромъ Двора или графомъ Бенкендорфомъ.

Давъ достаточно времени всѣмъ закусить, Государь переходилъ къ обѣденному столу и садился въ головѣ стола, имѣя Императрицу по правую руку, а по лѣвую кого-либо изъ Великихъ Княженъ, обычно Анастасію Николаевну, какъ самую младшую. По правую сторону отъ Императрицы сажали по очереди распоряженіемъ гофмаршала кого-либо изъ старшихъ чиновъ свиты или флота, распредѣляя остальныхъ приглашенныхъ по старшинству между Великими Княжнами и затѣмъ по всему столу.

Немедленно подавался супъ съ пирожками и первое блюдо съѣдалось обыкновенно молча. Хорошо обученные придворные лакеи, большею частью очень пожилые люди, съ помощью назначенныхъ къ нимъ расторопныхъ матросовъ быстро убирали тарелки и въ то же время подавали уже слѣдующее блюдо. Завтракъ былъ изъ 5 блюдъ, послѣ чего подавалось кофе. Во время завтрака спеціальный лакей разливалъ вино обыкновенно 3-хъ сортовъ: послѣ супа мадеру, а послѣ второго блюда бѣлое или красное вино по желанію. Къ кофе подавался коньякъ.

Обычно завтракъ продолжался не болѣе 40 минутъ, при чемъ послѣ сладкаго Государь закуривалъ папиросу и неизмѣнно говорилъ громко: «господа, не угодно ли курить». Послѣ этого лакеи подавали на столъ свѣчи и пепельницы.

По сигналу Государя всѣ вставали, благодарили поклономъ Ихъ Величествъ, а находящіеся вблизи Ея Величества удостаивались чести цѣловать Ея руку, а затѣмъ Высочайшія Особы выходили съ лицами свиты на палубу, а офицеры расходились по дѣламъ службы.

Черезъ нѣсколько минутъ по выходѣ на палубу получалось обыкновенно черезъ флагъ-капитана приказаніе о подачѣ паровыхъ катеровъ или другихъ шлюпокъ, и Высочайшія Особы со свитой съѣзжали на какой-либо островъ для прогулки, игры въ тенисъ и т. п.

Къ 5 часамъ всѣ возвращались и подавался чай, на который приглашались только лица свиты. Продолжался онъ отъ 30 до 40 минутъ; послѣ чаю всѣ расходились по своимъ дѣламъ, а Его Величество уходилъ въ кабинетъ заниматься.

Въ 8 часовъ начинался обѣдъ совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ и завтракъ, но къ нему обыкновенно приглашались командиры и офицеры съ судовъ охраны, которымъ велась строгая очередь. Обѣдъ продолжался 45, 50 минутъ и отличался отъ завтрака только прибавленіемъ 6-го блюда.

Какъ за обѣдомъ, такъ и за завтракомъ Его Величество среди блюдъ задавалъ часто вопросъ присутствующимъ и иногда начинался болѣе или менѣе общій разговоръ. Ея Величество обыкновенно тихо разговаривала со своимъ сосѣдомъ и Государемъ и при этомъ говорила почти всегда на русскомъ языкѣ.

Послѣ обѣда всѣ выходили на палубу, гдѣ составлялись произвольныя группы, а Ихъ Величества пользовались случаемъ поговорить хоть нѣсколько минутъ съ приглашенными къ столу офицерами съ другихъ судовъ, передъ тѣмъ какъ отпустить ихъ по своимъ судамъ.

Около 10 часовъ подавался вечерній чай, на который приглашались только ближайшія лица свиты. Онъ продолжался недолго, послѣ чего Ихъ Величества уходили въ свое помѣщеніе, и день кончался.

Вечеромъ иногда нѣкоторыя лица свиты составляли въ свитскомъ помѣщеніи партіи въ карты.

Государь ни въ какія карточныя игры никогда не игралъ и не любилъ играть, относясь, однако, вполнѣ снисходительно къ любителямъ такого время препровожденія. Лично мнѣ какъ-то Государь объяснилъ такую нелюбовь къ картамъ тѣмъ, что Ему часто приходилось видѣть при жизни Своего Августѣйшаго Отца Императора Александра III, очень любившаго и постоянно игравшаго въ коммерческія игры съ близкими лицами свиты, какъ люди забывались въ минуты проигрыша и, не стѣсняясь присутствіемъ Государя, позволяли себѣ недопустимыя выходки и выраженія. Это оставило неизгладимое впечатлѣніе у Государя на всю жизнь и отбило у него желаніе даже познакомиться съ карточной игрой.

Впослѣдствіи, во время шхерныхъ плаваній Государь понемного втянулся и полюбилъ игру въ домино, но никогда не игралъ и не позволялъ другимъ играть на деньги.

Прошло нѣсколько дней нашего шхернаго плаванія и командованіе яхты, впервые участвуя въ немъ, послѣ неоднократныхъ плаваній Ихъ Величествъ на яхтѣ «Штандартъ», получило ясное представленіе о расписаніи дня, въ которомъ совершенно была забыта судовая команда, состоящая большею частью изъ молодыхъ людей дѣйствительной службы при 25% молодыхъ неопытныхъ матросовъ послѣднихъ призывовъ. Естественно, что молодые матросы безъ практики быстро забывали выученное, теряли сноровку и разучивались грести.

Черезъ нѣсколько дней, по постановкѣ на якорь на рейдѣ Штандарта, рано утромъ, послѣ церемоніи подъема флага, командиръ яхты обратился къ флагъ-капитану съ просьбою разрѣшить дѣлать шлюпочныя ученія.

Стоя въ это время въ нѣсколькихъ шагахъ отъ командира, я съ изумленіемъ увидѣлъ, какъ у флагъ-ка-

питана выразилось на лицѣ удивленіе, и я услыхалъ дословно такой вопросъ: «почему же на яхтѣ «Полярная Звѣзда» можно производить шлюпочныя ученія, а на «Штандартѣ» нельзя?» Командиръ яхты отвѣтилъ, что онъ никакъ не можетъ знать причины, почему на яхтѣ «Штандартъ» нельзя было дѣлать шлюпочныхъ ученій, но что на ввѣренной ему яхтѣ это не только можно, но и очень желательно, хотя бы во время съѣздовъ Высокихъ Гостей на берегъ, для поддержанія матросовъ на должной высотѣ по обученію, по ловкости и умѣнію обращаться со шлюпками.

Флагъ-капитанъ выразилъ свое удовольствіе и обѣщалъ доложить Государю.

Едва успѣлъ этотъ разговоръ прекратиться, какъ на палубу вышелъ Государь и поздоровался съ присутствующими на палубѣ офицерами и командой. Отрапортовавъ утренній рапортъ, флагъ-капитанъ доложилъ Государю ходатайство командира яхты о производствѣ шлюпочныхъ ученій и, опять таки, командиръ яхты и я, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ флагъ-капитана, ясно услыхали, какъ Его Величество отвѣтилъ на это генералъ-адъютанту Нилову слѣдующимъ вопросомъ: «почему же, Константинъ Дмитріевичъ, на яхтѣ «Полярная Звѣзда» можно производить шлюпочныя ученья, а на «Штандартѣ» нельзя?» На это флагъ-капитанъ только и нашелся отвѣтить такъ: «Ваше Императорское Величество, только потому, что это яхта «Полярная Звѣзда», а то яхта «Штандартъ»». Очевидно, Государь понялъ смыслъ сказаннаго, улыбнулся и сказалъ: «скоро выйдетъ Ея Величество и тогда Я дамъ Вамъ отвѣтъ относительно шлюпочнаго ученья».

Въ 9 часовъ вышла на палубу Ея Величество, и Государь, переговоривъ съ ней, приказалъ сдѣлать ученье сейчасъ же.

Какъ только раздались слова команды: «Унтеръ-офицеры къ люкамъ, всѣхъ наверхъ на всѣ гребныя суда», и унтеръ-офицеры, разбѣжавшись по люкамъ,

зычнымъ голосомъ передали на палубу приказаніе, команда забыла о присутствіи на яхтѣ Высочайшихъ Особъ и, подчиняясь уже вкоренившейся привычкѣ, бросилась по росписанію къ своимъ шлюпкамъ, которыя черезъ 1½-2 минуты уже отваливали отъ борта яхты.

Такимъ образомъ, первая часть ученья прошла отлично.

Катаніе на шлюпкахъ производилось по сигналамъ съ яхты. Шлюпки ходили то подъ веслами, то подъ парусами, огибая яхту, красиво кренясь отъ полныхъ парусовъ.

Въ 11 часовъ Государь приказалъ окончить ученье. По сигналу шлюпки вернулись къ борту яхты и подошли къ своимъ талямъ. По моей командѣ всѣ шлюпки были подняты на свои мѣста въ одно мгновенье и черезъ двѣ минуты на яхтѣ снова царила тишина и спокойствіе, а шлюпки висѣли на своихъ мѣстахъ, какъ будто бы ихъ никогда никто и не спускалъ на воду.

Весь маневръ спуска и подъема, а также и само шлюпочное ученье прошли такъ плавно, люди работали такъ отчетливо и безъ лишней торопливости и суеты, что впечатлѣніе получилось прекрасное и съ тѣхъ поръ какъ Высочайшія Лица, такъ и свита ежедневно съ нетерпѣніемъ ждали начала шлюпочнаго ученья, любуясь общей картиной. Ея Величество дѣлала снимки съ различныхъ маневровъ и потомъ дарила ихъ съ собственноручной помѣткой, кому предназначенъ снимокъ. Недѣли черезъ двѣ морской министръ адмиралъ Бирилевъ безъ предупрежденія сдѣлалъ полный обходъ всѣхъ помѣщеній яхты, приказавъ, чтобы никто изъ начальства его не сопровождалъ. Выйдя на шканцы послѣ 2-хъ часового обхода до киля включительно, адмиралъ по своей всегдашней привычкѣ громко выражать свое мнѣніе, какъ только показался изъ люка, началъ такъ: «Ваше Величество, сейчасъ сдѣлалъ подробный смотръ яхтѣ. Вотъ это порядокъ

и чистота, вотъ это яхта!» Дальнѣйшихъ подробностей не было слышно, такъ какъ въ это время онъ приблизился къ Государю и продолжалъ говорить уже тише. Но отъ хозяевъ помѣщеній я получилъ подробный докладъ, гдѣ былъ министръ, какіе вопросы задавалъ и что вообще говорилъ, и, такимъ образомъ, узналъ, что адмиралъ всюду нашелъ все въ полномъ порядкѣ и всѣхъ благодарилъ много разъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ.

Дни плаванія шли однообразно почти точно по приведенному мною выше росписанію. Погода держалась, несмотря на осень, отличная и безъ дождей, что давало возможность Высочайшимъ Лицамъ съѣзжать ежедневно на берегъ для прогулокъ и охотъ. Послѣдняя была весьма скромная, но очень нравилась Государю, привыкшему къ обычнымъ Царскимъ охотамъ, гдѣ звѣря и птицу выгоняли какъ бы спеціально на Его номеръ. Тутъ же приходилось показывать уже искусство, что и было дорого Его Величеству, какъ вообще любителю спорта, а не избіенія дичи.

Дней черезъ десять послѣ начала плаванія меня глубоко тронула милость Ихъ Величествъ, начавшихъ вдругъ обращаться ко мнѣ, называя меня по имени и отчеству. Это былъ вѣрный признакъ милости, такъ какъ обыкновенно ко всѣмъ обращались, называя просто по фамиліи. Не могу не упомянуть здѣсь два случая, обрисовывающихъ хорошо характеръ Ихъ Величествъ.

Зная хорошо характеръ нашего матроса и необходимость постоянно его подбадривать, я иногда (смѣха ради) людямъ, отличающимся неповоротливостью и лѣнью, поддавалъ или рукой по затылку или давалъ пинька, что вызывало обыкновенно всеобщій взрывъ смѣха, и потомъ такого награжденнаго команда долго дразнила. Очевидно, это было замѣчено Государемъ, потому что какъ-то неожиданно Его Величество, подойдя ко мнѣ и заговоривъ, вдругъ сказалъ мнѣ: «Семенъ Семеновичъ, а Вы порядочно поддаете командѣ».

Очень смутившись, я искренно отвѣтилъ Государю: «такъ точно, Ваше Величество, грѣшенъ, но дѣлаю это не по злобѣ, а для подбодренія лѣнтяевъ и никогда не позволяю себѣ такъ обращаться съ достойнымъ матросомъ». Государь отвѣтилъ мнѣ на это: «Я самъ замѣтилъ, что Вы дѣлаете это добродушно и весело и что это вызываетъ даже одобреніе всей команды. Что-жъ, пожалуй Вы правы».

Другой разъ, какъ-то рано утромъ, часовъ въ 6, я разозлился на какого-то матроса, бывшаго на шлюпкѣ, стоящей на лѣвомъ выстрѣлѣ, и, находясь на площадкѣ лѣваго парадняго трапа, забылся, ударилъ кулакомъ по поручнѣ и обругалъ его самыми неприличными выраженіями. Черезъ минутъ 5 инцидентъ этотъ былъ мною забытъ. Послѣ завтрака Ея Величество начала говорить со мной о чемъ-то постороннемъ, какъ это часто бывало, а потомъ неожиданно сказала: «ахъ да, я не знала, что вы бываете такимъ сердитымъ». Удивленный, я въ свою очередь сказалъ: «Ваше Величество, когда же Вы могли видѣть меня сердитымъ?» И вдругъ Ея Величество отвѣтила: «сегодня утромъ, когда вы стояли на лѣвомъ трапѣ и сердились на кого-то. Я услыхала Вашъ голосъ и выглянула въ полупортикъ и увидала Васъ во гнѣвѣ». Все это было сказано съ милостивой улыбкой, а не съ упрекомъ. Конфузу моему не было конца и я сейчасъ же принесъ свои извиненія, такъ какъ мнѣ стало ясно, что я своимъ крикомъ просто разбудилъ Ея Величество, которая между тѣмъ такъ нуждалась въ спокойномъ снѣ.

Тутъ кстати нужно упомянуть, что Ея Величество изъ чувства деликатности къ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ не занимала Ея каюту-спальню, а спала въ каютѣ на лѣвомъ борту въ бывшей когда-то каютѣ Великой Княжны Ксеніи Александровны.

Подходилъ конецъ сентября и ничто не нарушало нашего благополучнаго плаванія. Лично меня, конечно, безпокоила больше всего служба на яхтѣ и порядокъ на ней, но все шло хорошо, если не сказать образцово.

Уже начали поговаривать о возвращенiи въ Петербургъ, но Ихъ Величества сами оттягивали день ухода съ тихаго уютнаго рейда.

Какъ-то разъ, когда мы всѣ подошли по приглашенiю Государя къ закусочному столу, рядомъ со мной сталъ генералъ А. А. Орловъ и, наливъ двѣ рюмки водки, одну подалъ мнѣ и сказалъ: «Семенъ Семеновичъ, въ знакъ моего глубокаго уваженiя къ Вамъ, разрѣшите мнѣ выпить съ Вами на «Ты». Конечно, безъ церемонiй». Тронутый глубоко такимъ вниманiемъ блестящаго генерала, достойнаго во всѣхъ отношенiяхъ полнаго уваженiя и подражанiя, я поблагодарилъ за честь и, конечно, согласился. Съ тѣхъ поръ генералъ усиленно началъ подчеркивать свое расположенiе ко мнѣ, постоянно приходилъ говорить со мной, разспрашивая про организацiю службы во флотѣ, о прохожденiи ея и т. д.

Очень часто и Государь Императоръ задавалъ мнѣ различные вопросы, интересуясь различными подробностями, и разговоръ иногда затягивался довольно долго.

Несмотря на конецъ сентября мѣсяца, погода все время держалась отличная, что еще больше скрашивало плаванiе въ шхерахъ. Изъ разговоровъ лицъ свиты между собой можно было заключить, что такая погода, пожалуй, позволитъ еще долго оставаться въ шхерахъ, хотя были нѣкоторые признаки необходимости возвращенiя. Намъ, служащимъ яхты, наоборотъ, было дорого пребыванiе Высокихъ Хозяевъ и хотѣлось продлить плаванiе возможно дольше, такъ какъ служба на яхтѣ безъ Хозяевъ была очень ужъ монотонна и безсодержательна.

Флагъ-капитанъ Его Величества какъ-то передалъ командиру яхты, что ввиду скораго окончанiя плаванiя нужно ожидать Высочайшаго смотра яхтѣ и что объ этомъ онъ заранѣе предупредитъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, совершенно неожиданно днемъ послѣ завтрака пошелъ дождь, почему очередной съѣздъ на берегъ былъ отложенъ. Часовъ около 3-хъ

прибѣжалъ ко мнѣ на верхнюю палубу старшина носовой командной палубы и доложилъ, что морской министръ адмиралъ Бирилевъ обходитъ яхту и приказалъ никому объ этомъ не докладывать, такъ какъ желаетъ осмотрѣть яхту въ полномъ одиночествѣ. Исполняя такое приказанiе, я не спустился внизъ и вскорѣ даже забылъ объ этомъ, когда вдругъ раздался какъ всегда громкiй голосъ адмирала, выходящаго на шканцы: «Ваше Величество, сейчасъ обошелъ яхту до трюмовъ включительно. Вотъ это дѣйствителньо порядокъ. А чистота какая всюду. Прямо поразительно». Дальше онъ продолжалъ говорить уже, подойдя вплотную къ Государю, который, повернувшись ко мнѣ, ласково посмотрѣлъ и улыбнулся. Очевидно, продолжался докладъ о видѣнномъ имъ при обходѣ яхты.

Черезъ нѣсколько дней состоялся Высочайшiй смотръ яхтѣ, окончившiйся сердечной благодарностью Государя командиру, мнѣ и всему составу яхты, а затѣмъ Государь выразилъ желанiе посѣтить съ Императрицей вечеромъ каютъ-кампанiю яхты, что означало, согласно традицiи, скорое окончанiе плаванiя.

Въ назначенный вечеръ Государь и Императрица со всѣми лицами свиты около 10½ часовъ вечера сошли въ каютъ-кампанiю, гдѣ былъ сервированъ чай. Высочайшiе Гости сѣли рядомъ, посадивъ по правую руку отъ себя командира, а по лѣвую меня. Лица свиты заняли мѣста произвольно. Начались воспоминанiя о прежнихъ плаванiяхъ на яхтѣ еще въ царствованiе Императора Александра III, когда Государь часто ходилъ на яхтѣ со всей Семьей осенью въ Копенгагенъ. Сравнивали удобства новой яхты «Штандартъ», при чемъ Государь находилъ яхту «Полярная Звѣзда» во многихъ отношенiяхъ удобнѣе первой яхты, хотя бы уже по столовой, такъ какъ на «Штандартѣ» нельзя было изъ-за недостатка мѣста сдѣлать большого прiема. Около 11½ часовъ Императрица простилась и съ Анной Александровной Вырубовой ушла къ себѣ спать.

Тогда попросили разрѣшенія у Государя подать шампанское, чтобы выпить за здоровье Августѣйшаго Хозяина. Было произнесено много тостовъ и пожеланій. Пили за здоровье всѣхъ лицъ свиты въ отдѣльности, почему приходилось все время подливать въ бокалы вино, кромѣ бокала Государя, который пилъ небольшими глотками. Когда, казалось, всѣ темы для тостовъ были исчерпаны, флагъ-капитанъ спросилъ разрѣшенія у Государя произнести еще одинъ, но и послѣдній тостъ. Получивъ милостивое разрѣшеніе, флагъ-капитанъ началъ говорить о блестящемъ состояніи яхты и о той колоссальной разницѣ между настоящими и прежними порядками и службой на ней, въ чемъ Его Величество лично самъ убѣдился, плавая теперь и ранѣе на яхтѣ. Свой тостъ адмиралъ Ниловъ закончилъ, предложивъ выпить за мое здоровье и дальнѣйшую плодотворную службу, такъ какъ своимъ образцовымъ порядкомъ яхта всецѣло обязана мнѣ. Сконфуженный, стоялъ я передъ Государемъ, который въ милостивыхъ выраженіяхъ подтвердилъ все сказанное адмираломъ. Я невольно подумалъ о положеніи командира яхты, командовавшаго ею уже 8-ой годъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого яхта снялась съ якоря и перешла на Кронштадтскій рейдъ, куда къ этому времени прибыла изъ Петергофа яхта «Александрія».

Послѣ пріема начальствующихъ лицъ, Государь пригласилъ къ себѣ въ каюту всѣхъ офицеровъ яхты, гдѣ Ея Величество собственноручно подарила каждому по парѣ запонокъ, какъ память о пріятномъ совмѣстномъ плаваніи, а затѣмъ начался съѣздъ.

Офицеры и команда были поставлены во фронтъ. Государь съ Императрицей вышли на верхнюю палубу и начали обходить по фронту офицеровъ, начиная съ лѣваго фланга, подавая всѣмъ руку и произнося слова благодарности. Подойдя ко мнѣ, крайнему съ праваго фланга, Государь посмотрѣлъ своимъ чарующимъ, лучистымъ взглядомъ мнѣ прямо въ глаза и сказалъ дословно слѣдующее: «Пораженъ тѣмъ, что видѣлъ. Твердо вѣрю, что всюду, гдѣ Вы будете начальникомъ, будетъ такая же образцовая служба и порядокъ. Сердечное Вамъ спасибо». Затѣмъ Государь обратился къ командѣ съ нѣсколькими ласковыми словами, благодаря за службу и порядокъ на яхтѣ, и простился съ ней. «Рады стараться, Ваше Императорское Величество» и громогласное, несмолкаемое «ура» было отвѣтомъ команды яхты, беззавѣтно преданной своему обожаемому Хозяину. Яхта «Александрія» снялась съ якоря, увозя Ихъ Величествъ, а команда все продолжала кричать «ура».

Такъ кончилось шхерное плаваніе Ихъ Величествъ на Ихъ старой яхтѣ «Полярная Звѣзда».

Черезъ нѣсколько дней яхта перешла въ Петербургъ на свое постоянное зимнее мѣсто и вступила въ резервъ. Начиналась опять обычная зимняя служба, когда мнѣ предстояло, оставаясь въ резервѣ на яхтѣ по должности старшаго офицера, продолжать командовать 2-ой ротой въ экипажѣ.

Неожиданно стало извѣстно, что морской министръ, ввиду гибели линейнаго корабля «Императоръ Александръ III» и крейсера «Нахимовъ» подъ Цусимой, рѣшилъ зачислить крейсеръ «Діана» въ составъ гвардейскаго экипажа. Такое извѣстіе насъ всѣхъ очень поразило, такъ какъ «Діана» былъ совершенно устарѣвшій по типу своему крейсеръ, пригодный только для учебныхъ цѣлей, но приходилось мириться, такъ какъ намъ всѣмъ была извѣстна безпричинная нелюбовь морского министра къ Гвардейскому экипажу. Одновременно я получилъ предложеніе отъ вновь назначеннаго командиромъ крейсера «Діана» капитана 1 ранга Гирса перейти къ нему старшимъ офицеромъ, на что я, отблагодаривъ его за честь, отвѣтилъ, что представляю этотъ вопросъ разрѣшенію начальства, такъ какъ не считаю себя въ правѣ дѣлать выборъ.

Вскорѣ на яхту зашелъ командиръ ея, которому я и доложилъ о сдѣланномъ мнѣ предложеніи и моемъ от-

вѣтѣ. На что командиръ отвѣтилъ мнѣ, что онъ считаетъ нужнымъ запросить объ этомъ начальника Главнаго Морского Штаба и передастъ мнѣ его рѣшеніе. На другой день командиръ передалъ мнѣ буквально слѣдующее: «Начальникъ Главнаго Морского Штаба сказалъ, что, если вы желаете продолжать вообще службу во флотѣ и дѣлать карьеру, то вамъ необходимо уйти съ яхты».

Хотя прошло много лѣтъ съ тѣхъ поръ и совершилось то, о чемъ нельзя было даже видѣть въ самомъ тяжеломъ кошмарѣ, я не могу придти въ себя отъ такого отношенія къ офицеру, служащему старшимъ офицеромъ на Императорской яхтѣ Самодержавнаго Русскаго Государя.

Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о моемъ переводѣ на совершенно устарѣвшій крейсеръ, гдѣ служба моя засчитывалась мнѣ въ цензъ.

Крейсеръ «Діана» находился въ Кронштадтѣ, куда онъ былъ приведенъ на буксирахъ изъ Петербурга послѣ двухлѣтняго стоянія въ ремонтѣ на заводѣ. Коренной своей команды на немъ почти не было и лишь только на переходъ ему назначили 140 человѣкъ. Было также нѣсколько офицеровъ тоже случайнаго назначенія. Пока я сдавалъ должность моему преемнику и формировалъ ядро новой команды для крейсера, командиръ его успѣлъ вступить въ должность. Черезъ нѣсколько дней послѣ него прибылъ и я съ новой командой и вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей.

Крейсеръ, пребывая два года въ полномъ запущеніи, находился въ ужасномъ состояніи, команда же его представляла изъ себя просто мужиковъ, одѣтыхъ въ форму матросовъ. Дисциплина, порядокъ, уставы были слова, непонятныя для этой команды. Приходилось заниматься съ ними, какъ съ новобранцами, начиная съ азовъ военно-морской службы. Цѣлые дни и часто ночи проводилъ я въ безпрерывной работѣ, хотя бы только для того, чтобы подготовить крейсеръ къ зимовкѣ на немъ.

Наступало 6 декабря — нашъ экипажный праздникъ, когда экипажъ въ полномъ составѣ имѣлъ счастье представляться ежегодно на смотру Августѣйшему Имениннику, а вечеромъ въ каютъ-кампаніи накрывался товарищескій ужинъ, на которомъ присутствовали всѣ прежде служившіе.

4 декабря командиръ крейсера «Діана» отбылъ въ Петербургъ, выразивъ свое сожалѣніе, что я не могу быть на праздникѣ въ экипажѣ и предупредивъ, что вернется только 7-го декабря. Вечеромъ 4-го же я получилъ телеграмму отъ адъютанта экипажа: «по приказанію командира экипажа вамъ надлежитъ присутствовать на парадѣ 6 декабря въ Царскомъ Селѣ, почему сдайте должность слѣдующему по старшинству и прибудьте въ Царское Село въ манежъ къ 10 часамъ утра».

Прочитавъ такое приказаніе, расходящееся съ полученнымъ приказаніемъ отъ командира, я отложилъ, ввиду поздняго часа, рѣшеніе до утра, считая это какимъ-то недоразумѣніемъ, такъ какъ отсутствіе одного изъ офицеровъ экипажа на парадѣ было бы даже незамѣтно. На другой день рано утромъ мнѣ доложили, что идетъ нашъ командиръ. Не успѣлъ я, удивленный неожиданнымъ возвращеніемъ командира, доложить ему о полученномъ приказаніи, какъ командиръ самъ заявилъ мнѣ, что пріѣхалъ, чтобы оформить мой отъѣздъ. На мое заявленіе, что мнѣ не зачѣмъ ѣхать, командиръ отвѣтилъ, что нельзя не ѣхать, такъ какъ Государь собирается объявить какую-то милость экипажу и приказано, чтобы всѣ офицеры присутствовали обязательно.

Такимъ образомъ, мнѣ пришлось выѣхать въ Петербургъ, а 6-го утромъ сѣсть на спеціальный поѣздъ, идущій въ Царское Село по особой вѣткѣ. Пріѣхавъ на вокзалъ, я встрѣтился съ адъютантомъ Великаго Князя Алексѣя Александровича капитаномъ 2 ранга Веселкинымъ, который поздравилъ меня съ предстоящимъ назначеніемъ флигель-адъютантомъ. Прошло два

мѣсяца съ конца плаванія въ шхерахъ и за это время мнѣ ни разу не пришло въ голову о возможности такой милости ко мнѣ Государя, тѣмъ болѣе, что я даже успѣлъ перемѣнить мѣсто службы и во всякомъ случаѣ не могъ гордиться повышеніемъ, почему я и отнесся къ сообщенію капитана Веселкина недовѣрчиво и, участвуя въ манежѣ на Высочайшемъ парадѣ, совершенно забылъ о полученномъ предупрежденіи.

Кончился обычный парадъ. Наступилъ моментъ, когда Государь долженъ былъ, простившись съ частями, отбыть изъ манежа. Государь стоялъ среди манежа и при полнѣйшей тишинѣ о чемъ-то разговаривалъ съ Главнокомандующимъ войсками Петербургскаго округа Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Вдругъ раздался ясный голосъ Государя: «капитанъ-лейтенантъ Фабрицкій». А Великій Князь, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ влѣво, громко вызвалъ генералъ-лейтенанта Иванова. Услыхавъ вызовъ Государя, я настолько растерялся, что не могъ сойти съ мѣста, и лишь чьими-то услужливыми руками былъ вытолкнутъ изъ общей группы офицеровъ. Какъ только я оказался передъ Государемъ, послѣдній, глядя на меня своимъ проникающимъ въ душу взоромъ, сказалъ: «За вашу выдающуюся службу назначаю васъ флигель-адъютантомъ». Тронутый такой высокой милостью, взволнованный, я невольно заплакалъ и не смогъ даже выразить моихъ чувствъ благодарности, ограничившись только бормотаніемъ какихъ-то отрывочныхъ словъ. Государь протянулъ руку, сильно пожалъ мою и, повернувшись къ подошедшему генералу Иванову, поздравилъ его генералъ-адъютантомъ и отбылъ изъ манежа въ Большой Дворецъ на завтракъ. Ко мнѣ подошелъ флагъ-капитанъ адмиралъ Ниловъ и, поздравивъ, пригласилъ слѣдовать за нимъ, чтобы вмѣстѣ ѣхать во дворецъ. По дорогѣ мы заѣхали къ нему, гдѣ я одѣлъ приготовленные имъ для меня золотой аксельбантъ и новые эполеты, и въ залъ дворца я вошелъ одѣтымъ по формѣ флигель-адъютантомъ. Залъ уже

былъ полонъ приглашенными. Ждали только Высочайшаго выхода. Отыскавъ столы, накрытые для офицеровъ экипажа, я былъ пораженъ холодностью пріема, оказаннаго мнѣ сослуживцами, изъ которыхъ очень немногіе поздравили меня съ Высочайшей милостью. Несмотря на переживаемую мной огромную радость, обѣдъ прошелъ для меня тажело, благодаря недружелюбію и зависти, проявленнымъ друзьями и сослуживцами.

VIII.

Въ тотъ же день выяснилось, что командиру экипажа удалось уговорить морского министра зачислить въ составъ экипажа, вмѣсто устарѣвшаго крейсера «Діана», болѣе современный крейсеръ «Олегъ», стоявшій въ Петербургскомъ порту по возвращеніи изъ Цусимскаго боя для производства ремонта. Благодаря этому мнѣ не пришлось возвращаться болѣе въ Кронштадтъ, а непосредственно принять должность старшаго офицера на крейсерѣ «Олегъ».

Послѣдній былъ въ много лучшемъ состояніи, нежели крейсеръ «Діана», и имѣлъ небольшое ядро своей команды, около 50 человѣкъ, которые и были переведены вмѣстѣ съ кораблемъ въ экипажъ. Крейсеръ былъ быстроходный, почти современный и требовалъ только капитальнаго ремонта, который уже начали производить, въ предположеніи отправки его осенью въ заграничное плаваніе въ составѣ отряда Корабельныхъ Гардемаринъ.

Воспользовавшись возможностью не ѣхать въ Кронштадтъ, я сдѣлалъ всѣ обязательные визиты лицамъ Свиты Его Величества, членомъ которой я сталъ самъ. Посѣтивъ въ томъ числѣ и свиты Его Величества генералъ-маіора Орлова, я узналъ отъ него причины, побудившіе Государя осчастливить меня столь великой наградой. Оказалось, что черезъ нѣсколько дней послѣ переѣзда Ихъ Величествъ съ яхты «Александрія» на

«Полярную Звѣзду», какъ-то вечеромъ, разговаривая съ Орловымъ, Государь задалъ ему слѣдующій вопросъ: «какую разницу находите Вы между яхтами «Штандартъ» и «Полярная Звѣзда». Орловъ переспросилъ, въ чемъ эта разница, въ самихъ яхтахъ или въ составахъ ихъ, и получилъ отвѣтъ, что яхты очень мало разнятся между собой, а Государя интересуетъ разница въ порядкахъ на яхтахъ и въ личныхъ составахъ, которые оба между тѣмъ состоятъ въ одномъ и томъ же Гвардейскомъ экипажѣ. На это генералъ Орловъ со свойственной ему откровенностью отвѣтилъ: «замѣчаю огромную разницу, такъ какъ на яхтѣ «Полярная Звѣзда» составъ не только правильно дисциплинированъ, но и воспитанъ, а на яхтѣ «Штандартъ» нѣтъ ни того, ни другого». На это Государь выразилъ свое полное согласіе и объяснилъ Орлову, который раньше никогда не бывалъ на яхтѣ, что это необходимо приписать старшему офицеру.

Вернувшись послѣ плаванія въ Царское Село, Государь какъ-то сообщилъ генералу Орлову, что рѣшилъ назначить меня флигель-адъютантомъ. Такимъ образомъ, Орловъ давно зналъ, что 6 декабря я буду назначенъ флигель-адъютантомъ, но никому этого не сообщилъ.

За нѣсколько дней до 6-го декабря, Государь вызвалъ флагъ-капитана Нилова и попросилъ его указать фамилію подходящаго офицера изъ флота для назначенія его флигель-адъютантомъ. На это флагъ-капитанъ доложилъ Его Величеству, что онъ можетъ предложить одного лишь кандидата на такую высокую награду, и назвалъ меня, на что Государь усмѣхнулся и сказалъ: «Я и хочу назначить его, но черезъ Васъ хотѣлъ провѣрить мой выборъ». Визиты лицамъ свиты прошли благополучно, но представленіе Великимъ Князьямъ и Княгинямъ оказалось очень затруднительнымъ. Приходилось заранѣе переговариваться съ управляющими Ихъ дворами или адъютантами, которые докладывали Ихъ Высочествамъ, назначающимъ день и часъ пріема,

о чемъ я и получалъ увѣдомленія. Для ускоренія я обращался одновременно къ нѣсколькимъ адъютантамъ и зачастую получалось назначеніе представленія въ одинъ и тотъ же день и часъ у разныхъ Великихъ Князей, что вызывало путаницу и необходимость новыхъ шаговъ съ моей стороны.

Одновременно начались дежурства при Государѣ Императорѣ, при Которомъ всегда находился одинъ изъ флигель-адъютантовъ. Дежурство продолжалось 24 часа и начиналось въ 10½ часовъ утра, чтобы вновь вступающій могъ выѣхать изъ Петербурга десятичасовымъ поѣздомъ. На вокзалѣ прибытія ожидала тройка, традиціонный экипажъ дежурнаго флигель-адъютанта. По пріѣздѣ во Дворецъ, вновь вступающій принималъ отъ смѣняемаго всѣ распоряженія и получалъ приказанія на будущее черезъ скорохода. Почти всегда смѣна происходила въ пріемной дворца, гдѣ собирались къ этому времени лица, имѣющія докладъ.

День Государя начинался рано. Около 8 часовъ Государь выходилъ изъ спальни, общей съ Императрицей, и купался въ бассейнѣ, одѣвался, завтракалъ и шелъ гулять по саду. Отъ 9½ до 10½ Государь принималъ имѣющихъ къ нему дѣло Великихъ Князей и придворныхъ лицъ, а также гофмаршала, дворцоваго коменданта, начальника походной канцеляріи и командира своднаго полка. Съ 10½ до 1 часу были доклады министровъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ свой опредѣленный день и часъ. Въ 1 или 1½ подавался завтракъ, который накрывали такъ же, какъ и обѣдъ, въ одной изъ гостиныхъ по указанію Ихъ Величествъ на спеціально вносимыхъ столахъ. Завтракъ продолжался не болѣе 45 минутъ, послѣ чего Государь пилъ кофе въ будуарѣ Императрицы. Послѣ завтрака и до 5 часовъ были пріемы посланниковъ, иностранныхъ гостей, поѣздки для различныхъ осмотровъ и т. п. Въ 5 часовъ сервировали чай въ интимномъ кругу, а отъ 6 часовъ до 8 ежедневно были доклады министровъ. Въ 8 начинался обѣдъ, послѣ котораго Государь обыкновенно проводилъ ча-

совъ до 10 въ будуарѣ Императрицы въ кругу Дѣтей. Послѣ 10 часовъ Государь уходилъ въ кабинетъ, гдѣ занимался одинъ, иногда до позднихъ часовъ.

Въ первое же мое дежурство я имѣлъ счастье завтракать и обѣдать за Высочайшимъ столомъ въ обществѣ Государя и Императрицы, такъ какъ Дѣти были еще малы и къ общему столу не допускались.

Войдя въ гостиную до прихода Ихъ Величествъ, я увидѣлъ посрединѣ комнаты столъ, накрытый на 3 прибора, а ближе, къ двери будуара Ея Величества, маленькій столъ съ нѣсколькими сортами закуски.

Государь вошелъ въ дверь изъ Своей половины, ласково поздоровался со мной и прошелъ къ Императрицѣ, откуда черезъ нѣсколько минутъ Они вышли вмѣстѣ, пригласивъ меня къ закускѣ. Ея Величество, давъ мнѣ поцѣловать руку, милостиво спросила о здоровьи жены и дѣтей и выразила желаніе скоро познакомиться съ первой. Послѣ закуски, продолжавшейся нѣсколько минутъ, перешли за обѣденный столъ и прислуга начала подавать супъ. Все время обѣда Императрица поддерживала разговоръ, обращаясь къ Государю на англійскомъ языкѣ, а ко мнѣ по-французски. Государь же говорилъ со мною по-русски. Императрица милостиво объяснила мнѣ, что съ Государемъ она говоритъ по-англійски для практики Его въ этомъ языкѣ, а со мной по-французски, такъ какъ сама еще стѣсняется говорить по-русски, а мнѣ полезно вспомнить французскій языкъ.

Послѣ завтрака перешли пить кофе въ будуаръ Императрицы, гдѣ Она сейчасъ же легла на кушетку. Пришли Дѣти, окружили Августѣйшую Мать и начали общій разговоръ по-русски, такъ какъ Дѣти говорили исключительно на родномъ языкѣ. Оказалось, что Императрица довольно свободно говоритъ по-русски, дѣлая лишь изрѣдка ошибки.

Въ третьемъ часу меня отпустили и я отправился принимать просителей, приносящихъ прошенія на Высочайшее Имя, для чего внѣ стѣнъ Дворца была отведена отдѣльная комната въ помѣщеніи Дворцовой комендатуры.

Дежурный флигель-адъютантъ обязанъ былъ ежедневно принимать и выслушивать всѣхъ просителей, а затѣмъ, вернувшись въ дежурную комнату, составить на особомъ бланкѣ краткій конспектъ каждому прошенію, приложить всѣ занумерованныя прошенія, запечатать ихъ въ конвертъ и къ 8 часамъ вечера передать камердинеру Государя, который клалъ этотъ пакетъ на письменный столъ Государя.

Вернувшись съ обѣда, Его Величество первымъ дѣломъ читалъ прошенія и дѣлалъ условныя помѣтки на поляхъ конспекта для Походной канцеляріи, куда немедленно, по прочтеніи прошеній, эти поступали. Походная канцелярія должна была за ночь собрать всѣ нужныя справки и на другой день утромъ доложить.

Обѣдъ прошелъ въ томъ же порядкѣ и въ той же комнатѣ. Послѣ обѣда снова перешли въ будуаръ, куда съ Дѣтьми пришла Анна Александровна Вырубова, вышедшая замужъ за лейтенанта Вырубова.

Въ 10 часовъ Ихъ Величества отпустили меня, а Государь удалился въ свой кабинетъ.

На другой день я былъ смѣненъ новымъ флигель-адъютантомъ и уѣхалъ изъ Царскаго, не видавъ Ихъ Величествъ.

По должности старшаго офицера мнѣ приходилось усиленно работать по ремонту и приведенію крейсера «Олегъ» въ полный порядокъ. Рабочій день мой начинался съ 6 часовъ утра, а кончался въ 12 или 1 часъ ночи. Почти весь день я былъ на ногахъ въ обходѣ корабля, во всѣхъ помѣщеніяхъ котораго производились какія-либо работы по ремонту. Отдыхомъ было только время завтрака и обѣда, во время которыхъ тоже приходилось бесѣдовать съ офицерами, разрабатывая совмѣстно съ ними ходъ дальнѣйшихъ работъ или занятій съ молодой судовой командой. Насколько легко было въ арміи сформировать какую-либо новую часть, въ которую ядромъ вливали офицеровъ и солдатъ изъ

другихъ частей, настолько это было трудно во флотѣ, гдѣ нужно было имѣть не только знающихъ людей, но нужно, чтобы люди эти изучили детально свой новый корабль и его механизмъ. На практикѣ же приходилось формировать судовую команду изъ большей частью неопытныхъ людей или же молодыхъ матросовъ. Такъ было и съ командой крейсера «Олегъ», гдѣ къ веснѣ, т. е. началу плаванія, вмѣсто 540 человѣкъ матросовъ и 28 офицеровъ на лицо было 420 и 20. Изъ 420 матросовъ новобранцевъ было около 200, а офицеры были собраны отовсюду и по большей части не изъ состава Гвардейскаго экипажа. Къ грусти моей пришлось на практикѣ столкнуться съ антагонизмомъ, существовавшимъ между офицерами Гвардейскаго экипажа и флота, хотя здѣсь онъ былъ мало понятенъ, такъ какъ офицеры Гвардейскаго экипажа никакими привилегіями относительно своихъ сослуживцевъ во флотѣ не пользовались и отличались лишь небольшимъ измѣненіемъ въ формѣ одежды.

Одной неосторожной фразой, сказанной кѣмъ-либо изъ офицеровъ: «у насъ въ экипажѣ» было достаточно для выступленія съ протестомъ части офицеровъ отъ флота, составлявшихъ вмѣстѣ съ тѣмъ одну воинскую часть. Мнѣ, какъ предсѣдателю каютъ-кампаніи, приходилось постоянно успокаивать возникшія ссоры и пререканія.

Между тѣмъ весной вернулся изъ заграничнаго плаванія Гардемаринскій отрядъ, на судахъ котораго уходили ежегодно юноши, окончившіе курсъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и произведенные въ корабельные гардемарины.

Отрядъ состоялъ изъ лучшихъ въ то время боевыхъ судовъ, оставшихся послѣ неудачной Японской войны, броненосцевъ «Цесаревича» и «Славы» и крейсеровъ «Богатырь» и «Адмиралъ Макаровъ». Крейсеръ «Олегъ», однотипный съ «Богатыремъ», былъ назначенъ пятымъ кораблемъ въ составъ отряда.

Всѣ перечисленные корабли плавали уже по нѣсколько лѣтъ въ этомъ отрядѣ, проводя каждую зиму за границей, и считались въ образцовомъ порядкѣ и съ отличной организаціей службы.

Крейсеру «Олегъ» предстояло вступить въ составъ уже тренированнаго отряда и понятно, что командованіе его невольно волновалось, не будучи увѣреннымъ въ своемъ молодомъ неготовомъ составѣ.

Въ маѣ мѣсяцѣ къ намъ перебрались 23 корабельныхъ гардемарина и мы вошли въ новый отрядъ, въ составѣ котораго и должно было начаться совмѣстное плаваніе въ водахъ Финскаго залива для предварительной практики. Крейсеру «Олегъ» предстояло войти въ докъ для осмотра подводной части и окраски ея, что не производилось уже около 3-хъ лѣтъ. Вводъ въ докъ совпалъ съ уходомъ остального отряда въ Либаву, гдѣ мы должны были къ нему присоединиться немедленно по выходѣ изъ дока.

Окончивъ въ нѣсколько дней работы въ докѣ, крейсеръ «Олегъ» въ первыхъ числахъ сентября вышелъ въ море, держа курсъ на Либаву или Портъ Императора Александра III. Море встрѣтило насъ ласково и ничто не предвѣщало катастрофы.

Не принимая согласно устава никакого непосредственнаго участія въ кораблевожденіи, я получалъ доклады съ вахты о пройденныхъ миляхъ и измѣненіяхъ курса и спокойно занимался ученіями и налаживаніемъ внутренней жизни на кораблѣ. Наступилъ вечеръ второго дня и намъ оставалось до Либавы около 20 миль, т. е. менѣе 2-хъ часовъ хода, когда, вдругъ, съ полнаго хода крейсеръ ударился обо что-то и затѣмъ безпомощно остановился. При первомъ же толчкѣ я прервалъ отдачу приказаній кому-то изъ подчиненныхъ и выбѣжалъ на командирскій мостикъ.

Моему удивленію не было границъ, когда я увидѣлъ при наступающей темнотѣ, что крейсеръ выкинулся на прибрежную гряду камней и что съ обѣихъ сторонъ крейсера видна береговая черта, а маякъ «Стейнвортъ»

находится справа отъ крейсера въ то время, когда онъ долженъ былъ остаться отъ насъ при правильномъ курсѣ далеко влѣво.

Въ эту минуту не было времени заниматься разспросами, а приходилось думать о снятіи крейсера съ мели, для чего пришлось заводить якорь съ кормы, спустить шлюпки, осмотрѣть тщательно корпусъ корабля, сдѣлать промѣръ вокругъ него, чтобы найти чистый выходъ въ открытое море. По радіо дали знать начальнику отряда и командиру Порта Императоръ Александръ III контръ-адмиралу Григоровичу о положеніи крейсера, прося прислать буксиры для снятія съ мели. Погода стала ухудшаться и послѣ полуночи появилась довольно крупная зыбь съ юго-запада. На разсвѣтѣ къ мѣсту нашей посадки подошелъ Гардемаринскій отрядъ и начальникъ его перешелъ къ намъ. Почти одновременно подошли 4 буксира и подали намъ стальные буксиры по два съ носа и кормы, предполагая тащить насъ логомъ, такъ какъ берегъ слѣва шелъ полукругомъ и былъ довольно близокъ къ крейсеру. Подымаемый зыбью крейсеръ временами былъ на плаву, но затѣмъ, опускаясь, бился о подводные камни.

Буксирамъ быстро удалось стянуть носъ и вывести немного отъ мѣста постановки, но почти одновременно лопнули всѣ 4 стальные буксира и крейсеръ оказался брошеннымъ, не имѣя возможности работать своими машинами. Отдали оба якоря, надѣясь задержаться на нихъ, но цѣпи лопнули какъ нитки и крейсеръ зыбью былъ выкинутъ на береговой песокъ параллельно берегу.

По радіо получилось извѣстіе, что къ намъ на помощь вышли транспорты для разгрузки крейсера, если это будетъ необходимо, и водолазный отрядъ для работъ. Командиръ же порта отъ себя вызвалъ спасательный пароходъ «Метеоръ» Балтійскаго спасательнаго Общества, на которомъ долженъ былъ придти извѣстный въ то время своими спасательными работами еще въ Портъ-Артурѣ капитанъ Горстъ.

По приходѣ водолазной партіи нѣсколько разъ пробовали снять крейсеръ съ мели, но всѣ попытки не имѣли успѣха, такъ какъ онъ довольно сильно врѣзался въ песокъ. Въ такихъ безплодныхъ попыткахъ прошла цѣлая недѣля. Необходимо было торопиться, такъ какъ стоило разыграться шторму и крейсеръ представилъ бы изъ себя одни обломки. За это время выгрузили весь боевой запасъ и перевели часть ненужныхъ людей на присланный транспортъ, оставивъ на борту только необходимое количество матросовъ, уже плававшихъ ранѣе и не боявшихся моря.

Въ это время ночью къ борту крейсера подошелъ пароходъ «Метеоръ» съ капитаномъ Горстъ. Осмотрѣвъ крейсеръ и, принявъ докладъ отъ своего водолаза, капитанъ Горстъ ушелъ въ Либаву, чтобы уговориться съ командиромъ порта объ условіяхъ, на какихъ онъ могъ бы взять на себя спасеніе крейсера. Въ 24 часа условія были выработаны и подписаны и «Метеоръ» вернулся къ крейсеру, приведя съ собой килекторъ съ новыми якорями и цѣпями, а также одинъ землесосъ. Якоря были положены по направленію въ море, а землесосъ началъ высасывать песокъ слѣва за кормой. Какъ только цѣпи отъ якорей были взяты на палубу, крейсеръ подалъ всѣ имѣемые стальные буксиры на буксирные пароходы и по командѣ капитана Горстъ одновременно буксиры дали ходъ, а крейсеръ началъ выхаживать цѣпи.

Болѣе 2-хъ часовъ крейсеръ не трогался, но, наконецъ, не выдержалъ и началъ понемногу разворачиваться вправо. Вскорѣ послѣ этого крейсеръ развернулся совершенно и оказался на двухъ якоряхъ, положенныхъ далеко въ морѣ. Подтянувши якоря, крейсеръ далъ ходъ и самостоятельно вышелъ въ Либаву, гдѣ былъ введенъ въ докъ для исправленія.

Спеціально назначенная слѣдственная комиссія приступила немедленно къ выясненію причинъ и обстоятельствъ, сопровождавшихъ посадку крейсера, а послѣдній подвергся немедленному ремонту, продолжавшемуся 6 недѣль.

Государь, желая узнать подробно, какъ произошла аварія съ крейсеромъ, приказалъ назначить меня въ дежурство, почему я долженъ былъ выѣхать въ Царское Село. Послѣ завтрака и обѣда Ихъ Величества разспрашивали меня во всѣхъ подробностяхъ о происшедшемъ и получили еще разъ ясное представленіе о гибельности для флота положенія о морскомъ цензѣ, когда для повышенія по службѣ было достаточно лишь точнаго выполненія его, а не серьезнаго отношенія къ службѣ.

Въ данномъ случаѣ яснѣе яснаго было видно, что командиръ крейсера, удовлетворяющій вполнѣ всѣмъ требованіямъ ценза, такъ какъ пробылъ положенное время и старшимъ офицеромъ и командиромъ судна 2 ранга, не былъ абсолютно подготовленъ къ самостоятельному командованію кораблемъ, не пріобрѣтя не только опыта за долгую службу, но позабывъ все, что зналъ въ молодые годы. Это явленіе было общимъ. Офицеры цензовали, а не плавали, заботясь лишь объ выполненіи нужнаго количества мѣсяцевъ въ такой-то должности на какомъ-либо кораблѣ.

За время стоянки крейсера въ докѣ состоялся судъ и командиръ былъ отрѣшенъ отъ командованія, а на крейсеръ былъ назначенъ новый командиръ, который принялъ крейсеръ уже послѣ вывода его изъ дока.

Сдѣлавъ необходимыя испытанія, въ концѣ декабря мы вышли въ море на присоединеніе къ своему отряду, находившемуся въ это время въ Средиземномъ морѣ.

Благодаря аваріи, было утеряно болѣе трехъ мѣсяцевъ, потраченныхъ на работы, почему составъ команды крейсера при окончательномъ выходѣ въ море былъ такъ же неопытенъ, какъ и при выходѣ изъ Кронштадта. Время же года было зимнее, когда трудно было ожидать въ морѣ хорошихъ погодъ. И дѣйствительно, уже въ Нѣмецкомъ морѣ мы встрѣтили сильный штормъ отъ запада. Началась качка и массовое укачиваніе матросовъ, не привыкшихъ къ морю, а отсюда перерасходъ угля, заставившій насъ зайти въ Плимутъ для пополненія запаса его. Дальше мы вошли въ Испанскій портъ Виго, гдѣ командиръ предполагалъ произвести цѣлый рядъ рейдовыхъ ученій. Не успѣли мы приступить къ выполненію намѣченной программы, какъ получили приказаніе начальника отряда идти въ Гибралтаръ, куда долженъ былъ подойти и весь отрядъ. Въ Гибралтарѣ мы встрѣтились съ своимъ начальникомъ и послѣ обстоятельнаго доклада о положеніи дѣлъ на крейсерѣ были вновь отпущены въ Виго, а отрядъ отправился на островъ Мадера. Отпуская насъ, адмиралъ предупредилъ, что черезъ 2 недѣли въ Виго произведетъ намъ самый подробный смотръ, къ которому мы и должны подготовиться.

Стоя въ полномъ одиночествѣ въ Виго въ ожиданіи возвращенія адмирала, весь составъ крейсера, проникнутый любовью къ своему судну, проявилъ огромную энергію и трудоспособность, благодаря чему черезъ 10 дней никакой смотръ не былъ страшенъ. И дѣйствительно, когда, по прибытіи на рейдъ, адмиралъ, окруженный чинами своего штаба, началъ производить подробнѣйшій смотръ, онъ былъ искренно пораженъ отчетливостью производимыхъ ученій, порядкомъ, царившимъ на крейсерѣ по всѣмъ отраслямъ сложнаго морского дѣла, и быстротой выполненія различныхъ маневровъ. Съ этого момента крейсеръ занялъ нормальное мѣсто въ составѣ отряда и къ намъ снова были переведены гардемарины. Наступило время возвращенія въ Россію. По дорогѣ намъ было приказано зайти въ Портсмутъ, гдѣ англичане готовили намъ исключительную встрѣчу, желая оттѣнить нарождающееся англо-русское соглашеніе.

Во время стоянки отряда здѣсь былъ данъ рядъ парадныхъ спектаклей, торжественныхъ обѣдовъ и завтраковъ, на которыхъ присутствовалъ Наслѣдный Принцъ. Адмиралъ, четыре командира и около 30 офицеровъ были приглашены въ Лондонъ, гдѣ, главнымъ образомъ, и шли празднества.

Ввиду отъѣзда командира въ Лондонъ, я вступилъ во временное командованіе крейсеромъ, но въ первый же день вечеромъ получилъ телеграмму отъ командира съ приказаніемъ сдать должность моему помощнику и выѣхать въ Лондонъ для представленія Ея Величеству Императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, гостившей въ это время у Своей Августѣйшей Сестры Королевы Александры.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, я посѣтилъ командира, который разсказалъ мнѣ подробно начало празднествъ и съ грустью упомянулъ о томъ, какъ всѣ поражены отношеніемъ къ намъ нашего посланника, не отдавшаго визита даже адмиралу.

Осчастливленный милостивымъ пріемомъ Ея Величества, во время котораго Она вспоминала плаваніе на яхтѣ «Полярная Звѣзда», я не утерпѣлъ и доложилъ Государынѣ о безтактности нашего посланника. Разсказъ этотъ мало удивилъ Ея Величество, которая обозвала посланника браннымъ словомъ и подтвердила, что отъ него трудно ожидать вѣжливости.

Изъ Англіи нашъ путь лежалъ непосредственно на Либаву, но по приказанію морского министерства пришлось зайти въ Киль и сдѣлать визитъ нѣмцамъ, сильно встревоженнымъ встрѣчей, устроенной для насъ англичанами.

Простоявъ нѣсколько дней въ Килѣ, отрядъ снялся съ якоря и пошелъ въ Либаву, куда прибылъ передъ праздникомъ Св. Пасхи. Здѣсь я получилъ увѣдомленіе, что послѣ праздниковъ я, какъ проплававшій больше четырехъ лѣтъ въ должности старшаго офицера, буду замѣненъ въ своей должности помощникомъ.

IX.

По «Правиламъ прохожденія офицерами службы» для дальнѣйшаго движенія достаточно было проплавать 4 мѣсяца въ должности старшаго офицера на судахъ перваго или второго ранговъ. Я имѣлъ 4 года пребыванія въ должности и болѣе 20 мѣсяцевъ плаванія, т. е. съ избыткомъ удовлетворялъ требованіямъ Правилъ и имѣлъ полное право разсчитывать на полученіе въ командованіе судно 2-го ранга.

Къ сожалѣнію, на послѣднихъ не было вакантныхъ мѣстъ командировъ и пришлось согласиться на предложеніе командира экипажа принять должность его помощника по строевой части, въ которую и вступилъ немедленно. Командовалъ экипажемъ бывшій при мнѣ командиръ Императорской яхты «Полярная Звѣзда», съ которымъ мнѣ пришлось уже ранѣе прослужить 4 года.

Мое вступленіе въ новую должность совпало съ полнымъ затишьемъ въ экипажѣ, раздавшимъ почти весь свой составъ на суда. При экипажѣ на лѣто оставалась лишь одна охранная рота.

Не прошло и двухъ недѣль, какъ неожиданно командиръ экипажа вызвалъ меня къ себѣ и предложилъ или вѣрнѣе просилъ не отказать ему и согласиться на принятіе должности старшаго офицера яхты «Александрія», оставаясь одновременно его помощникомъ по строевой части. Должность старшаго офицера была вакантна и некѣмъ было ее замѣстить. Пришлось волей-неволей согласиться и выѣхать въ Петергофъ, гдѣ яхта имѣла свое постоянное мѣстопребываніе.

Неся службу въ Петергофѣ, мнѣ пришлось нѣсколько разъ за лѣто дежурить при Государѣ, жившемъ въ собственномъ Его Величества дворцѣ на берегу моря. Дежурства протекали совершенно такъ же, какъ и въ Царскомъ Селѣ, съ той лишь разницею, что помѣщеніе для дежурнаго флигель-адъютанта находилось въ свитскомъ флигелѣ Большого дворца, приблизительно въ 30 минутахъ ѣзды въ экипажѣ до дворца.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ мнѣ пришлось принять участіе въ Полтавскихъ торжествахъ въ качествѣ одного изъ представителей Гвардейскаго экипажа и пережить незабываемыя минуты народнаго энтузіазма, при встрѣчѣ обожаемаго Монарха.

Торжества продолжались нѣсколько дней и протекали, главнымъ образомъ, на мѣстѣ битвы. Въ послѣдній день состоялся парадный завтракъ, накрытый въ залахъ Кадетскаго корпуса, при чемъ въ аванзалѣ былъ накрытъ Высочайшій столъ на небольшую сравнительно группу приглашенныхъ, а въ другихъ залахъ были накрыты столы съ завтракомъ а la fourchette. Музыка была помѣщена на балконѣ, выходящемъ изъ аванзала на улицу, гдѣ собралась огромная толпа народа. Когда за завтракомъ Великій Князь Николай Николаевичъ поднялъ бокалъ за здоровье Государя Императора, музыка заиграла гимнъ, подхваченный въ другихъ залахъ приглашенными, а на улицѣ толпой. Пѣніе гимна продолжалось безпрерывно, заставляя, такимъ образомъ, оркестръ продолжать игру. Церемоніймейстеръ, выйдя изъ аванзала, обратился къ группѣ офицеровъ, находящихся въ залахъ, съ просьбою прекратить пѣніе и спуститься на улицу къ толпѣ, чтобы убѣдить послѣднюю въ томъ же, такъ какъ Высочайшій завтракъ прерванъ и Государь можетъ опоздать къ поѣзду.

Выбѣжавъ вмѣстѣ съ нѣсколькими офицерами на улицу и смѣшавшись съ толпой, я увидѣлъ вокругъ себя почти все интеллигентныя лица, массу дамъ, въ полномъ экстазѣ со слезами на глазахъ поющихъ гимнъ, видимо, ожидая выхода Государя на балконъ или къ окну. Съ большимъ трудомъ удалось заставить публику понять слова обращенія къ нимъ. Наконецъ, пѣніе гимна прекратилось и всѣ начали ожидать окончанія завтрака и выхода Государя на подъѣздъ. По настроенію толпы нужно было ожидать небывалой трогательной встрѣчи и глубоко патріотической манифестаціи. Каково же было разочарованіе толпы, когда послѣ долгаго ожиданія она узнала, что Государь Императоръ уѣхалъ съ другого подъѣзда. Жаль было глядѣть на печальныя лица.

Отправившись немедленно на вокзалъ, я успѣлъ еще увидѣться съ Государемъ, который высказалъ мнѣ, какъ онъ тронутъ поведеніемъ народа и выраженіями

горячей вѣрноподданной любви. Можно только пожалѣть, что Государю не дали возможности ближе познакомиться съ энтузіазмомъ народа и дать послѣднему на Себя посмотрѣть.

Вернувшись въ Петергофъ, я продолжалъ свою службу на яхтѣ «Александрія», которая перешла, ввиду отъѣзда Государя изъ Петергофа въ Ливадію, въ Петербургъ къ Царской пристани.

Въ концѣ сентября я получилъ приказаніе Военно-походной канцеляріи Его Величества прибыть къ 15-му октября въ Ливадію для несенія дежурства при Государѣ до 1-го ноября. Было извѣстно, что Государь Императоръ только къ 15-му октября долженъ вернуться изъ Италіи, куда Онъ ѣздилъ для отдачи визита Итальянскому Королю.

14-го октября къ вечеру я прибылъ въ Ливадію, гдѣ мнѣ немедленно была отведена комната въ свитскомъ домѣ. Сдѣлавъ необходимые визиты лицамъ свиты и фрейлинамъ, я узналъ, что Императрица очень плохо Себя чувствуетъ и почти все время лежитъ, а Государь ожидается на другой день утромъ на яхтѣ «Штандартъ», вышедшей уже изъ Одессы.

Всѣ искренно сокрушались надъ нездоровьемъ Ея Величества, предупреждая меня, что мое дежурство пройдетъ скучно и монотонно, такъ какъ Государь не отходитъ отъ Ея Величества.

На другой день наблюдательные посты на берегу начали извѣщать о благополучномъ приближеніи яхты «Штандартъ». Когда яхта прошла Ай-Тодоръ, лица свиты выѣхали на автомобиляхъ на пристань для втрѣчи Государя.

При подходѣ яхты къ пристани начальствующія лица и свита были предупреждены о немедленномъ отбытіи Государя въ Ливадію. Въ это время неожиданно на набережной Яхты показались два автомобиля, на которыхъ на первомъ находились Государыня Императрица и Августѣйшія Дѣти, подъѣхавшіе къ яхтѣ какъ разъ ко времени установки сходни.

Государь Императоръ, находясь на мостикѣ, привѣтствовалъ Ея Величество и Дѣтей, а также собравшихся для встрѣчи. Въ это время Ея Величество приказала открыть дверцы автомобиля, вышла съ Дѣтьми изъ него и довольно бодрымъ шагомъ поднялась по сходнѣ на яхту, гдѣ была встрѣчена Государемъ и экипажемъ яхты.

Минутъ черезъ 10 всѣ ожидающіе на пристани были приглашены на яхту къ Высочайшему завтраку, во время котораго Ея Величество сидѣла, какъ всегда, по правую руку Государя.

Послѣ завтрака всѣ отбыли въ Ливадію, счастливые видѣть Государя благополучно прибывшимъ изъ путешествія въ Италію и выздоровленіемъ Ея Величества.

Жизнь въ Ливадіи протекала слѣдующимъ образомъ: Государь, вставая, какъ всегда, рано, около 9 часовъ утра выходилъ на прогулку по Ливадійскому саду, возвращался часамъ къ 11 и занимался дѣлами или принималъ представляющихся. Въ 12½ часовъ начинался Высочайшій завтракъ, къ которому ежедневно приглашались всѣ лица, проживающія въ Ливадіи и составляющія Дворъ и свиту Ихъ Величествъ. Часовъ около 2-хъ Его Величество въ сопровожденіи приглашенныхъ лицъ совершалъ прогулку или поѣздку на автомобилѣ съ прогулкой, возвращаясь во дворецъ къ 5 часамъ. Послѣ чая въ интимномъ кругу, Государь принималъ доклады министра Двора, гофмаршала, Походной канцеляріи и т. д. Въ 8 часовъ Ихъ Величества обѣдали у Себя, а для лицъ свиты накрывался гофмаршальскій столъ въ столовой дворца. По воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ къ завтраку послѣ Богослуженія приглашались начальствующія лица и офицеры яхты «Штандартъ».

Мнѣ, какъ вновь пріѣхавшему, пришлось ѣздить представляться Великимъ Князьямъ, жившимъ со Своими Семьями въ лично принадлежащихъ Имъ имѣніяхъ недалеко отъ Ливадіи. Въ это время въ Своихъ имѣніяхъ жили: Великій Князь Георгій Михайловичъ, Александръ Михайловичъ, Николай Николаевичъ и Петръ Николаевичъ.

На другой день Своего пріѣзда Государь приказалъ мнѣ черезъ Своего камердинера явиться къ 2 часамъ къ подъѣзду дворца, гдѣ и ожидать Его выхода. Не зная цѣли вызова, я явился въ полной дежурной формѣ. Увидя меня, Государь приказалъ снять оружіе, ордена и шарфъ и затѣмъ спросилъ меня, люблю ли я ходить пѣшкомъ. Пришлось чистосердечно признаться, что по роду службы своей мнѣ рѣдко приходилось заниматься прогулками, такъ какъ вся жизнь моя прошла или на кораблѣ или въ казармахъ. «Ну, ничего», сказалъ Государь: «Мы попробуемъ первый разъ легкую, небольшую прогулку, для чего пойдемъ по горизонтальной дорожкѣ на «Хароксъ», а назадъ по нижней дорогѣ черезъ «Орсанду». Съ этими словами Государь тронулся въ путь спокойнымъ, размѣреннымъ шагомъ, задавая мнѣ по пути различные вопросы, касающіеся, главнымъ образомъ, флота, службы въ немъ и т. п.

Прогулка продолжалась 2½ часа безъ перерыва съ одной остановкой у «Харокса» на время закуриванія папиросы. Къ концу прогулки я едва шелъ, двигаясь лишь силой воли и терпя мучительныя боли отъ мелкихъ камней на дорогахъ, которые черезъ тонкую подошву парадныхъ сапогъ, казалось, проникали до мяса.

Когда, дойдя до дворца, Государь, поблагодаривъ за прогулку, удалился въ покои, я едва дошелъ до своей комнаты, гдѣ немедленно переодѣлъ обувь.

На другой день повторилась прогулка, но я шелъ уже сравнительно легко, такъ какъ предусмотрительно былъ въ строевыхъ сапогахъ на толстой подошвѣ и съ разрѣшенія Его Величества съ палкой.

Прогулки продолжались ежедневно, при чемъ продолжительность ихъ все время увеличивалась, доходя иногда до пятичасовыхъ. Шли все время безостано-

вочно, останавливались или для закуриванія, или же чтобы полюбоваться открывшимся видомъ.

Въ Ливадіи Государя окружали слѣдующія лица: министръ Двора, гофмаршалъ, дворцовый комендантъ, флагъ-капитанъ Его Величества, начальникъ Походной канцеляріи, командиръ Своднаго полка, командиръ конвоя, лейбъ-медикъ, духовникъ и дежурный флигель-адъютантъ. При Ея Величествѣ — одна дежурная свитная фрейлина и гостила Анна Александровна Вырубова, въ то время уже разошедшаяся съ мужемъ.

Утромъ до завтрака каждый занимался своимъ дѣломъ. Послѣ завтрака, если не были приглашены на прогулку, ожидали возвращенія Его Величества, чтобы между 5 и 8 часами имѣть свой очередной докладъ. Послѣ доклада всѣ были совершенно свободны и могли уѣзжать изъ района «Ливадіи», для чего каждому полагался отдѣльный парный экипажъ.

Очень часто вечерами лица свиты въ Свитскомъ домѣ играли въ карты или же ѣздили къ знакомымъ или въ театръ въ Ялту.

Лично я, какъ дежурный, никогда изъ дворца удаляться не могъ. На двѣнадцатый день моего пребыванія во время утренняго моего доклада Его Величеству о представляющихся, Государь задалъ мнѣ вопросъ: «Васъ ничего не вызываетъ срочно въ Петербургъ?» На что я отвѣтилъ, что личныхъ дѣлъ у меня нѣтъ, но мое присутствіе необходимо въ экипажѣ по занимаемой мною должности. «Это я знаю», отвѣтилъ Государь, «въ экипажѣ могутъ Васъ подождать. Прошу Васъ остаться послѣ дежурства въ Ливадіи въ Моемъ распоряженіи, о чемъ Я лично скажу министру Двора». Мнѣ оставалось только выразить свои чувства глубочайшей благодарности. Начался пріемъ представляющихся, а я предался думамъ, какъ такая милость Государя будетъ принята свитой и вообще публикой, съ завистью и недоброжелательствомъ которой мнѣ пришлось по опыту хорошо ознакомиться сейчасъ же послѣ назначенія флигель-адъютантомъ.

Наступило время завтрака. Однимъ изъ послѣднихъ въ столовую вошелъ министръ Двора и, какъ всегда, любезно обошелъ всѣхъ присутствующихъ, здороваясь съ каждымъ и находя чуть ли не каждому сказать какую-либо любезность.

Черезъ нѣсколько минутъ открыли двери внутреннихъ покоевъ и въ столовую вошли Ихъ Величества съ Августѣйшими Дѣтьми. Государь, поздоровавшись съ министромъ Двора, что-то ему передалъ на словахъ въ полголоса, послѣ чего министръ направился прямо ко мнѣ и отдалъ мнѣ слѣдующее приказаніе: «Его Величество приказалъ Вамъ послѣ окончанія дежурствъ остаться въ Его распоряженіи на неопредѣленное время». «Слушаю, Ваше Высокопревосходительство», отвѣтилъ я.

Къ 1-му ноября пріѣхалъ новый дежурный флигель-адъютантъ полковникъ графъ Шереметьевъ, которому я сдалъ текущія дѣла, а самъ остался какъ бы гостемъ.

Жизнь продолжалась почти въ томъ же порядкѣ. Государь совершалъ прогулки одинъ, при чемъ дважды, чтобы испытать удобства новаго боевого снаряженія для пѣхоты, сдѣлалъ большія прогулки въ полномъ снаряженіи и съ ружьемъ. Послѣ завтрака совершались ежедневныя прогулки съ приглашенными лицами. Ежедневно во время своего пятнадцатидневнаго дежурства былъ приглашаемъ графъ Шереметьевъ, близкій Государю съ дѣтства, очень часто полковникъ флигель-адъютантъ Дрентельнъ, иногда свиты Его Величества генералъ-майоръ Комаровъ, командиръ Своднаго полка, и ежедневно я. Въ это же время Ея Величество съ Августѣйшими Дѣтьми совершали прогулки въ экипажахъ или въ автомобиляхъ. Вечеромъ послѣ обѣда иногда Ихъ Величества приглашали къ Себѣ небольшую группу лицъ, при чемъ Государь обыкновенно садился играть въ домино съ тремя партнерами, а Ея Величество занимала остальныхъ приглашенныхъ разговоромъ, чаруя всѣхъ Своей ласковостью, умомъ,

знаніями и красотой. Часовъ около 11 Ихъ Величества отпускали приглашенныхъ, а сами удалялись на покой.

Нѣсколько разъ по утрамъ отъ 10 часовъ до 12 состоялась игра въ теннисъ. Къ сожалѣнію, среди лицъ свиты или окружающихъ офицеровъ не было подходящихъ къ Государю по силѣ игроковъ. Ея Величество не принимала участія въ игрѣ, но сидѣла около играющихъ, окруженная Дѣтьми и приглашенными.

Обыкновенно, если дневная прогулка совершалась безъ приглашенныхъ, я по опыту зналъ, что Его Величество будетъ вести бесѣду о чемъ-нибудь, касающемся морского вѣдомства. И дѣйствительно, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Государь задавалъ мнѣ вопросъ, на который требовалъ самаго подробнаго разъясненія. Въ такомъ порядкѣ были затронуты вопросы о прохожденіи службы во флотѣ, объ снабженіи судовъ по матеріальной части, о подготовкѣ кадетъ Морского корпуса къ офицерству, о положеніи во флотѣ лицъ свиты и адъютантовъ Великихъ Князей, объ обученіи новобранцевъ и много другихъ.

Подробный докладъ мой о снабженіи судовъ продолжался болѣе двухъ часовъ безпрерывно и Государь, прослушавъ его до конца съ полнымъ вниманіемъ и задавъ нѣсколько вопросовъ, сказалъ: «Вотъ вы болѣе двухъ часовъ обстоятельно докладывали мнѣ этотъ интересный во всѣхъ отношеніяхъ вопросъ. Морской министръ имѣетъ разъ въ недѣлю одинъ часъ для доклада. Онъ начинается обыкновенно докладомъ мнѣ Высочайшихъ приказовъ, о награжденіи пенсіей, объ увольненіи въ отставку по выслугѣ лѣтъ, затѣмъ коекакія текущія дѣла. Далѣе мнѣ приходится выпытывать у морского министра отвѣты на интересующіе меня вопросы. Что касается дѣла снабженія судовъ, то, хотя Я и Самодержавный Государь, но увѣряю Васъ, что послѣ предъявленія мною требованія пересмотрѣть это положеніе, морской министръ испросилъ разрѣшенія сформировать спеціальную комиссію, работа которой затянется до безконечности. Я буду напоминать, требовать скорѣйшаго окончанія работъ комиссіи, а дѣло такъ на этомъ и замретъ».

Изъ такихъ неоднократныхъ бесѣдъ о различныхъ дѣлахъ я понялъ, съ какимъ недовѣріемъ Государь относился чуть ли не ко всѣмъ министрамъ или къ ихъ докладчикамъ и въ какомъ одиночествѣ чувствовалъ Себя Государь.

Какъ-то получилъ я письмо отъ сослуживцевъ по Гвардейскому экипажу, въ которомъ они между прочимъ просили меня узнать непосредственно отъ Государя, вѣренъ ли разошедшійся слухъ по Петербургу объ уничтоженіи чина капитанъ-лейтенанта, въ каковой они предполагали быть произведенными 6 декабря. Во время одной изъ прогулокъ я спросилъ объ этомъ Государя, на что получилъ такой отвѣтъ: «не думаю, такъ какъ объ этомъ мнѣ ничего неизвѣстно». Вскорѣ очередной курьеръ, пріѣхавшій съ докладами на подпись Государю, привезъ заготовленный приказъ объ уничтоженіи чина капитанъ-лейтенанта и о введеніи новаго чина старшаго лейтенанта.

Во время одной изъ прогулокъ зашелъ разговоръ о трудности управленія большими частями или соединеніями и Государь, вспомнивъ о Своемъ неожиданномъ вступленіи на Престолъ, сказалъ: «Когда мой Отецъ умеръ, Я былъ просто командиръ Лейбъ-эскадрона Гусаръ и первый годъ царствованія только присматривался къ управленію страной. Въ это время статсъ-секретарь Финляндіи генералъ фонъ Д., занимавшій эту должность еще при покойномъ Моемъ Батюшкѣ, воспользовался Моимъ довѣріемъ къ себѣ и, давъ Мнѣ на утвержденіе докладъ, затѣмъ подшилъ къ нему многое, о чемъ у насъ не было рѣчи. Прошло нѣсколько дней. Какъ-то камердинеръ докладываетъ Мнѣ, что военный министръ генералъ Ванновскій проситъ разрѣшенія немедленно прибыть съ докладомъ по экстренному дѣлу. Разрѣшаю. Черезъ $^1/_2$ часа входитъ въ кабинетъ взволнованный Ванновскій, кланяется и говоритъ: «за что Ваше Величество изволили обидѣть

меня, Своего вѣрнаго слугу». «Ничего не понимаю, объясните въ чемъ дѣло», сказалъ Я. На это генералъ Ванновскій протягиваетъ Мнѣ готовый печатный листъ изъ Сенатской типографіи съ утвержденнымъ Мною новымъ положеніемъ о Финляндіи, которое должно было на другой день быть обнародованнымъ. Разсмотрѣвъ его, Я лично убѣдился въ подлогѣ, такъ какъ на первой страницѣ было то, что Я утвердилъ, а обо всемъ остальномъ никогда у Меня и рѣчи не было со статсъ-секретаремъ. Послѣ этого пришлось сказать генералу фонъ Д. о невозможности его службы со Мной».

Мое оставленіе послѣ дежурства въ Ливадіи и ежедневныя прогулки не остались, какъ я и предполагалъ, безслѣдны для меня. Съ одной стороны, ко мнѣ обращались съ всевозможными просьбами, а съ другой всѣ, у кого была какая-нибудь возможность, старались уязвить меня. Въ послѣднемъ, къ сожалѣнію, принимали участіе даже и Великіе Князья, нужно думать по наущенію лицъ Ихъ свиты.

Въ одинъ изъ дней послѣ прогулки, Государь приказалъ мнѣ придти безъ четверти восемь къ подъѣзду для поѣздки на «Штандартъ», гдѣ долженъ былъ состояться обѣдъ въ каютъ-кампаніи. Уже фактъ, что таковой мнѣ не былъ извѣстенъ, былъ довольно знаменательнымъ, такъ какъ я самъ не только былъ офицеромъ Гвардейскаго экипажа, въ составѣ котораго состояла яхта, но былъ флигель-адъютантомъ Государя и помощникомъ командира экипажа по строевой части.

Обѣдъ былъ сервированъ въ каютъ-кампаніи и не носилъ характера званаго, а былъ лишь немного улучшеннаго типа противъ обыкновеннаго. Послѣ обѣда играли въ лото, при чемъ выигравшему Императрица дарила какую-либо бездѣлушку на память.

Прошло нѣсколько дней. Вечеромъ у Дворцоваго коменданта генералъ-адъютанта Дедюлина играли въ карты: генералъ Комаровъ, контръ-адмиралъ Чагинъ, командиръ яхты «Штандартъ» и я. По окончаніи игры

генералъ Дедюлинъ выразилъ сожалѣніе, что нельзя будетъ продолжать игру на другой день вечеромъ ввиду предстоящаго Высочайшаго обѣда на яхтѣ. На это я сказалъ, что, наоборотъ, какъ не приглашенный на яхту, буду совершенно свободенъ. Тогда генералъ Дедюлинъ обратился къ Чагину съ недоумѣвающимъ вопросомъ, правда ли это и какъ могу я не быть приглашеннымъ? Чагинъ отвѣтилъ: «приглашенія дѣлаются Государемъ».

На слѣдующій день, не получивъ приглашенія отъ Государя по окончаніи прогулки, я воспользовался, очевидно, свободнымъ вечеромъ, и уѣхалъ въ Ялту къ знакомымъ.

На слѣдующее утро поступило приглашеніе на теннисъ.

Подойдя къ площадкѣ, я засталъ двухъ приглашенныхъ на игру офицеровъ яхты «Штандартъ», которые, увидя меня, подошли поздороваться и, взволнованные, разсказали, что вчера меня искали по всему городу, такъ какъ Государь и Императрица, пріѣхавъ на яхту и получивъ приглашеніе командира пройти въ каютъ-кампанію, спросили, пріѣхалъ ли я. Получивъ отрицательный отвѣтъ, сказали, что подождутъ моего пріѣзда. Были немедленно посланы гонцы на мои розыски и только, когда они вернулись безъ результата, Ихъ Величества пошли обѣдать.

По окончаніи игры былъ сервированъ чай, во время котораго Государь, посмотрѣвъ на меня съ улыбкой, спросилъ, какъ понравилось мнѣ вчерашнее кинематографическое представленіе на «Штандартѣ». «Вчера я не былъ на яхтѣ, Ваше Величество», отвѣтилъ я. «Ахъ да, я забылъ. А почему вы не были?» спросилъ Государь. Я отвѣтилъ, что не былъ приглашенъ. На этомъ разговоръ закончился.

Съ этихъ поръ на бывшіе еще обѣды на яхтѣ меня приглашалъ Самъ Государь.

Въ то же время ко мнѣ зашелъ какъ-то полковникъ Своднаго полка К. и спросилъ, играю ли я въ бриджъ

и смогу ли я освободиться на одинъ вечеръ, чтобы участвовать въ игрѣ на призъ, устраиваемой Великимъ Княземъ Георгіемъ Михайловичемъ, такъ какъ одинъ изъ предположенныхъ участниковъ неожиданно заболѣлъ. Увѣренный, что Ихъ Величества всегда охотно отпустятъ меня къ Великому Князю, я отвѣтилъ утвердительно. Довольный успѣхомъ, полковникъ К., которому Великій Князь поручилъ срочно найти замѣстителя заболѣвшему, отбылъ немедленно въ «Хароксъ», гдѣ и доложилъ Великому Князю о найденномъ имъ въ моемъ лицѣ вполнѣ подходящаго игрока. Великій Князь остался вполнѣ удовлетвореннымъ и благодарилъ полковника К., но въ это время раздался голосъ Великой Княгини Маріи Георгіевны: «нѣтъ, флигель-адъютанта Фабрицкаго мы не можемъ пригласить, такъ какъ этимъ могутъ быть недовольны Ихъ Величества, гостемъ которыхъ онъ состоитъ». Никакія увѣренія полковника К., что никакого недоразумѣнія быть не можетъ, не имѣли успѣха и приглашеніе не состоялось.

Задолго до 6-го ноября, день особо празднуемый Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, всей свитѣ Государя было извѣстно о приглашеніи на парадный обѣдъ всѣхъ изъ Ливадіи. И дѣйствительно, 6-го ноября Ихъ Величества и вся свита, кромѣ меня, провели почти весь день въ имѣніи Великаго Князя Николая Николаевича. У Великаго Князя Александра Михайловича состоялась какъ-то большая охота, на которую были приглашены Ихъ Величества со всей свитой, кромѣ меня.

Наступалъ день 6-го декабря, Тезоименитства Государя и праздникъ Гвардейскаго экипажа. Въ Петербургѣ обычно въ этотъ день назначался большой парадъ тѣмъ частямъ войскъ, которыя въ этотъ день праздновали праздникъ части.

Въ этомъ году Государь приказалъ назначить парадъ на площадкѣ Ливадійскаго дворца всѣмъ частямъ войскъ, находящимся въ Крыму, и представить Ему на

утвержденіе офицера, для командованія парадомъ. Для этой цѣли состоялось небольшое засѣданіе подъ предсѣдательствомъ министра Двора, на которомъ послѣ распланировки парада приступили къ выбору командующаго. Флагъ-капитанъ Ниловъ предложилъ назначить меня, какъ имѣющаго большой опытъ и совершенно свободнаго въ данное время отъ службы и офицера части, празднующей въ этотъ день свой праздникъ. На это министръ Двора, отъ вниманія котораго мало что скрывалось, сказалъ: «оставимъ лучше его въ покоѣ, хоть онъ и вполнѣ подходитъ къ этому назначенію, и безъ того достаточно его мучаютъ и о немъ говорятъ». Парадомъ командовалъ генералъ Думбадзе. Вспоминаю это не по чувству злобы, которой ни тогда, ни теперь ни къ кому не испытываю, а лишь съ цѣлью показать, въ какихъ трудныхъ условіяхъ жилось Русскому Самодержавному Царю.

«Стоитъ Намъ приблизить къ Себѣ кого-нибудь, чтобы про этого человѣка начали бы сейчасъ говорить дурное», сказалъ мнѣ какъ-то Государь въ присутствіи Императрицы, молча согласившейся съ этимъ. И Они были глубоко правы, такъ какъ людской зависти и злобѣ нѣтъ границъ, и въ этомъ не щадили даже и Ихъ Величествъ, подававшихъ между тѣмъ примѣръ исключительнаго супружескаго счастья и почти святой жизни.

Пребываніе мое въ Ливадіи затянулось до 9 декабря, когда, наконецъ, Государь разрѣшилъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ, гдѣ мое присутствіе становилось уже необходимымъ.

Проживъ въ Ливадіи съ 15 октября по 9 декабря, находясь въ безпрерывномъ общеніи съ Ихъ Величествами и наблюдая Ихъ въ различное время и при различныхъ обстановкахъ, мнѣ удалось составить себѣ ясное представленіе объ Ихъ характерахъ. Настанетъ время, когда безпристрастный историкъ воздастъ должное Царю-Мученику и Его многострадальной Семьѣ, поло-

жившихъ жизнь Свою за народъ Свой. Въ своихъ воспоминаніяхъ я хочу лишь дать самое правдивое описаніе того, что я видѣлъ и слышалъ.

X.

Государь Императоръ Николай II обладалъ характеромъ ровнымъ, спокойнымъ и при этомъ былъ рѣдко выдержаннымъ и воспитаннымъ человѣкомъ. Это сочетаніе производило на людей, мало знакомыхъ съ Его Величествомъ, впечатлѣніе какъ бы мягкости Его характера. Въ самые тяжелые моменты царствованія, въ безконечно тяжелыя минуты болѣзни Супруги или Дѣтей, Его Величество всегда сохранялъ хладнокровіе и кажущееся полное спокойствіе, что многіе объясняли безсердечіемъ.

Доброты и справедливости Государь былъ необычайной. Всегда при всѣхъ рѣшеніяхъ Его Величество руководился желаніемъ не обидѣть кого-либо хотя бы случайно, почему и не принималъ почти никогда быстрыхъ рѣшеній, что и породило слухи о Его нерѣшительности и о нелюбви Его къ людямъ съ рѣшительными характеромъ. Какъ доказательство противнаго, могу привести примѣръ безпрерывныхъ ровныхъ отношеній Государя къ такимъ людямъ, какъ напримѣръ: генералъ-лейтенантъ баронъ Фридериксъ и графъ Бенкендорфъ, генералъ-адъютантъ Ванновскій, генералъ-адъютантъ Ломенъ, свиты Его Величества генералъ-майоръ Орловъ, генералъ-адъютантъ Дубасовъ, генералъ-адъютантъ Григоровичъ, генералъ Думбадзе и т. д. Всѣ эти личности, игравшія видную роль въ царствованіе Государя, обладали исключительными рѣшительными характерами и вмѣстѣ съ тѣмъ всегда неизмѣнно пользовались довѣріемъ и уваженіемъ Своего Монарха.

Какъ человѣкъ исключительно воспитанный, Государь не понималъ и не допускалъ грубости, шумныхъ

споровъ, доходящихъ до оскорбленій, что такъ свойственно людямъ, рѣзкостей и т. п. Отсюда пошелъ слухъ, что Государь не любитъ правды и что министры и близкіе люди не смѣли говорить правдиво изъ боязни впасть въ немилость. Это абсолютно неправильно, такъ какъ Его Величество не любилъ фальшивыхъ людей, льстецовъ, прислуживающихся и вообще не допускалъ возможности лгать, такъ какъ самъ абсолютно не былъ способенъ на какую-либо малѣйшую фальшь или ложь. Люди же рѣзкіе, мнящіе о себѣ много, думающіе спасать Россію грубой и рѣзкой правдой, весьма односторонней и подозрительной, получающіе холодный отпоръ отъ Государя на свои неумѣстныя и безтактныя выходки или выступленія, имѣли потомъ дерзость роспускать слухи о нелюбви Государя къ правдѣ. Не допускаю возможности, чтобы такія выдающіяся личности, какъ военный министръ Ванновскій, морской—адмиралъ Григоровичъ, оберъ-прокуроръ Синода — Побѣдоносцевъ, Предсѣдатель Совѣта Министровъ — Столыпинъ и многіе еще въ такомъ же родѣ позволили себѣ когда-либо сказать Государю неправду, что не помѣшало, однако, имъ пользоваться до смерти полнымъ уваженіемъ и довѣріемъ Государя. И обратно, такія личности, какъ С. И. Витте, адмиралъ Алексѣевъ, Предсѣдатель Государственной Думы Родзянко и многіе, многіе, къ сожалѣнію, сами фальшивые, не допускающіе возможности говорить всегда правду, играющіе всегда на нѣсколько фронтовъ, естественно, не находили сочувствія у Своего Государя, хотя Ему и приходилось, скрѣпя сердце, пользоваться ихъ услугами, какъ людьми талантливыми и государственныхъ способностей, что не такъ просто найти среди массы русскихъ людей.

Какъ яркій примѣръ любви Государя къ людямъ рѣшительнымъ и правдивымъ, приведу примѣръ отношенія Его Величества къ своему единственному близкому человѣку, смѣло можно сказать — другу, къ генералу Александру Аѳиногеновичу Орлову. Кто зналъ эту свѣтлую личность, этого рыцаря безъ страха и упрека,

преданнаго Своему Монарху безъ лести, тотъ подтвердитъ, что генералъ Орловъ неспособенъ былъ сказать неправду и обладалъ исключительно рѣшительнымъ характеромъ, что при его дарованіяхъ и дало ему возможность сдѣлать такую блестящую, вполнѣ заслуженную карьеру.

Какъ-то разъ генералъ Орловъ и я были приглашены на вечеръ къ Аннѣ Александровнѣ Вырубовой. Вскорѣ прибыли Ихъ Величества. Встрѣченные хозяйкой дома въ передней, Ея Величество прошла во внутреннія комнаты, а Государь вошелъ въ гостиную, гдѣ находились мы. Нельзя было не замѣтить, что Государь быть чѣмъ-то очень не то озабоченъ, не то огорченъ. Поздоровавшись съ нами, Государь сѣлъ и немедленно же подѣлился своимъ огорченіемъ, сообщивъ, что получилъ недавно донесеніе, что одна изъ ротъ Брестскаго пѣхотнаго полка, выведенная на строевое ученіе, убила своихъ офицеровъ и подъ вліяніемъ агитаторовъ имѣла намѣреніе взбунтовать весь полкъ. Наступила невольная пауза, такъ какъ такое печальное и неслыханное въ тѣ времена извѣстіе не могло не подѣйствовать на насъ удручающе. Не успѣли мы что-либо отвѣтить, какъ Государь обратился къ генералу Орлову съ вопросомъ: «Александръ Аѳиногеновичъ, какъ по Вашему слѣдовало бы поступить съ ротой этой?» На это генералъ Орловъ громкимъ и яснымъ голосомъ отвѣтилъ: «нужно всю роту до единаго человѣка разстрѣлять». Трудно было себѣ представить болѣе рѣшительный отвѣтъ. Государь Императоръ подумалъ немного и отвѣтилъ: «Да, пожалуй, вы правы».

Въ дѣйствительности, конечно, было поступлено по закону, т. е. назначено слѣдствіе, тянувшееся безконечно долгое время, а за это время было много случаевъ убійства офицеровъ и бунтовъ въ войсковыхъ частяхъ, чего, конечно, не было бы, если бы, ввиду особой важности преступленія, было поступлено по совѣту генерала Орлова, какъ бы ни жестоко было бы такое рѣшеніе.

Государь былъ страшно скроменъ, не любилъ рисовки, многословныхъ рѣчей, всевозможныхъ тостовъ, парадныхъ пріемовъ, баловъ, любилъ во всемъ простоту и предпочиталъ всему на свѣтѣ тихій семейный уютъ.

Поэтому всѣ разсказы о властолюбіи Государя, о деспотизмѣ Его, о нежеланіи поступиться Самодержавіемъ ради какихъ-то личныхъ выгодъ абсолютно невѣрны.

Если бы не чувство долга передъ Родиной и сознаніе, что Онъ долженъ царствовать на пользу безгранично любимой Имъ Россіи, долженъ до послѣдняго дня своей жизни нести всѣ тяготы правленія, Государь съ радостью передалъ бы Престолъ другому лицу и удалился бы для частной жизни. Но сознаніе долга передъ Родиной всосалось съ молокомъ матери и, какъ часовой на посту, Государь не считалъ возможнымъ покинуть его.

Не присутствуя лично при отреченіи Государя Императора Николая II отъ Престола, не могу себѣ представить, какими доводами и убѣжденіями г-да Рузскій, Гучковъ и Шульгинъ смогли поколебать эти убѣжденія и уговорить Государя на такое кошмарное и гибельное для Родины рѣшеніе. Какъ много, повидимому, пришлось бѣдному Государю пережить и перенести тяжелыхъ разочарованій еще задолго до этого, а главное потерять вѣру въ людей и своихъ ближайшихъ помощниковъ.

Государь Императоръ обладалъ исключительнымъ терпѣніемъ и отличался поразительной снисходительностью къ своимъ подданнымъ, не взирая на ихъ положеніе.

Государь былъ страшно трудолюбивъ. Вставалъ обыкновенно въ 7 часовъ утра, бралъ ванну, одѣвался и въ 8 часовъ былъ уже на ногахъ, проводя почти весь день до поздней ночи за работою.

О томъ, какъ распредѣлялся день Государя, я говорилъ уже выше, добавлю лишь, что разъ въ

недѣлю, по средамъ, съ 11 часовъ и до 2, Государю Императору представлялись различныя лица, получившія какое-либо назначеніе или пріѣхавшія въ отпускъ изъ провинціи. Право представленія имѣли всѣ лица, начиная отъ командира полка и равныхъ должностей въ гражданскомъ вѣдомствѣ.

Каждую среду Государю представлялось около 45 человѣкъ, при чемъ лица, занимающія высокія должности, представлялись отдѣльно съ глазу на глазъ въ собственномъ кабинетѣ, а остальныя въ такъ называемомъ «новомъ кабинетѣ» всѣ сразу, хотя, однако, Государь лично съ каждымъ здоровался, задавалъ вопросы и выслушивалъ отвѣты. Много разъ мнѣ приходилось лично убѣждаться, какъ представляющіеся поражались памятью Государя на лица и факты и знаніемъ Его различныхъ мелочей.

Къ этой характеристикѣ Государя Императора Николая II въ опроверженіе слуховъ и толковъ чуть ли не о маломъ развитіи Его могу привести разсказъ одного моего родственника, сенатора и профессора университета, В. Т. Судейкина, при этомъ человѣка убѣжденій политическихъ довольно лѣвыхъ, какъ многіе изъ нашей интеллигенціи.

До назначенія сенаторомъ, онъ долгое время былъ правителемъ канцеляріи у генералъ-губернатора Литовскаго края генералъ-адъютанта Троцкаго. На его обязанности между прочимъ лежало составленіе ежегодно годового Высочайшаго отчета, который представлялся отъ всѣхъ губерній, областей и краевъ непосредственно Его Величеству и возвращался обратно уже съ Высочайшими помѣтками и резолюціями. Такъ вотъ онъ сознавался мнѣ, что неоднократно, перечитывая вернувшійся отчетъ и знакомясь съ Высочайшими отмѣтками, задавалъ себя вопросъ, могъ-ли онъ самъ такъ ярко, ясно и точно въ кратчайшихъ выраженіяхъ выразить свою мысль, сдѣлать указаніе или замѣчаніе или выразить одобреніе? И признавалъ, что въ большинствѣ случаевъ поражался способностямъ Государя и Его знаніямъ, зная, что Государь пишетъ всѣ эти помѣтки въ тиши Своего кабинета и, слѣдовательно, безъ чьей-либо помощи.

Такъ протекали дни Всероссійскаго Императора, котораго лѣвая печать называла «кровавымъ». Скромно, незамѣтно, безъ театральныхъ эффектовъ управлялъ своей многомилліонной страной Императоръ, беззавѣтно любя Свою Родину и гордясь Ею. Всѣ силы Свои и помыслы отдавалъ Государь на служеніе Своему народу, столь горячо любимому и въ вѣрности котораго Государь никогда не сомнѣвался. Только Семья — единственное утѣшеніе и радость Государя внѣ служенія Своего. И этой Семьѣ отдается ничтожная часть дня — часы завтрака и обѣда. Все остальное время, расписанное по минутамъ, отдается исполненію долга передъ Родиной и заботѣ о народѣ Своемъ. И тяжело сознаніе Государя, что нѣтъ помощниковъ, что люди, выбранные Имъ, заботятся больше о собственномъ благѣ или о благосостояніи своихъ близкихъ, а не о порученномъ имъ дѣлѣ. Интриги, подвохи, зависть, сплетни, доносы, подлость и измѣна — вотъ что окружаетъ Престолъ и предаетъ Его вмѣстѣ съ Родиной. И несмотря на ужасъ одиночества, вполнѣ сознаваемаго, несмотря на твердое убѣжденіе въ невозможности довѣрять окружающимъ людямъ, Государь бодро, вдохновляемый безпредѣльно любящей и любимой Супругой, стоитъ на своемъ посту, давая возможность народу благоденствовать, богатѣть, гордиться могуществомъ и богатствомъ Своей Родины.

Вотъ почему злые люди, добивающіеся обезличенія Государя и униженія Родины, сѣявшіе смуту и раздоръ среди русскаго народа, такъ ненавидѣли Государыню Императрицу Александру Өеодоровну.

Послѣ Родины и Семьи Государь больше всего любилъ армію и флотъ. Доклады военнаго и морского министровъ были Ему всегда пріятны. Съ особой охотой Государь отдавалъ время на смотры войскъ или посѣщеніямъ флота. Ему казалось, что многомилліон-

ная армія Его искренно Ему предана и благодарна за заботы объ ней, а молодой флотъ горитъ желаніемъ порадовать Своего Державнаго Вождя, отдававшаго столько труда и времени на заботы о немъ. Да оно такъ и было. Не нужно смѣшивать настоящую Русскую Армію, доблестную и храбрую, легшую костьми въ первые же годы войны, съ арміей, измѣнившей Своему Государю, предавшей Его и покинувшей фронтъ ради мира «безъ анексій и контрибуцій». Послѣдняя была въ сущности не армія, а милиція, созданная требованіями войны. Такъ же, какъ нельзя винить и флотъ, созданный изъ ничего послѣ Японской войны, энергіей адмираловъ Григоровича и Эссена. Послѣдній умеръ, и флотъ, потерявшій свою голову, въ кратчайшее время измѣнился до неузнаваемости. Ошибка была исправлена, но время было уже утеряно.

Послѣ арміи и флота Государь любилъ еще охоту, но не такъ называемую «Царскую охоту», когда выгоняютъ на охотниковъ чуть ли не ручныхъ звѣрей или спеціально разведенныхъ фазановъ, а охоту трудную, когда нужно умѣть стрѣлять и обладать должнымъ хладнокровіемъ.

Помню, какъ въ первое шхерное плаваніе на яхтѣ «Полярная звѣзда» на одномъ изъ острововъ на Транзундскомъ рейдѣ была устроена охота. Всѣ участники вернулись съ нея на яхту сильно удрученными, говоря, что за всю охоту только одинъ разъ какая-то птица вылетѣла на Государя и Ему пришлось стрѣлять всего одинъ только разъ. Вскорѣ сѣли обѣдать. Вдругъ за обѣдомъ Государь началъ вспоминать бывшую охоту и высказалъ Свое полное удовольствіе, такъ какъ за все время всего-то и была одна птица и Ему удалось ее убить, хотя выстрѣлъ и былъ очень трудный. Засіяли отъ радости организаторы охоты и участники ея.

Государь былъ искренно вѣрующимъ человѣкомъ и убѣжденнымъ фаталистомъ. Ничто не могло поколебать вѣру Государя въ Господа Бога и убѣжденіе, что «ни одинъ волосъ не упадетъ помимо Воли Всевыш-

няго». Въ самыя тяжелыя минуты жизни Государя, когда, напримѣръ, былъ тяжело боленъ любимый сынъ, Наслѣдникъ Цасаревичъ, или смуты народной, вѣра въ Бога и Промыселъ Его не покидала Государя и давала Ему силы перенести горе и ужасъ. И во время царствованія Своего, въ самые блестящіе его періоды, Государь возносилъ горячія молитвы къ Господу Богу и говѣлъ три раза въ годъ.

Въ силу этого Государь не вѣрилъ въ возможность охранить Его какими-то полицейскими мѣрами и всегда подсмѣивался надъ усиленными охранами, различными предосторожностями и т. д.

Помню, какъ во время посѣщенія вновь построеннаго форта Инонеми Государь, выйдя на берегъ и увидавъ, что рабочіе, принимавшіе участіе въ постройкѣ, поставлены въ какое-то особое веревочное оцѣпленіе, немедленно приказалъ уничтожить оцѣпленіе и выпустить рабочихъ на свободу. Мѣра эта не измѣнила порядка во все время Высочайшаго посѣщенія и глубоко тронула рабочихъ. Почти такой же случай повторился во время Полтавскихъ торжествъ, когда Государь неожиданно, ѣдучи по росписанію на всенощную въ храмъ на мѣстѣ могилы, по дорогѣ увидѣлъ какіе-то бараки, оказавшіеся построенными спеціально для представителей отъ крестьянъ, собранныхъ со всей Россіи и находящихся какъ-бы во временномъ заключеніи. Государь приказалъ, несмотря на уговоры губернатора, повернуть къ баракамъ и болѣе 2-хъ часовъ провелъ среди крестьянъ, разговаривая съ ними, разспрашивая ихъ нужды, совершенно безъ всякой охраны.

Въ довершеніи характеристики Государя Императора Николая II необходимо упомянуть о Его исключительномъ безразличіи къ удобствамъ жизни и комфорту, о Его скромности въ пищѣ и винѣ и о Его полномъ равнодушіи къ деньгамъ. Всѣ Свои доходы Государь отдавалъ русскимъ людямъ или въ видѣ денежной помощи, когда за этимъ къ Нему обращались, или на

воспитаніе дѣтей или же на улучшеніе принадлежащихъ лично Государю имѣній, дѣлая изъ пустынь плодороднѣйшія пространства. На Себя, Свою Семью, на Свой столъ Государь тратилъ минимумъ возможнаго, урѣзывая Себя во всемъ, прекративъ балы, парадные обѣды и т. п.

Августѣйшая Супруга Императрица Александра Өеодоровна исключительно подходила къ Нему, будучи также очень скромной, трогательной матерью, простой въ обращеніи, заботливой о всѣхъ близкихъ и рѣдкой доброты. Мужъ и дѣти — въ этомъ вся жизнь и счастье. И ради обожаемаго Супруга невольная заинтересованность въ дѣлахъ Государственныхъ настолько, насколько Государю угодно было обращаться за совѣтомъ или поддержкой къ Своему единственному вѣрному другу — Супругѣ. Можно допустить, что Императрица ошибалась и невольно совѣтовала Государю неправильно, не будучи въ курсѣ всѣхъ дѣлъ въ особенности послѣднее время, когда состояніе Ея здоровья не давало возможности быть всегда въ курсѣ дѣлъ, но нельзя не вѣрить, что Ея Величествомъ всегда руководило чувство любви къ Россіи, а никакъ не къ Германіи, въ чемъ дерзновенно обвиняли Государыню чуть ли не съ Думской каѳедры.

Помню, какъ Ихъ Величества вернулись изъ Гомбурга, куда спеціально ѣздили для прохожденія курса лѣченія Императрицей. Сколько было тогда разсказовъ объ нѣмецкомъ этикетѣ, столь чуждомъ Императрицѣ, воспитанной королевой Викторіей, а затѣмъ привыкшей къ Русскому Двору. Только естественная любовь къ брату и связывала Императрицу еще съ Германіей, но и только. Не даромъ Императоръ Вильгельмъ не любилъ Александру Өедоровну, прекрасно понимая, что Она стала настоящей Русской и истинно православной. Государыня обладала довольно вспыльчивымъ характеромъ, но умѣла сдерживаться, а затѣмъ очень быстро отходила и забывала свой гнѣвъ.

Такъ же, какъ и Государь, Императрица была очень застѣнчива, не любила парадныхъ пріемовъ, баловъ, раутовъ и т. п., отдаваясь всецѣло обязанностямъ Супруги и матери. Воспитаніе Дѣтей шло исключительно подъ Ея личнымъ надзоромъ, т. е. совсѣмъ не такъ, какъ было принято въ Россіи даже въ средне зажиточныхъ домахъ, гдѣ воспитаніе возлагалось на гувернантокъ и гувернеровъ.

Императрица любила свой домъ больше всего, почему Ей было непріятно принимать въ тѣсный и дружный кругъ Своей Семьи постороннихъ людей въ лицѣ воспитательницъ.

Застѣнчивость Ея Величества сказывалась на каждомъ шагу, а въ особенности во время торжественныхъ или парадныхъ пріемовъ. Наружно это выражалось какимъ-то особеннымъ выраженіемъ лица. Получалось со стороны впечатлѣніе, что Императрица въ это время переживала нѣчто мучительное. Поэтому у многихъ, кто не зналъ близко Ея Величества, составлялось впечатлѣніе о ней, какъ о женщинѣ нелюбезной и неласковой.

Императрица была исключительно доброй и снисходительной. Какъ-то разъ, наканунѣ ухода на яхтѣ «Штандартъ» въ шхерное плаваніе, очередному камердинеру Ея Величества не понравилась отведенная ему по положенію каюта. Нужно замѣтить, что такія каюты должностнымъ лицамъ были предназначены еще при постройкѣ яхты и обозначены надписями, при чемъ въ нихъ были проведены звонки изъ соотвѣтствующихъ Высочайшихъ каютъ. Прислуга прибыла наканунѣ, когда на яхтѣ никого еще не было, и камердинеръ могъ свободно осмотрѣть всѣ помѣщенія. Такимъ образомъ, онъ выбралъ себѣ одну изъ свитскихъ каютъ и попросилъ офицера, завѣдывающаго Царскими помѣщеніями на яхтѣ, позволить ему перебраться въ выбранную имъ каюту. Естественно, офицеръ отклонилъ такое ходатайство, объяснивъ, что онъ не можетъ выбирать себѣ каюты, такъ какъ онѣ всѣ именныя. Тогда ка-

мердинеръ заявилъ, что онъ не пойдетъ въ плаваніе. На это офицеръ отвѣтилъ, что это его никакъ не касается, и на всякій случай доложилъ объ этомъ командиру яхты капитану 1 ранга И. И. Чагину. Командиръ подтвердилъ отказъ.

На другой день часамъ къ 11 прибыли Ихъ Величества съ Семьей и свитой и, конечно, первымъ дѣломъ послѣ встрѣчи спустились въ свои каюты, въ которыхъ Они такъ давно уже не были.

Прошло короткое время, когда командиру доложили, что его проситъ къ Себѣ Императрица. Не успѣлъ капитанъ Чагинъ войти въ каюту, какъ Ея Величество почти дословно сказала слѣдующее: «Иванъ Ивановичъ, у меня къ Вамъ большая просьба, надѣюсь, что Вы ее исполните». На это капитанъ Чагинъ отвѣтилъ, что просьба Ея Величества есть приказаніе и, конечно, будетъ немедленно исполнена. «Я знаю, Иванъ Ивановичъ, что я дѣлаю неправильно, что я не имѣю права просить Васъ объ этомъ, но если Вы не хотите отравить мнѣ все плаваніе, то исполните мою просьбу». Такое вступленіе привело капитана Чагина въ полное недоумѣніе и онъ просилъ Ея Величество сказать, въ чемъ заключается просьба. «Дайте, пожалуйста, моему камердинеру каюту, которую онъ выбралъ себѣ, а то онъ испортитъ мнѣ пребываніе на яхтѣ». Капитанъ Чагинъ отвѣтилъ, что, конечно, желаніе Ея Величества будетъ исполнено, но онъ считаетъ долгомъ доложить, что это незаконно. «Я знаю», — отвѣтила Ея Величество, «но очень прошу». Поневолѣ пришлось исполнить капризъ камердинера.

Доброта Ея Величества сказывалась во всемъ, но въ особенности въ Ея отношеніяхъ къ людямъ, въ Ея постоянныхъ заботахъ о всѣхъ мало-мальски Ей извѣстныхъ лицахъ, впавшихъ во временное тяжелое положеніе, при заболѣваніи и т. п. Помощь оказывалась широкая, какъ денежная, такъ и моральная. Трудно себѣ представить, какой массѣ лицъ Ея Величество помогала выйти изъ матеріальныхъ затрудненій, сколькимъ дѣтямъ оказала помощь въ воспитаніи и какую массу больныхъ призрѣла въ различныхъ санаторіяхъ.

У многихъ русскихъ составилось понятіе объ Императрицѣ, какъ о женщинѣ суровой, съ твердымъ упорнымъ характеромъ, съ огромной силой воли, не ласковой, сухой, которая сильно вліяла на Своего Августѣйшаго Супруга и руководила Его рѣшеніями по Своему усмотрѣнію. Этотъ взглядъ совершенно ошибоченъ. Ея Величество не только сердечно относилась ко всѣмъ окружающимъ, но скорѣе баловала всѣхъ, волновалась постоянно о другихъ, заботилась о нихъ, а Дѣтей Своихъ баловала чрезмѣрно и Ей постоянно приходилось обращаться за содѣйствіемъ къ Супругу, такъ какъ Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ признавалъ волю только Отца Своего и дядьки матроса Деревенько, Мать же Свою совершенно не слушался. Малолѣтнія Великія Княжны тоже мало слушались Мать.

Въ кругу Семьи Государь имѣлъ всегда рѣшающій голосъ, а если въ дѣлахъ государственныхъ Ея Величество иногда и подсказывала, допустимъ, рѣшенія, то только постольку, поскольку Самъ Государь искалъ этого совѣта.

Императрица Александра Өедоровна была рѣдко образованной и воспитанной женщиной. По своимъ знаніямъ Ея Величество была ходячей энциклопедіей, при этомъ отлично рисовала, играла, знала рукодѣлія и владѣла нѣсколькими языками въ совершенствѣ. Любимый языкъ послѣ русскаго, на которомъ черезъ нѣсколько лѣтъ царствованія Ея Величество говорила и писала свободно и читала нашихъ классиковъ, былъ англійскій, а затѣмъ французскій. По-нѣмецки никогда во Дворцѣ не говорили, хотя Ея Величество, конечно, владѣла имъ въ совершенствѣ. Между собой Государь съ Императрицей обыкновенно говорили на англійскомъ языкѣ съ исключительной цѣлью, чтобы Его Величество не могъ бы забыть этотъ языкъ. Съ Дѣтьми сначала долгіе годы говорилось только по-русски, а затѣмъ по

очереди, по-англійски и французски, дабы дать возможность Дѣтямъ изучить практически эти оба языка.

Ея Величество обладала рѣдко развитымъ чувствомъ долга и это какъ бы давало Ей возможность быть упорной во многихъ случаяхъ, когда по Ея понятіямъ такъ требовалъ Ея долгъ.

Такъ же, какъ и Государь, Императрица была исключительно вѣрующей и православной, изучивъ особенности нашей религіи до тонкости. Религіозность Ея порой впадала въ мистицизмъ, въ особенности въ послѣдніе годы въ связи съ Ея серьезнымъ сердечнымъ недомоганіемъ и послѣ пережитыхъ волненій за мужа и сына во время первой революціи 1905—1906 годовъ. Всѣ церковныя службы Ея Величество простаивала отъ начала и до конца, ничѣмъ не отвлекаясь и все время усердно молясь. Когда здоровье не позволяло больше Ея Величеству долго стоять на ногахъ, Она сидѣла во время службъ, но посѣщала ихъ аккуратно.

Къ характеристикѣ Государыни Императрицы Александры Өеодоровны надо добавить, что Она была въ полномъ смыслѣ слова красавицей, въ которой соединилось все: царственная осанка, правильныя черты лица, большой ростъ, правильная фигура, изящная походка, грація, большой умъ, огромная начитанность и образованность, талантъ къ искусствамъ, прекрасная память, сердечная доброта и т. п., но у Нея не было искусства очаровывать, не было умѣнія и желанія нравиться толпѣ. А это, повидимому, для царственныхъ особъ необходимо.

Въ кругу близкихъ людей, когда застѣнчивость проходила, Ея Величество была центромъ веселья и съ Ней скучать было невозможно. Среди же людей мало знакомыхъ Ея Величество точно уходила въ Свою скорлупу и представлялась людямъ въ совсѣмъ другомъ свѣтѣ. Впослѣдствіи, когда Императрица стала сильно болѣть и зачастую проводила лежа цѣлые дни, Ея Величество рѣдко уже веселилась и проводила время большей частью въ интимномъ кругу Семьи, куда допускалась лишь одна А. А. Вырубова. Огромную въ этомъ роль играла также постоянная болѣзнь Августѣйшаго Сына, обожаемаго Ея Величествомъ. Каждая мать убивается надъ болѣзнью ребенка, а здѣсь же было волненіе не только любящей матери, но и Императрицы за Свою Страну, Престолъ которой долженъ былъ унаслѣдовать сынъ.

По разъясненіямъ, даннымъ мнѣ по дружбѣ лейбъ-медикомъ Острогорскимъ, состоявшимъ постояннымъ врачемъ Наслѣдника Цесаревича, болѣзнь была опасна лишь до извѣстнаго возраста, приблизительно до 16, 17 лѣтъ.

Безконечно тяжело было видѣть очаровательнаго во всѣхъ отношеніяхъ ребенка, отличавшагося большими способностями, огромной памятью, сообразительностью не по лѣтамъ и физической красотой, страдающимъ хроническими заболѣваніями, происходящими, главнымъ образомъ, отъ малѣйшей неосторожности при играхъ. Случайный ударъ по рукѣ или ногѣ или же рѣзкое движеніе могло вызвать разрывъ кровеноснаго сосуда и мѣстный разливъ крови, трудно поддающійся излѣчиванію.

Наслѣдника Цесаревича я зналъ съ пеленокъ и въ выборѣ няньки Его матроса Деревенько сыгралъ первенствующую роль, назначивъ его по Высочайшему приказанію въ помощь нянѣ Наслѣдника въ первое шхерное плаваніе на яхтѣ «Полярная Звѣзда». Въ дни моихъ дежурствъ при Государѣ, Деревенько приходилъ ко мнѣ, уложивъ спать своего Воспитанника, и разсказывалъ о своей жизни при Дворѣ и о Наслѣдникѣ.

Я видѣлъ Алексѣя Николаевича на яхтѣ при обходѣ фронта команды, при играхъ съ юнгами, при различныхъ представленіяхъ Ему, въ минуты дѣтскихъ шалостей и т. д. Онъ всегда прельщалъ всѣхъ своимъ яснымъ взоромъ, рѣшительнымъ видомъ, быстрыми рѣшеніями, громкимъ голосомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкостью, ласковостью и внимательнымъ отношеніемъ ко всѣмъ и всему.

Великія Княжны въ описываемое время были прелестными дѣвочками, скромно и просто воспитанными, относившимися ко всѣмъ съ ласковостью и вѣжливостью, а зачастую съ трогательной заботливостью. Всѣ онѣ обожали Наслѣдника и баловали его всячески.

Какъ Августѣйшіе Родители къ Дѣтямъ, такъ и Дѣти къ нимъ проявляли на каждомъ шагу примѣръ трогательной любви, и искренно можно сказать, что трудно было найти иную, болѣе совершенную семью.

XI.

По возвращеніи изъ Ливадіи въ Петербургъ я получилъ назначеніе состоять при герцогѣ Зюдерманландскомъ и Его Супругѣ Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ, пріѣзжающихъ въ Петербургъ на похороны Великаго Князя Михаила Николаевича, неожиданно скончавшагося въ Ниццѣ.

Пришлось выѣхать въ Або, гдѣ и встрѣтить Высокихъ Гостей. При первой же встрѣчѣ Великая Княгиня произвела самое чарующее впечатлѣніе, чего нельзя было сказать про Ея Супруга.

По пріѣздѣ въ Петербургъ Великокняжескую Чету встрѣтилъ Августѣйшій Братъ Вел. Кн. Маріи Павловны Великій Князь Дмитрій Павловичъ, пригласившій до переѣзда въ Царское всѣхъ на завтракъ къ Себѣ, гдѣ присутствовала и Великая Княгиня Елизавета Ѳеодоровна, которой мнѣ пришлось представляться впервые.

Послѣ завтрака переѣхали въ Царское Село въ собственный Его Величества Дворецъ, гдѣ были отведены покои для Высокихъ Гостей, а для свиты и меня въ Большомъ Царскосельскомъ Дворцѣ. Свита состояла изъ двухъ лицъ: камергера, состоящаго при Герцогѣ и статсъ-дамы при Великой Княгинѣ.

Пріятно вспомнить, съ какимъ уваженіемъ и любовью относились эти лица къ своей новой Герцогинѣ, восхваляя Ее всячески, разсказывая, какой популярностью она начала пользоваться среди придворныхъ и народа въ Швеціи, какъ быстро выучилась говорить по-шведски и усвоила себѣ всѣ обычаи и традиціи. Въ то же время они отзывались далеко не симпатично о своемъ Герцогѣ, обвиняя его въ безсердечіи, лѣнности, порой грубости и небрежности по отношенію къ Своей молодой Супругѣ.

Пребываніе Ихъ Высочествъ въ Царскомъ Селѣ продолжалось 15 дней и протекало въ интимномъ кругу Царской Семьи, съ рѣдкими выѣздами въ Петербургъ для отданія необходимыхъ визитовъ. Мнѣ же пришлось показать свитѣ Петербургъ и два раза быть съ ними въ театрахъ.

На обратномъ пути 4-ый Финскій стрѣлковый баталіонъ, расположенный въ Або, воспользовавшись необходимостью Ихъ Высочествамъ пробыть въ городѣ съ утра до вечера въ ожиданіи отхода парохода-ледокола на Стокгольмъ, привѣтствовалъ отъѣзжающихъ парадными завтракомъ въ офицерскомъ собраніи, на которомъ молодая Великая Княгиня выказала много такта и умѣнія держать себя въ обществѣ.

Вернувшись въ Петербургъ, я вступилъ въ исполненіе своихъ прямыхъ обязанностей въ Гвердейскомъ экипажѣ, неся приблизительно одинъ разъ въ мѣсяцъ суточное дежурство при Государѣ и получая приглашеніе по воскресеньямъ на вечеръ къ Ихъ Величествамъ.

Въ этомъ году Гвардейскій экипажъ долженъ былъ праздновать 200-лѣтній юбилей, почему было особенно много работы. Въ виду неожиданной смерти Англійскаго Короля Эдуарда VII, празднованіе юбилея было перенесено на весну и состоялось лишь въ первыхъ числахъ мая, послѣ чего началось обычное плаваніе и лично мое снова старшимъ офицеромъ яхты «Александрія». Еще до юбилея меня вызвалъ къ себѣ начальникъ штаба Командующаго флотомъ и предлагалъ мнѣ получить въ командованіе судно 2 ранга во флотѣ. Пришлось по просьбѣ командира экипажа отказаться отъ предлагаемаго назначенія ради юбилея, но осенью, понимая, что

въ экипажѣ получить въ командованіе судно мнѣ удастся года черезъ два, я рѣшилъ воспользоваться предложеніемъ и въ концѣ ноября былъ назначенъ командиромъ эскадреннаго миноносца «Амурецъ», состоявшаго въ 1 дивизіонѣ 1-ой минной дивизіи.

На это рѣшеніе повліялъ также инцидентъ, случившійся со мной въ экипажѣ, который всецѣло имѣлъ своимъ основаніемъ съ одной стороны людскую зависть и злобность, а съ другой стороны сознаніе безнаказанности въ силу безконечной доброты Государя.

Вскорѣ послѣ назначенія моего флигель-адъютантомъ я постоянно сознавалъ и испытывалъ недоброжелательство очень многихъ сослуживцевъ по экипажу, какъ старшихъ меня въ чинѣ, такъ и равныхъ. Оно все усиливалось по мѣрѣ бòльшей милости ко мнѣ Двора и повышенія моего по службѣ. Послѣ моего пребыванія какъ бы гостемъ въ Ливадіи оно дошло до апогея. Сознавалось ясно, что завистники оставятъ меня въ покоѣ лишь до юбилейныхъ торжествъ, во-первыхъ, потому, что трудно было замѣнить меня на моемъ отвѣтственномъ посту передъ парадомъ, а во-вторыхъ, была надежда у многихъ на торжествахъ быть назначенными флигель-адъютантами и, такимъ образомъ, возможно ослабить вліяніе на Государя, приписываемое мнѣ. Лично я надѣялся, что назначеніемъ, возможно нѣсколькихъ лицъ сразу, разрядится атмосфера.

Непонятно, по какимъ причинамъ Государю не было благоугодно осчастливить кого-либо Своей милостью. Виновнымъ въ этомъ можно считать только адмирала Нилова, который по своей близости къ Государю могъ ходатайствовать за желательныхъ ему кандидатовъ.

Обиженные свое неназначеніе приписали моему вліянію, не понимая, что я, какъ офицеръ части, самъ былъ пораженъ этимъ фактомъ, зная среди офицеровъ вполнѣ достойныхъ награжденія какъ по своимъ личнымъ заслугамъ, такъ и по положенію въ обществѣ.

Все это разразилось некрасивой интригой, поведенной противъ меня группой офицеровъ, не знавшихъ,

что о моемъ назначеніи во флотъ уже возбуждено ходатайство.

Атака моихъ личныхъ враговъ не увѣнчалась успѣхомъ, но стоила мнѣ много нервовъ и тяжелыхъ, обидныхъ, ничѣмъ не заслуженныхъ переживаній, результатомъ чего я былъ вынужденъ обидѣться на всю воинскую часть, столь мнѣ дорогую, хотя девяносто процентовъ личнаго состава ея были абсолютно неповинны.

Въ это время Ихъ Величества съ Семьей были за границей для прохожденія курса лѣченія Императрицы.

Немедленно по возвращеніи Государь потребовалъ къ Себѣ лично командира экипажа съ подробнымъ докладомъ о происшествіи, а я давалъ поясненія министру Двора, который познакомился уже съ дѣломъ по письменнымъ документамъ. Выслушавъ меня, генералъ-адъютантъ графъ Фредериксъ сказалъ приблизительно слѣдующее: «удивляюсь поведенію командира экипажа. Что касается лицъ, ведшихъ противъ Васъ интригу, мнѣ давно было ясно, что многіе изъ нихъ мечтали о своемъ назначеніи флигель-адъютантами. Не мнѣ судить поступки Моего Государя. Значитъ, были какія-либо причины, почему никто изъ нихъ не былъ назначенъ. Понятна ихъ зависть къ Вамъ и недоброжелательство. Считаю Ваше поведеніе вполнѣ правильнымъ и отъ души поздравляю съ окончаніемъ этого дѣла».

Затѣмъ я имѣлъ счастье представляться Государю, Который въ милостивыхъ выраженіяхъ передалъ мнѣ Его сожалѣніе, что меня постигла такая непріятность, просилъ не волноваться, такъ какъ Онъ вполнѣ одобряетъ мое поведеніе.

По Своей добротѣ Его Величество совершенно упустилъ изъ виду, что нельзя было оставлять безнаказанными офицеровъ, поднявшихъ дѣло противъ своего начальника и не доказавшихъ его виновность, и что тѣ же лица распускали всевозможные слухи обо мнѣ, увѣряя даже, что я удаленъ изъ экипажа судомъ чести. Несмотря на полный абсурдъ такого заявленія, такъ какъ офицеръ, удаленный по суду чести, не могъ бы

получить повышеніе и остаться флигель-адъютантомъ, многіе вѣрили этому, какъ вѣрили всегда охотно всякой грязи и сплетнѣ.

Послѣ потери флота въ Цусимскомъ бою, благодаря слабо развитой техникѣ и неотпуска денегъ Думой, Русскій флотъ не имѣлъ боевой эскадры. Все прежнее устарѣло, было расшатано, требовало ремонта и могло служить только для учебныхъ цѣлей. Двѣ дивизіи миноносцевъ, построенныя, главнымъ образомъ, на добровольныя пожертвованія, также не представляли изъ себя вполнѣ современныхъ боевыхъ типовъ.

Адмиралъ фонъ Эссенъ, поставленный во главѣ Балтійскаго флота, правильно оцѣнилъ положеніе и обратилъ все вниманіе на обученіе и воспитаніе личнаго состава. Поэтому, фактически весь флотъ былъ учебнымъ, на которомъ личный составъ подготовлялся къ занятію отвѣтственныхъ должностей въ будущемъ флотѣ, программа судостроенія котораго разрабатывалась морскимъ министерствомъ и проводилась въ Думѣ. Одновременно было проведено много капитальныхъ реформъ, изъ которыхъ одна изъ самыхъ важныхъ было положеніе о сверхсрочно служащихъ.

Главное свое вниманіе адмиралъ Эссенъ обратилъ на Минный флотъ, образовавъ двѣ минныя дивизіи, отрядъ заградителей и подводнаго плаванія.

Первая минная диивизія, имѣвшая въ своемъ составѣ 4½ дивизіона лучшихъ въ то время миноносцевъ, базировалась на Портъ Императора Александра III (Либава), использовавъ для этой цѣли начатый постройкой бассейнъ, доки, мастерскія и казармы. 2-ая минная дивизія состояла изъ 4-хъ дивизіоновъ и базировалась на Свеаборгскій портъ, имѣя задачей, главнымъ образомъ, обслуживаніе и изученіе шхеръ.

Обѣ дивизіи были, насколько это было возможно, въ блестящемъ состояніи, имѣя во главѣ выдающихся начальниковъ, лихой личный составъ и изъ года въ годъ лучше налаживающееся снабженіе и снаряженіе. Въ особенности выдѣлялась 1-ая дивизія, во главѣ которой

стоялъ особо талантливый начальникъ контръ-адмиралъ свѣтлѣйшій князь Ливенъ, пользовавшійся во всемъ флотѣ популярностью, а въ своей дивизіи общимъ уваженіемъ и любовью подчиненныхъ.

Самъ лихой морякъ, князь легко прививалъ эти необходимыя качества своимъ подчиненнымъ и при немъ 1-ая минная дивизія имѣла своимъ девизомъ «впередъ», что и было выгравировано сигнальнымъ флагомъ на дивизіонномъ жетонѣ.

Урокъ Японской войны не прошелъ для русскаго флота даромъ и весь личный составъ горѣлъ желаніемъ исправить ошибки и не повторить ихъ въ будущемъ. Всѣ, начиная отъ неутомимаго адмирала Эссена, вкладывали массу энергіи, терпѣливо пріобрѣтая опытъ, относясь снисходительно къ ошибкамъ и подавая примѣръ сослуживцамъ и подчиненнымъ.

Миноносецъ «Амурецъ» я принялъ въ Ригѣ, гдѣ онъ стоялъ въ капитальномъ ремонтѣ въ составѣ полудивизіона 1 дивизіи. Въ короткое время, ознакомившись подробно съ порядками въ дивизіи и съ ея духомъ, я легко забылъ уходъ изъ Гвардейскаго экипажа, найдя на новомъ мѣстѣ не менѣе дружную и сплоченную воинскую семью.

Въ это время городъ Рига, между прочимъ, одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ въ Россіи, переживалъ еще радость по случаю бывшаго лѣтомъ посѣщенія ея Государемъ. Жители города приняли меня исключительно ласково и въ короткое время я познакомился съ русскимъ обществомъ. Ремонтъ миноносцевъ велся заводомъ «Ланге и сынъ» съ помощью судовыхъ командъ интенсивно и къ началу іюня мѣсяца миноносцы уже вступили въ строй дивизіи.

Дѣйствующій флотъ состоялъ изъ крейсера «Рюрикъ», построеннаго послѣ войны въ Англіи, на которомъ держалъ флагъ командующій флотомъ, одной бригады линейныхъ кораблей, одной бригады крейсеровъ, двухъ минныхъ дивизій, одной бригады подводныхъ лодокъ, одной бригады заградителей и учебныхъ отря-

довъ: Артиллерійскаго, Минннаго и Водолазнаго, а также нѣсколькихъ учебныхъ кораблей, какъ для корабельныхъ гардемаринъ, такъ и для унтеръ-офицеровъ.

Сборъ всего флота производился на Ревельскомъ рейдѣ, гдѣ происходили всѣ артиллерійскія стрѣльбы, ведшіяся безпрерывно по строго выработанной программѣ. Ежемѣсячно производились маневры всего флота. Государь неотступно слѣдилъ за работой во флотѣ, дѣлая ежегодно смотры новобранцамъ, посѣщая эскадры и отдѣльныя суда, присутствуя на смотровыхъ стрѣльбахъ флота и знакомясь близко съ успѣхами во время ежегоднаго плаванія въ шхерахъ или въ заграничныхъ водахъ, когда яхту конвоировали эскадренные миноносцы.

Зоркій взглядъ Государя ничего не упускалъ и начальникамъ зачастую приходилось давать самыя обстоятельныя разъясненія даже въ мелочахъ.

Это было время настоящаго воскресенія русскаго флота, его полнаго обновленія и возрожденія, чему флотъ всецѣло обязанъ Своему Державному Шефу, относившемуся къ нему съ особой заботой и любовью. При своей колоссальной памяти Государь зналъ весь личный составъ флота и легко могъ дѣлать выборъ начальствующихъ лицъ, не руководясь только докладами начальства.

Морское министерство было вручено достойнѣйшему адмиралу Григоровичу, который, если и имѣлъ недостатки, какъ строевой начальникъ, былъ на исключительной высотѣ въ должности министра. Въ помощь ему былъ приданъ Морской Генеральный Штабъ, вновь созданный и во главѣ котораго былъ поставленъ свѣтлѣйшій князь Ливенъ, ушедшій, къ сожалѣнію, изъ дивизіи.

Весь флотъ плавалъ безпрерывно, сохраняя всегда весь свой личный составъ, становясь лишь на зимніе мѣсяцы, когда море замерзало, въ резервъ.

Офицеры по окончаніи корпуса поступали на имѣвшіяся вакансіи на корабли и плавали на нихъ годами,

составляя съ ними нѣчто цѣлое, неразрывное. Сверхсрочно служащіе дали прекрасный составъ судовымъ командамъ, сохраняя боеспособность кораблей безпрерывно. Школы для подготовки спеціалистовъ были поставлены образцово и дали флоту прекрасный матеріалъ. Одновременно были предъявлены требованія судостроительнымъ заводамъ, начавшимъ расширять свою мощность для выполненія новой судостроительной программы, предусматривавшей созданіе мощнаго флота въ кратчайшій срокъ.

Бывшие ранѣе 20 флотскихъ экипажей были расформированы и создано было всего два экипажа, кромѣ Гвардейскаго въ Балтійскомъ флотѣ, какъ базы для судовыхъ командъ и гдѣ должны были начать свое первое образованіе и воспитаніе новобранцы.

Поздно осенью, въ концѣ октября, вернулась дивизія въ свою базу, продолжая выходы въ море для всевозможныхъ ученій, когда я получилъ приказаніе сформировать отрядъ новобранцевъ и подготовиться для пріема ихъ въ количествѣ не менѣе 2 000 человѣкъ.

Оставаясь командиромъ миноносца, выходя на немъ въ море, мнѣ пришлось, принявъ отъ порта пустыя зданія казармъ, произвести полную организацію, чтобы поступающіе новобранцы могли бы найти пищу, обмундированіе, свою койку и правильное обученіе. Необходимый для этого личный составъ офицеровъ, учителей и чиновъ для хозяйственныхъ надобностей мнѣ дали миноносцы дивизіи.

Обученіе новобранцевъ и ихъ воспитаніе начиналось обычно въ ноябрѣ мѣсяцѣ и продолжалось до марта, когда послѣ цѣлаго ряда смотровъ начальниковъ различныхъ степеней отрядъ отбывалъ въ Царское Село на Высочайшій смотръ.

Послѣднее было единственной наградой всему персоналу отряда, несшему зимой всю тяжесть усиленныхъ занятій, въ то время какъ ихъ сослуживцы наоборотъ отдыхали на миноносцахъ, находящихся въ резервѣ.

Каково же было мое удивленіе, когда въ первый же годъ моего командованія отрядомъ новобранцевъ, я получилъ отъ своего ближайшаго начальника предупрежденіе, что командующій флотомъ надѣется добиться отмѣны ежегодныхъ Высочайшихъ смотровъ, какъ абсолютно безцѣльныхъ и отнимающихъ только время и оттягивающихъ время поступленія молодыхъ матросовъ на суда.

Въ первое же свое дежурство, которыя я продолжалъ нести ежемѣсячно, пріѣзжая для этой цѣли въ Петербургъ, послѣ обѣда я доложилъ Его Величеству то глубокое впечатлѣніе грусти, которое произвело на личный составъ отряда извѣстіе о предстоящей отмѣнѣ смотровъ. «Кто Вамъ это сообщилъ?» — спросилъ взволнованно Государь. Не желая подводить своего начальника, я доложилъ Его Величеству, что во флотѣ идетъ упорный слухъ о таковой отмѣнѣ ввиду ходатайства объ этомъ начальствующихъ лицъ. «Ну ужъ, навѣрно, не адмиралъ Эссенъ будетъ просить Меня объ этомъ», — сказалъ Государь. «Передайте всѣмъ чинамъ отряда, что смотры будутъ обязательно и никто не сможетъ уговорить Меня ихъ отмѣнить».

Какъ ни пустяченъ этотъ случай, но онъ показателенъ тѣмъ, что еще въ 1911 году высшее начальство начало подпадать подъ вліяніе круговъ, ведшихъ пропаганду противъ Монархіи подъ видомъ недовольства Царствующимъ Императоромъ.

Смотръ, дѣйствительно, состоялся, для чего весь отрядъ эшелонами былъ перевезенъ на нѣсколько дней въ Царское Село, гдѣ молодые матросы, набранные со всѣхъ концовъ Россіи, впервые видѣли Своего Государя, а офицеры и матросы, потрудившіеся надъ обученіемъ, имѣли счастье удостоиться сердечной благодарности Своего Державнаго Вождя.

Прошелъ еще одинъ годъ—лѣтомъ въ плаваніи, зимой въ обученіи новобранцевъ и наступило лѣто 1913 года, когда моя группа миноносцевъ была назначена идти въ охрану яхты «Штандартъ» при шхерномъ плаваніи Государя. Въ этомъ году все плаваніе состояло въ переходѣ отъ Кронштадта до рейда «Штандартъ» и обратно. Все время яхта простояла на рейдѣ Штандартъ. Приходилось ежедневно видѣть Ихъ Величествъ и Августѣйшихъ Дѣтей, а также получать приглашенія на обѣды и завтраки къ Высочайшему столу.

По окончаніи шхернаго плаванія полудивизіонъ вернулся въ свой дивизіонъ и плаваніе продолжалось до глубокой осени, при чемъ весь дѣйствующій флотъ посѣтилъ Копенгагенъ, гдѣ простоялъ нѣсколько дней.

6-го декабря я былъ произведенъ за отличіе по службѣ въ капитаны 1-го ранга и долженъ былъ получить какое-либо новое назначеніе, соотвѣтствующее чину.

За нѣсколько дней до 6-го декабря командующій флотомъ посѣтилъ «Портъ Императора Александра III» и, проходя по стѣнкѣ вдоль стоящихъ ошвартованныхъ миноносцевъ, вызвалъ меня на стѣнку, поблагодарилъ за трехлѣтнее командованіе и поздравилъ съ предстоящимъ производствомъ. «Теперь придется вамъ немного отдохнуть», — сказалъ мнѣ адмиралъ.

«Я совершенно здоровъ, Ваше превосходительство, и въ отдыхѣ не нуждаюсь», — отвѣтилъ я почтительно, понимая прекрасно, что просто начальство хотѣло отдѣлаться отъ меня, весьма непріятнаго имъ человѣка, благодаря непосредственной близости къ Государю. «Я просто пошутилъ»,—но, къ сожалѣнію, нѣтъ вакансій командировъ, почему Вамъ и придется подождать назначенія». Къ сожалѣнію, такой курьезъ могъ быть только въ русскомъ флотѣ, когда офицера, прокомандовавшаго три года судномъ 2 ранга, производятъ за отличіе и оставляютъ безъ назначенія.

Тѣмъ болѣе я былъ удивленъ, когда на другой день командующій флотомъ предложилъ мнѣ принять въ командованіе вновь строющійся крейсеръ, на что, конечно, я изъявилъ свое полное согласіе и выразилъ благодарность. Извѣстно было, что на строющихся четырехъ сверхдредноутахъ и четырехъ крейсерахъ 1 ранга не

было еще командировъ, слѣдовательно, было по крайней мѣрѣ 8 вакантныхъ мѣстъ.

Несмотря на производство, мнѣ пришлось остаться командиромъ миноносца до конца января мѣсяца, когда прибылъ вновь назначенный командиръ, а я совершенно неожиданно для себя получилъ въ командованіе III дивизіонъ эскадренныхъ миноносцевъ, который одновременно былъ переведенъ изъ состава 1-ой минной дивизіи во вторую.

Такая перемѣна очень меня заинтересовала, такъ какъ никогда никто мнѣ не предлагалъ командованія дивизіономъ миноносцевъ, почему я постарался узнать ея причины. Оказалось, что Государь лично потребовалъ, чтобы Его флигель-адъютанты командовали плавающими частями, почему за неимѣніемъ вакантной должности плавающаго судна 1 ранга, меня назначили на дивизіонъ, что было почти равнозначущимъ. Приблизительно въ это время мнѣ пришлось съ удивленіемъ услышать о появленіи при Дворѣ темной личности въ лицѣ Распутина и о его вліяніи. Къ счастью моему, мнѣ ни разу не пришлось видѣть этого господина, а тѣмъ болѣе быть знакомымъ съ нимъ, что не мѣшало мнѣ, однако, продолжать пользоваться благоволеніемъ Государя.

Категорично подтверждаю, что Распутинъ, если и писалъ дѣйствительно свои записочки къ различнымъ министрамъ съ всевозможными просьбами, то только не къ морскому министру адмиралу Григоровичу и никакого вліянія во флотѣ не имѣлъ, вызывая среди чиновъ флота лишь отвращеніе. Слухи же о его близости ко Двору, о вліяніи на Императрицу, о чудесномъ исцѣленіи Наслѣдника Цесаревича во время кровотеченія все усиливались. Воспользовавшись моими пріятельскими отношеніями съ лейбъ-медикомъ Острогорскимъ, я лично спросилъ его, правдивъ ли разговоръ объ исцѣленіи Наслѣдника Распутинымъ. Острогорскій категорично опровергъ это, разсказавъ въ подробностяхъ,

какъ онъ лично оказывалъ помощь Наслѣднику и остановилъ кровь.

Послѣ всѣхъ частныхъ разслѣдованій для меня стало ясно, что въ дѣлѣ Распутина играетъ огромную роль Анна Александровна Вырубова, принимавшая постоянно послѣдняго у себя и дававшая, такимъ образомъ, возможность Императрицѣ встрѣчаться съ нимъ.

Въ это время въ обществѣ и печати начали усиленно говорить о неизбѣжности войны съ Германіей, которая совмѣстно съ Австріей ожидала лишь предлога для открытія военныхъ дѣйствій. Бывая ежемѣсячно цѣлыя сутки при Государѣ, обѣдая и завтракая съ Ихъ Величествами, мнѣ ни разу не приходилось слышать отъ Нихъ какихъ-либо опасеній на этотъ счетъ, такъ какъ, повидимому, Государь вѣрилъ въ благоразуміе Императора Вильгельма и его постоянныя подтвержденія о нежелательности войны. Лично Государь, конечно, былъ ярымъ противникомъ ея, понимая, какъ тяжело она сможетъ отозваться на странѣ, такъ мало къ ней подготовленной. Русская техника и промышленность еще не были достаточно развиты, армія не была развернута и снабжена всѣмъ необходимымъ, а во флотѣ только начиналась постройка новыхъ судовъ.

XII.

Ранней весной 1914 года III дивизіонъ перешелъ въ составъ 2-й минной дивизіи, базировавшейся на Свеаборгскій портъ (Гельсингфорсъ).

Начались плаванія по изученію шхеръ съ возвращеніемъ на субботу и воскресенье въ Гельсингфорсъ. Обычнымъ порядкомъ производились артиллерійскія и минныя стрѣльбы. Извѣстно было о предстоящемъ посѣщеніи Россіи Президентомъ Французской Республики и англійской крейсерской эскадры подъ командованіемъ адмирала Битти. Ничего не предвѣщало скораго начала общеевропейской войны.

Флотъ продолжалъ быть все въ томъ же составѣ, какъ былъ послѣ конца Японской войны. Несмотря на то, что прошло почти 9 лѣтъ, въ строй вошелъ одинъ быстроходный миноносецъ «Новикъ» и ожидалось вступленіе одного дредноута, почти законченнаго постройкой. Все остальное было еще на стапеляхъ или еще въ проектахъ.

При частыхъ разговорахъ среди морскихъ офицеровъ о возможности войны съ Германіей, обладавшей уже въ то время сильнымъ и новѣйшимъ флотомъ, становилась не яснымъ роль русскаго флота, который былъ ничтожествомъ передъ германскимъ. Было ясно одно и это сознавалось каждымъ, что всѣ исполнятъ свой долгъ до конца и погибнутъ геройски.

10-го іюля, когда III дивизіонъ находился въ Кронштадтѣ для пріема новыхъ самодвижущихся минъ, получено было радіо съ приказаніемъ всѣмъ судамъ идти на сборъ въ Ревель для предстоящихъ маневровъ. На другой день утромъ дивизіонъ былъ на Ревельскомъ рейдѣ, гдѣ засталъ уже почти весь дѣйствующій флотъ.

Явившись начальнику дивизіи, я узналъ, что предполагаются большіе маневры съ участіемъ абсолютно всѣхъ отрядовъ и судовъ, а на другой день съ измѣненіемъ общаго политическаго положенія было объявлено начальникамъ о возможности начала военныхъ дѣйствій и III дивизіонъ получилъ приказаніе идти въ дозоръ къ выходу изъ Финскаго залива для провѣрки всѣхъ входящихъ въ заливъ судовъ.

Съ момента начала войны командующій флотомъ получилъ большую самостоятельность и права командующаго Арміей, а также неограниченные военные кредиты, что дало возможность произвести немедленно много крупныхъ работъ по защитѣ Финскаго и Рижскаго заливовъ, входовъ въ шхеры, улучшить и увеличить число наблюдательныхъ постовъ, построить особую радіо-станцію, очистить шхерный проходъ для линейныхъ кораблей, углубить Моонъ-Зундскій проливъ и т. п., т. е. исполнить почти все то, о чемъ командованіе флотомъ ходатайствовало неоднократно до войны, но не могло получить необходимыхъ на это кредитовъ.

Спустя короткое время, видя разумныя распоряженія и принимаемыя мѣры командованіемъ, у всѣхъ чиновъ флота появилась полная увѣренность въ успѣхъ борьбы ничтожнаго русскаго флота съ первокласснымъ германскимъ, который, дѣйствительно, за всю войну не рискнулъ ни разу серьезной операціей въ Балтійскомъ и Финскомъ моряхъ.

Полученіе большей самостоятельности командующимъ флотомъ странно отразилось на морскихъ офицерахъ, имѣвшихъ счастье быть флигель-адъютантами Государя, и они въ кратчайшее время получили всевозможныя назначенія подальше отъ Балтійскаго флота. Въ строю оставался одинъ я, продолжая командованіе III дивизіономъ. Но и на меня скоро безъ всякихъ причинъ посыпались различныя немилости, отнюдь не вызванныя дѣйствіями моими личными или подчиненнымъ мнѣ дивизіономъ. Это послужило причиной подачи мною рапорта по начальству съ просьбой смѣнить меня съ занимаемой должности, ввиду нежеланія моего навлекать непріятности на командуемый мной дивизіонъ изъ-за личной непріязни высшаго командованія ко мнѣ. Представляя этотъ рапортъ командующему флотомъ, мой непосредственный начальникъ доложилъ, что не можетъ не согласиться съ его содержаніемъ, такъ какъ самъ очень доволенъ какъ службой дивизіона, такъ и моей лично, и удивленъ несправедливымъ отношеніемъ ко мнѣ. Результатомъ этого былъ выходъ приказа о моемъ назначеніи въ распоряженіе коменданта Ревельской крѣпости, которая носила названіе «крѣпости Императора Петра Великаго».

Въ ожиданіи пріѣзда моей смѣны я продолжалъ черезъ день выходить въ море, базируясь на бухту Л. въ финскихъ шхерахъ, по очереди съ 5-мъ дивизіономъ неся дозорную службу и постоянную борьбу съ непріятельскими подводными лодками, избравшими себѣ мѣ-

стомъ крейсированія выходъ изъ Финскаго залива въ Балтійское море.

Въ первые же дни послѣ объявленія войны для преграженія непріятельскому флоту входа въ Финскій заливъ было поставлено обширное минное загражденіе въ водномъ пространствѣ, впереди укрѣпленій крѣпости Петра Великаго и праваго фланга Свеаборгскихъ укрѣпленій, на которомъ и предполагалось, въ случаѣ попытки непріятеля войти въ Финскій заливъ, дать генеральное сраженіе.

Германскій флотъ такой попытки не дѣлалъ и, наоборотъ, по мало понятнымъ соображеніямъ поставилъ подъ прикрытіемъ мощной эскадры второе загражденіе поперекъ Финскаго залива, у самаго выхода въ Балтійское море, оставивъ лишь по проходу вдоль береговъ съ сѣвера и юга. Операція эта была произведена днемъ на виду нашихъ дозорныхъ судовъ, почему такое загражденіе никакой непосредственной опасности для русскаго флота не представляло и, вѣрнѣе, послужило помощью, облегчивъ наблюденіе и стѣснивъ дѣйствія непріятеля. На этомъ же загражденіи погибъ почти цѣликомъ отрядъ быстроходныхъ непріятельскихъ миноносцевъ, вошедшій въ Финскій заливъ для того только, чтобы выпустить нѣсколько снарядовъ по беззащитному маленькому городу, Балтійскому порту.

Въ отвѣтъ на это Балтійскій флотъ безпрерывно въ продолженіе всей войны, временами небольшими отрядами, имѣя на палубѣ мины загражденій, ходилъ къ непріятельскимъ берегамъ и выставлялъ минныя банки, на которыхъ неоднократно гибли германскія боевыя и транспортныя суда. Главнымъ образомъ, банки ставились на путяхъ сообщенія между портами, на подходахъ къ послѣднимъ и на открытыхъ рейдахъ. Операціи эти выполнялись флотомъ настолько удачно, съ такой изумительной точностью и быстротой, что ни разу ни одинъ отрядъ не былъ застигнутъ непріятелемъ во время постановки минъ и взрывы своихъ судовъ непріятель приписывалъ дѣйствіямъ подводныхъ лодокъ.

Одновременно съ прибытіемъ въ Балтійскій флотъ англійскихъ подводныхъ лодокъ, а затѣмъ вступленіемъ въ дѣйствующій флотъ нашихъ новаго типа, они энергично крейсировали на путяхъ сообщенія вдоль германскихъ береговъ, взрывая непріятельскія суда. Лодки стараго типа, не имѣющія такого большого раіона плаванія, успѣшно работали вдоль шведскихъ береговъ, прерывая подвозъ руды въ Германію.

Весной 1915 года флотъ былъ обрадованъ вступленіемъ въ строй 4-хъ дредноутовъ типа «Севастополь» и нѣсколькихъ миноносцевъ типа «Новикъ».

Въ январѣ мѣсяцѣ 1915 года, во исполненіе приказа командующаго флотомъ, я сдалъ командованіе дивизіономъ и собирался выѣхать въ Ревель, когда былъ потребованъ къ командующему флотомъ. Послѣдній заявилъ мнѣ, что вынужденъ былъ смѣнить меня съ дивизіона, такъ какъ я получаю особое назначеніе, во исполненіе Высочайшей Воли: сформировать изъ оставшихся на берегу матросовъ морскія пѣхотныя части. Исполненіе этого поручается мнѣ и впослѣдствіи я стану во главѣ этихъ частей.

На мой вопросъ, нужно ли исполнить приказъ и явиться въ Ревельскую крѣпость, командующій флотомъ вспылилъ и заявилъ, что такого приказа не было, а теперь будетъ приказъ о назначеніи моемъ въ его личное распоряженіе, что было для меня уже повышеніемъ, а не наказаніемъ, какъ предполагалось за мой рапортъ.

Благодаря этому мнѣ пришлось вскорѣ выѣхать въ Петербургъ въ Главный Морской Штабъ, гдѣ начать работу по формированію съ проведенія штатовъ будущихъ частей. Началось, конечно, недоразумѣніями, такъ какъ, по свѣдѣніямъ Главнаго Морского Штаба, свободныхъ матросовъ не оказалось, несмотря на то, что въ двухъ экипажахъ въ Кронштадтѣ и Петербургѣ было свыше 20 000 человѣкъ безъ назначенія.

Воспользовавшись моимъ пребываніемъ въ Петербургѣ, Военно-походная канцелярія назначила меня въ де-

журство при Государѣ и благодаря этому мнѣ пришлось послѣ долгаго перерыва снова провести сутки въ Царскомъ Селѣ въ непосредственномъ общеніи съ Ихъ Величествами. Вступивъ въ дежурство, я предполагалъ переговорить съ Его Величествомъ о моемъ неожиданномъ новомъ назначеніи, которое было мнѣ очень не по душѣ тѣмъ болѣе, что какъ бы удаляло меня отъ дѣйствующаго флота да еще во время войны. Случилось же иначе. Не успѣлъ я войти въ гостиную, гдѣ былъ накрытъ столъ для завтрака, на который я получилъ приглашеніе, какъ туда же вошелъ Государь, поздоровался со мной и поздравилъ съ новымъ назначеніемъ, сказавъ, что командующій флотомъ не могъ сдѣлать лучшаго выбора. Мнѣ оставалось только покориться и принести Его Величеству благодарность.

Не видавъ Ихъ Величествъ и Семью около 10 мѣсяцевъ, я поразился перемѣной, невольно бросившейся въ глаза. Государь и Императрица, отдавшая Себя всецѣло уходу за ранеными, имѣли очень усталый и озабоченный видъ, при чемъ Государь замѣтно постарѣлъ. Великія Княжны превратились въ взрослыхъ дѣвушекъ, по прежнему очаровательныхъ и простыхъ въ обращеніи. Наслѣдникъ Цесаревичъ сильно выросъ, возмужалъ и пересталъ шалить, какъ бывало раньше. Завтракъ и обѣдъ прошелъ въ семейномъ кругу тихо, съ оттѣнкомъ грусти и озабоченности, что немудрено при наличіи далеко не радостныхъ извѣстій съ театра войны.

Государь высказалъ мнѣ желаніе, чтобы я сформировалъ дивизію изъ матросовъ и подготовилъ бы ее къ десантнымъ операціямъ, которыя предполагались въ большомъ масштабѣ въ Черномъ морѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ благодаря этому прекратилась бы забота о массѣ свободныхъ матросовъ, жившихъ безъ дѣла въ казармахъ и подвергавшихся только свободной пропагандѣ.

Получивъ какъ бы одобреніе и благословеніе Государя, я энергично принялся за дѣло и немедленно выѣхалъ въ Кронштадтъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ, было очень много лишнихъ матросовъ.

Главный командиръ Кронштадта вице-адмиралъ Виренъ встрѣтилъ меня весьма нелюбезно, заявивъ, что у него свободныхъ матросовъ нѣтъ, а, наоборотъ, чувствуется недостатокъ въ людяхъ. Чтобы не быть голословнымъ, онъ приказалъ собрать въ штабъ порта командировъ экипажа и полуэкипажа, которые могли бы сами пояснить мнѣ невозможность дать людей. Объясненія, данныя мнѣ послѣдними, не выдерживали никакой критики и показали мнѣ только, какъ трудно имѣть дѣло съ непонимающими людьми. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ убѣдить командира полуэкипажа отдать хотя бы часть людей, что дало возможность сформировать лишь одинъ баталіонъ. Думаю, что впослѣдствіи кронштадтское начальство горько раскаивалось въ своемъ непонятномъ упорствѣ, когда послѣ революціи распропагандированные матросы замучили ихъ до смерти. Второй баталіонъ удалось набрать въ Ораніенбаумѣ изъ рядовъ Учебной Стрѣлковой команды и третій изъ 2-го Балтійскаго экипажа, расположеннаго въ Петербургѣ. Это былъ весь результатъ моихъ энергичныхъ хлопотъ и настаиваній. Такъ отнеслись береговыя учрежденія флота къ Высочайшей Волѣ.

Все формированіе вылилось въ Отдѣльную Морскую бригаду четырехбаталіоннаго состава, полагающагося по штату, но имѣвшая налицо лишь три баталіона.

По окончаніи формированія бригада была направлена на острова Моонъ-Зундской позиціи, гдѣ до этого не было никакихъ войскъ, кромѣ пограничной стражи, и острова были совершенно открыты для любыхъ дѣйствій непріятеля, между тѣмъ какъ они имѣли огромное значеніе по своему положенію, прикрывая входы въ Рижскій и Финскій заливы. По приказанію Ставки Верховнаго, обратившей вниманіе на небольшой составъ бригады, когда предполагалась возможность сформировать изъ свободныхъ матросовъ не менѣе

дивизіи, мнѣ начали присылать пополненія, что дало возможность въ скоромъ времени сформировать четвертый баталіонъ, а затѣмъ и развернуть баталіоны въ полки двухбаталіоннаго состава.

Въ это время къ всеобщему горю умеръ достойный командующій Балтійскимъ флотомъ адмиралъ фонъ Эссенъ и командованіе было вручено вице-адмиралу Канину, бывшему прямой противоположностью покойному. По своему характеру адмиралъ Канинъ былъ кабинетнымъ работникомъ, обладалъ отличными техническими знаніями и абсолютно никакими данными для командованія большими боевыми соединеніями. Балтійскій флотъ началъ быстрыми шагами идти къ развалу, что чувствовалось и сознавалось каждымъ. Тутъ весьма наглядно и ярко сказалась неправильность прохожденія службы офицерами въ мирное время, когда повышенія получали не офицеры, нужные для флота, а лишь тѣ, которые съ одной стороны умѣли угождать начальству, а съ другой стороны умѣли во время пройти необходимый стажъ.

Для меня настало весьма тяжелое время, такъ какъ пѣхотная бригада была новостью для хозяйственныхъ органовъ морского вѣдомства, а сухопутное не признавало ее, и за смертью адмирала Эссена мнѣ пришлось лично добиваться признанія за бригадой правъ на существованіе, питаніе и снабженіе. Было очень легко при личномъ свиданіи добиться отъ новаго командующаго флотомъ согласія на ту или другую мѣру, но добиться выполненія ея подлежащими органами было очень трудно, такъ какъ приказанія командующаго просто игнорировались или стремились въ крайнемъ случаѣ къ ихъ отмѣнѣ.

Приходилось много времени проводить въ Ревелѣ у коменданта крѣпости Петра Великаго, которому была подчинена Моонъ-Зундская позиція и тратить энергію на безплодныя доказательства необходимости той или другой мѣры или распоряженія человѣка, у котораго рѣшеніе зависѣло отъ его расположенія духа или отъ

вліянія на него помощниковъ. Одновременно и въ бригадѣ было не мало работы, такъ какъ флотъ снабдилъ полки бригады офицерами, часто протестованными за какія-либо проступки, а полками командовали такъ называемые офицеры по адмиралтейству изъ бывшихъ пѣхотныхъ офицеровъ, которые отъ пѣхоты отстали и къ флоту не подошли. Нельзя не остановиться здѣсь на одной чертѣ русскаго характера, приносившей всегда много зла, а во время войны въ особенности.

Отдѣльная Морская пѣхотная бригада возникла по Высочайшему повелѣнію согласно доклада, сдѣланнаго командующимъ флотомъ и командующимъ VI арміей, требовавшаго примѣненія къ дѣлу свободныхъ матросовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доказывавшаго необходимость для флота формированія морской пѣхоты. Въ начальники ея я былъ назначенъ не по моему желанію, а скорѣе даже противъ, но, ставъ во главѣ части, конечно, желалъ добиться всѣхъ правъ на ея существованіе и доведенія ея до наилучшаго состоянія. Вотъ въ этомъ-то я и встрѣчалъ препятствія на каждомъ шагу и почти отъ каждаго начальника, отъ котораго была хоть какая-либо зависимость.

Между тѣмъ военныя событія шли своимъ чередомъ и фронтъ непріятеля приблизился къ Ригѣ, занявъ весь Курляндскій берегъ. Острова Моонъ-Зунда начали пріобрѣтать еще большее значеніе и гарнизонъ былъ усиленъ присылкой одной бригады пѣхоты. Теперь уже оборона острововъ была поставлена болѣе или менѣе правильно и непріятель не могъ занять ихъ врасплохъ. Но тогда появилось другое зло, исходившее уже отъ командованія флотомъ, начавшаго требовать отъ бригады отдачи матросовъ на новыя формированія во флотѣ, совершенно забывая о массѣ свободныхъ матросовъ въ Кронштадтѣ и Петербургѣ. Ставка Верховнаго Главнокомандующаго, не только не допускавшая мысли о расформированіи бригады, но требовавшая ея развертыванія въ дивизію, отдала приказаніе пополнить убыль въ бригадѣ ратниками ополченія. Постепенно бригада

стала смѣшанной изъ матросовъ и солдатъ и, повидимому, судя по потребностямъ флота, долженъ былъ наступить моментъ полной замѣны матросовъ солдатами.

Моментъ такой наступилъ сейчасъ же послѣ смѣны командующихъ Балтійскимъ и Черноморскимъ флотомъ и замѣнѣ ихъ новыми молодыми и энергичными адмиралами Непенинымъ и Колчакомъ. Послѣдній не только потребовалъ морскую бригаду въ свое распоряженіе, но испросилъ разрѣшеніе Ставки на развертываніе ея въ дивизію и формированіе такой же дивизіи въ Черномъ морѣ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1916 года я получилъ приказаніе о немедленной погрузки бригады въ поѣзда для слѣдованія въ городъ Николаевъ, гдѣ бригада должна была развернуться въ дивизію, и объ передачѣ во флотъ всѣхъ матросовъ, находящихся въ бригадѣ. Никакія мои доказательства о невыполнимости одновременно обоихъ приказаній безъ цѣлаго ряда тяжелыхъ недоразумѣній не имѣли успѣха, и мнѣ пришлось при проходѣ полковъ черезъ Гапсаль, гдѣ была посадка въ вагоны, отдавать изъ нихъ матросовъ, бросая ихъ въ Гапсалѣ почти что на произволъ судьбы, такъ какъ отъ флота не было никакой организаціи, которая могла бы принять матросовъ и разослать ихъ по новымъ формированіямъ.

Благодаря этому въ городъ Николаевъ прибыла не бригада, а жалкіе остатки ея.

Лично я былъ вызванъ въ Ставку по пути и остался въ ней на 3 сутокъ, проведя ускореннымъ порядкомъ новые штаты уже для отдѣльной дивизіи.

Съ волненіемъ ѣхалъ я въ Ставку, гдѣ надѣялся видѣть Государя, котораго я не видѣлъ уже около года. Развалъ, творящійся повсюду, вакханалія спекуляціи и разгула въ Петербургѣ, сплетни и слухи, возмутительныя рѣчи въ Думѣ — все это мучительно отзывалось въ моей душѣ и я болѣлъ за Своего Державнаго Вождя, горя желаніемъ видѣть Его и познакомиться съ окружающими Его лицами.

Поѣздъ подошелъ къ Могилеву часовъ около 11 утра. Выйдя на перронъ, я замѣтилъ какую-то группу встрѣчающихъ около послѣдняго вагона нашего поѣзда. Оказалось, въ концѣ поѣзда шелъ вагонъ министра внутреннихъ дѣлъ Протопопова. Захотѣлось взглянуть на эту личность, пользующуюся уже далеко неважной славой, и я остался на перронѣ, ожидая прохода всей группы мимо меня. Смотрѣлъ я на приближающихся людей и не могъ понять, гдѣ самъ министръ, такъ какъ вся группа состояла исключительно изъ военныхъ. При приближеніи ея я понялъ, что г-нъ министръ изъ лѣвыхъ октябристовъ изволилъ шествовать въ мундирѣ жандармскаго генерала. Для меня одного этого было достаточно, чтобы отнестись къ нему уже съ полнымъ недовѣріемъ. По своей должности онъ имѣлъ право на этотъ мундиръ и, понятно, въ извѣстныхъ случаяхъ обязанъ былъ носить его, но не во время поѣздки съ докладомъ къ Государю.

Явившись Начальнику Военно-морского Верховнаго Штаба и его флагъ-капитанамъ, я былъ пораженъ простотой полученія приглашенія къ Высочайшему столу, такъ какъ такого отъ гофмаршальской части я не получилъ, а просто было сообщено по телефону, что я буду обѣдать. Завтракать же пошли въ Штабную столовую, гдѣ я имѣлъ случай познакомиться съ Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго генералъ-адъютантомъ Алексѣевымъ и его ближайшими сотрудниками. Грустное впечатлѣніе произвелъ на меня худой болѣзненный генералъ, въ рукахъ котораго была сосредоточена чуть-ли не вся полнота власти. Мало было вѣры въ его мощь и размахъ.

Послѣ завтрака я нанесъ визитъ въ походную Его Величества канцелярію и флагъ-капитану Его Величества Нилову, отъ котораго узналъ тяжелыя новости. По его словамъ, кругомъ царила измѣна и что Государь окруженъ людьми недостойными или неподходящими. Къ сожалѣнію, это было близко къ истинѣ, такъ

какъ дворцовымъ комендантомъ былъ опытный царедворецъ генералъ Воейковъ, а начальникомъ походной канцеляріи очень симпатичный, но съ величайшими странностями человѣкъ полковникъ Нарышкинъ. Не было ни смѣлаго и рѣшительнаго князя Орлова, ни правдиваго и трудолюбиваго полковника Дрентельна.

Въ 8 часовъ состоялся Высочайшій обѣдъ, во время котораго я имѣлъ счастье сидѣть почти противъ Государя и видѣть Его безпрерывно. За обѣдомъ былъ также и министръ внутреннихъ дѣлъ Протопоповъ, котораго во все время обѣда безпрерывно высмѣивали Великіе Князья Георгій и Сергѣй Михайловичъ.

По окончаніи обѣда Государь долго и милостиво разспрашивалъ меня во всѣхъ подробностяхъ о бригадѣ, ея нуждахъ, положеніи и т. д., пожелавъ успѣшнаго формированія и скораго выхода на фронтъ.

Простившись съ Государемъ, я поѣхалъ съ генералъ-адъютантомъ Ивановымъ, бывшимъ Главнокомандующимъ Юго-западнаго фронта, къ нему въ вагонъ, гдѣ провелъ вечеръ въ мирной бесѣдѣ на текущія дѣла. Опять пришлось выслушать много жалобъ на Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, на окруженіе Государя, на принятіе неправильныхъ рѣшеній и т. п.

Слѣдующій день я провелъ за работой и въ посѣщеніи различныхъ лицъ Ставки для полученія отъ нихъ необходимаго снабженія для дивизіи и, нужно отдать справедливость, всюду получалъ полное содѣйствіе.

На третій день, получивъ утвержденные штаты и выяснивъ всѣ подробности, позавтракавъ за Высочайшимъ столомъ и простившись съ Государемъ, я уѣхалъ въ Николаевъ, куда прибывали въ это время послѣдніе эшелоны бригады.

Изъ Николаева, по размѣщеніи частей дивизіи, мнѣ пришлось проѣхать въ Севастополь для явки новому начальнику, командующему Черноморскимъ флотомъ, вице-адмиралу Колчаку, моему школьному товарищу и другу дѣтства. За нѣсколько дней до моего пріѣзда

произошелъ кошмарный взрывъ и гибель дредноута «Императрица Марія», удручающе подѣйствовавшихъ на адмирала Колчака. Засталъ его совершенно убитымъ такой потерей и очень недовольнымъ порядками, царившими въ Черноморскомъ флотѣ, къ которому мы, офицеры Балтійскаго флота, всегда относились критически, зная по опыту прошлаго, что флотъ, стоящій почти все время въ своей основной базѣ, не можетъ быть на должной высотѣ, такъ какъ береговые интересы въ концѣ концовъ перетягиваютъ.

Вернувшись въ Николаевъ, мнѣ пришлось вложить массу энергіи для быстрѣйшаго развертыванія дивизіи и обученія ея чиновъ, а также полученія снабженія. Послѣднее было въ особенности трудно, такъ какъ господа интенданты смотрѣли на это дѣло своеобразно, заботясь лишь о пополненіи магазиновъ, а не частей, которымъ они зачастую отказывали въ самомъ необходимомъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ, когда главный интендантъ Одесскаго округа, имѣвшій телеграфное приказаніе отъ Ставки о снабженіи дивизіи всѣмъ необходимымъ, долго и упорно отказывался выполнить это, заставивъ меня обратиться къ угрозамъ донести о его дѣйствіяхъ въ Ставку. Это заставило его приступить къ выполненію моихъ законныхъ требованій, но за мою настойчивость и строптивость была придумана имъ тончайшая пытка, выражавшаяся въ томъ, что, хотя въ г. Николаевѣ цѣлая площадь была заставлена повозками и двуколками разныхъ видовъ, для моей дивизіи былъ данъ нарядъ на какой-то заводъ не то въ Тулѣ, не то въ Калугѣ, откуда пришлось принимать съ большимъ запозданіемъ. Приходили лошади изъ Сибири, а повозокъ не было. Такъ было на каждомъ шагу и даже въ пустякахъ. Каждый мелкій чиновникъ старался думать не объ облегченіи, а объ затрудненіяхъ, доходя въ этомъ направленіи до виртуозности. Главное затрудненіе я встрѣтилъ въ полученіи упряжи для артиллеріи, на заказъ которой мнѣ были переведены деньги Главнымъ Морскимъ Хозяйствен-

нымъ Управленіемъ. Ни одинъ изъ органовъ снабженія по артиллерійской части не взялся снабдить дивизію и пришлось самому изыскивать способъ ея полученія, для чего командировать офицеровъ на мѣста изготовленія. Отъ одного изъ посланныхъ я получилъ, наконецъ, донесеніе, что лучшій упряжной заводъ въ Москвѣ, обязанный поставлять все исключительно Главному Артиллерійскому Управленію, согласенъ продать мнѣ все требуемое, если будетъ приплачена нѣкоторая сумма. Пришлось согласиться на это. Словомъ, за половину октября, весь ноябрь и первые дни декабря дивизіи удалось сдѣлать 2 выпуска унтеръ-офицеровъ, обучить ратниковъ ополченія, сбить роты и баталіоны. Оставалось сдѣлать полковыя и дивизіонныя ученія и дополучить снабженіе, когда я снова былъ вызванъ въ Ставку, какъ оказалось, для обсужденія вопроса возможности выступленія немедленно на фронтъ хотя бы одной бригады. Изложивъ полностью доводы, дѣлающіе невозможнымъ это выступленіе и доказавъ, что вина неготовности дивизіи ложится, главнымъ образомъ, на снабжающіе органы, такъ какъ люди, лошади и все остальное снабженіе все время опаздывало, несмотря на мои самыя энергичныя требованія, я получилъ подтвержденіе о необходимости выждать полной готовности дивизіи.

Сдѣлалъ визитъ флагъ-капитану Нилову и засталъ его въ отчаяніи. Глубоко преданный Государю адмиралъ хватался за голову и твердилъ безпрерывно: «Все кончено. Мы погибли. Измѣна кругомъ, никто Государя больше не слушаетъ и нѣтъ человѣка, который смогъ бы доложить объ этомъ Его Величеству и убѣдить Его въ этомъ». На мой вопросъ, что же дѣлаютъ люди, окружающіе Государя, Ниловъ отвѣтилъ: «Изъ всѣхъ окружающихъ одинъ лейбъ-медикъ Федоровъ честный человѣкъ, но онъ докторъ».

Ушелъ отъ Нилова съ отчаяніемъ въ душѣ, сознавая правдивость словъ адмирала, доказательства чему были чуть ли не на каждомъ шагу.

За обѣдомъ Государь встрѣтилъ меня, какъ всегда, милостиво, но съ первыхъ же словъ я замѣтилъ огромную въ немъ наружную перемѣну. Онъ сильно постарѣлъ и осунулся. Сидя почти напротивъ Его Величества и не спуская глазъ съ Него, я не могъ не обратить вниманія на страшную Его нервность, чего ранѣе никогда не было. Видно было, что у Государя тяжело на душѣ и что Ему плохо удается скрыть отъ окружающихъ свое волненіе.

Послѣ обѣда Государь долго и подробно разспрашивалъ меня о положеніи въ дивизіи и, отпуская, повелѣлъ доложить Начальнику Морского Генеральнаго Штаба, чтобы дивизіи дали бы еще по крайней мѣрѣ мѣсяцъ времени на окончательную подготовку. Это было 15 декабря 1916 года. Повелѣніе Государя я немедленно передалъ вице-адмиралу Русину, который на это отвѣтилъ мнѣ: «Вполнѣ понимаю Государя и Васъ, но что мы сможемъ сдѣлать, когда Ставка просто прикажетъ Вашей дивизіи выступить, не считаясь ни съ чѣмъ, и Вамъ придется выступить».

Вернувшись черезъ трое сутокъ къ дивизіи, я засталъ приказъ выступить на фронтъ съ дивизіей и занять участокъ Дунайскихъ гирлъ, оставленныхъ совершенно свободными при отступленіи изъ Добруджи сухопутныхъ частей.

Только благодаря несвоевременной подачѣ транспортовъ для перевозки моремъ, дивизія задержалась невольно до конца декабря, когда, посаженная на суда, отправилась въ устье Дуная, а я переѣхалъ въ Одессу для свиданія съ начальникомъ снабженій, вновь организованнаго Румынскаго фронта, для выясненія вопросовъ по снабженію дивизіи.

Боевой участокъ, данный моей дивизіи, представлялъ изъ себя низину, всю заросшую камышами и покрытую водой съ небольшими песочными островками, съ рѣдкой растительностью. Мѣстные жители строили дома на сваяхъ и сообщались шлюпками. При рытьѣ окоповъ на глубинѣ одного аршина появлялась вода, почему

насыпи приходилось дѣлать искусственными. Сообщеніе между участками поддерживалось по водѣ и такимъ же образомъ шло все снабженіе.

Самый тяжелый участокъ былъ противъ г. Тульчи, гдѣ рукавъ рѣки дѣлалъ излучину, почему наша позиція подвергалась продольному обстрѣлу, и кромѣ того, нашъ берегъ былъ совершенно плоскій съ рѣдкими деревьями, а непріятельскій возвышенный. Штабъ расположился въ городѣ Сулинѣ, построенномъ на пескѣ при впаденіи Сулинскаго мореходнаго канала въ море. Весь городъ состоялъ изъ дворца Международной компаніи, вѣдавшей до войны Сулинскимъ каналомъ, и нѣсколькихъ десятковъ деревянныхъ домовъ. Вскорѣ, ввиду подчиненія меня Командарму VI арміи, пришлось перенести штабъ въ г. Измаилъ, дабы быть въ постоянной связи со штабомъ арміи и не находиться на крайнемъ лѣвомъ флангѣ всей позиціи.

Боевыя силы участка состояли изъ отдѣльной Морской Балтійской пѣхотной дивизіи, береговыхъ батарей съ орудіями, снятыми съ судовъ, плавучихъ батарей, 2-хъ канонерскихъ лодокъ и 4-хъ миноносцевъ и всего Румынскаго флота. Въ моемъ же распоряженіи находились всѣ баржи и около 90 буксирныхъ пароходовъ.

Волей судебъ пришлось мнѣ, морскому офицеру, стать сухопутнымъ начальникомъ и познакомиться съ крупной военной организаціей — Штабомъ Арміи... Воспитанный во флотѣ со всѣми его особенностями, я чувствовалъ на первыхъ порахъ себя немного дико, удивляясь порядкамъ въ Арміи. Во флотѣ все живетъ сигналомъ или радіо. Достаточно адмиралу поднять нѣсколько сигнальныхъ флаговъ, имѣющихъ значеніе какого-нибудь приказанія, чтобы эскадра начала бой или отступила, словомъ выполнила бы все безпрекословно. Въ Арміи же все должно быть написано на бумагѣ и скрѣплено соотвѣтственными подписями, безъ чего ни одинъ подчиненный не сдѣлаетъ шага, хотя бы обстановка и вынуждала бы его къ принятію какого-либо рѣшенія.

Во флотѣ, если мнѣ нужно спросить что-либо у начальника, то достаточно передать ему мой запросъ по семафору и получить такимъ же способомъ отвѣтъ, равносильный документу. Въ Арміи же мало говорить по телефону непосредственно съ начальникомъ и слышать его голосъ, на все нужно получить еще и письменное приказаніе. Во флотѣ начальника можно видѣть ежечасно, для чего достаточно перебраться на шлюпкѣ къ нему на корабль. Въ Арміи это не такъ просто.

По переходѣ штаба участка въ г. Измаилъ, я выѣхалъ на автомобилѣ въ городъ Болградъ, гдѣ находился штабъ Арміи. До завтрака я успѣлъ познакомиться съ начальникомъ штаба, генералъ-квартирмейстеромъ и дежурнымъ генераломъ. Командармъ каждое утро ѣздилъ верхомъ, почему до завтрака видѣть его было невозможно. За завтракомъ собрался весь штабъ и я увидѣлъ впервые за столомъ такое количество офицеровъ разныхъ чиновъ, что хватило бы чуть ли не на замѣщеніе должностей цѣлой дивизіи. Во время ѣды служебные разговоры не допускались. Послѣ завтрака Командармъ очень любезно назначилъ мнѣ пріемъ въ 8 часовъ вечера, благодаря чему мнѣ пришлось остаться ночевать въ Болградѣ и познакомиться съ частной жизнью чиновъ Штаба. Всѣ чины штаба были размѣщены по обывательскимъ квартирамъ соотвѣтственно чину и положенію. Многіе были съ семьями и жили какъ въ мирное время. Въ городскомъ скверѣ играла военная музыка, гуляла публика, процвѣталъ флиртъ, игра въ карты и т. п. развлеченія самаго мирнаго времени.

Начальникъ штаба — красавецъ мужчина и большой Донъ-Жуанъ заходилъ въ штабъ на короткое время слегка ознакомиться съ текущими дѣлами, а остальное время проводилъ въ ухаживаніи за сестрами милосердія. Штабъ работалъ, какъ въ мирное время, занимаясь безконечной перепиской, отпиской и т. д. и сводкой всевозможныхъ донесеній. Послѣднихъ было без-

конечно много. Отъ штаба моей дивизіи потребовали доносить три раза въ день по особой таблицѣ о числѣ штыковъ въ полкахъ, отдѣльно отъ ружей и вмѣстѣ съ ружьями, о числѣ гранатъ различныхъ системъ, снарядовъ и т. п., что было практически абсолютно безполезно и только отнимало время у чиновъ штаба, и требовало назначенія для этого спеціальныхъ писарей.

Вотъ почему штабы никогда не довольствовались чинами, положенными по штату, а всегда имѣли много прикомандированныхъ.

Во флотѣ все было иначе. Штабъ размѣщался на боевомъ кораблѣ. Каюта каждаго чина штаба служила ему и канцеляріей. Писаря размѣщались въ судовой канцеляріи, т. е. спеціально отведенномъ помѣщеніи подъ канцелярію со времени постройки корабля. Ни одинъ начальникъ не могъ причислить къ своему штабу кого-либо сверхъ штата. Все сношеніе шло по радіо, семафору или сигналами флагами. Одинъ разъ въ день отдавали приказъ, гдѣ помѣщались лишь назначенія, перемѣщенія и т. п. Вся организація была много проще и доступнѣе для каждаго, имѣющаго какое-либо дѣло къ штабу. Что же касается дамъ, то онѣ допускались на корабли только въ мирное время при пріемахъ, устраиваемыхъ не отдѣльными личностями, а каютъ-кампаніей, т. е. всѣмъ составомъ корабля.

Находясь въ Измаилѣ и имѣя въ штабѣ участка прямой проводъ со Штабомъ Арміи, такъ же какъ и телефонъ, я много разъ пытался говорить съ Начальникомъ Штаба или Генералъ-Квартирмейстеромъ и почти всегда получалъ отвѣтъ, что лица эти вышли на прогулку.

Такъ работалъ Штабъ Арміи въ Великую Европейскую войну.

Незамѣтно прошли два мѣсяца въ подготовкѣ общаго наступленія весной, когда всѣ мысли и силы были направлены къ точнѣйшей разработкѣ плана перехода войскъ черезъ Дунай.

Одновременно шли мелкія операціи на всемъ фронтѣ, всегда успѣшныя для насъ. Работы было такъ много, что не было времени интересоваться чѣмъ бы то ни было внѣ своего участка и задачъ, связанныхъ съ нимъ. Поѣздки по участку отнимали также много времени, такъ какъ ввиду его растянутости приходилось тратить не менѣе трехъ дней, а за это время накоплялось много кабинетной работы.

Не было буквально никакихъ признаковъ надвигавшейся революціи, о которой никто и не думалъ, когда неожиданно ураганомъ влетѣлъ ко мнѣ въ кабинетъ блѣдный начальникъ штаба и подалъ зловѣщія телеграммы отъ командующаго флотомъ съ извѣстіемъ объ отреченіи Государя и передачѣ Престола Великому Князю Михаилу Александровичу. Телеграмма была составлена въ туманныхъ выраженіяхъ и изъ нея можно было ясно понять лишь фактъ отреченія и вступленія на Престолъ новаго Императора. Поэтому немедленно войска участка были приведены къ присягѣ на вѣрность Государю Императору Михаилу Александровичу. Всюду царилъ полный порядокъ, но чувствовалась какая-то общая подавленность, какъ будто передъ грозой.

Получился по телеграфу текстъ отреченія и послѣдній Высочайшій приказъ по Арміи, гдѣ Государь приказывалъ подчиниться новой власти. А какой — не было понятно. Пришло, наконецъ, отреченіе Великаго Князя Михаила Александровича и спуталось все. Абсолютно невозможно было понять, кому перешла вся полнота Верховной власти, и стало ясно, что наступила гибель.

Хотѣлъ бы я знать, что думали и какъ рисовали себѣ дальнѣйшее устроители революціи и отреченія Государя. Повидимому, имъ все казалось какимъ-то праздникомъ, на которомъ они будутъ играть первенствующія роли, заливаясь красивыми рѣчами передъ плачущей отъ счастья толпой. Какъ подумаешь, что устроителями этой «безкровной революціи» были не гимназисты, гимназистки и студенты, неопытная безусая молодежь, а маститые генералы, государственные дѣятели и предсѣдатель Государственной Думы, то дѣлаются совер-

шенно непонятными ихъ близорукость и незнаніе русскаго народа.

Какъ же правъ былъ Государь, когда относился къ нимъ всѣмъ съ недовѣріемъ и какъ трудно было Государю дѣлать выборъ своихъ помощниковъ, когда не было кругомъ людей.

Еще хуже! Въ этомъ кошмарномъ дѣлѣ убѣжденія Государя отречься и въ сочувствіи революціи приняли участіе и Великіе Князья.

На мой боевой участокъ, далекій отъ агитаторовъ и отъ большихъ центровъ, съ трудомъ проникали различныя сенсаціонныя новости, почему все текло сравнительно спокойно и вся полнота власти оставалась по прежнему у меня въ рукахъ.

Къ сожалѣнію, началась получаться изъ Ставки Верховнаго Главнокомандующаго преступная литература въ видѣ всевозможныхъ телеграммъ провокаціоннаго характера со странными запросами, вродѣ мнѣній начальниковъ о той или другой мѣрѣ, предположенной ввести въ войскахъ. Телеграфисты, конечно, прочитывали ихъ первыми и немедленно сообщали ихъ въ войска и комитеты. Получалось впечатлѣніе, что Верховное Главнокомандованіе перестало быть таковымъ, а являлось лишь передаточной инстанціей изъ революціоннаго центра, который всячески стремился развратить войска и разложить фронтъ.

Въ серединѣ марта я понялъ ясно, что все погибло и что никакія силы не удержатъ войска въ порядкѣ и не вернутъ ихъ въ прежнее состояніе, разъ развалъ начинается сверху, а не снизу.

Начальники всѣхъ степеней перестали дѣлать свое дѣло, отдавая все свое время на заигрываніе съ солдатами, переговоры съ комитетами, на выборы делегатовъ на всевозможные съѣзды и т. п.

Въ Штабѣ VI Арміи началась полная вакханалія и каждый стремился использовать время, чтобы получше устроиться и быть выбраннымъ на лучшій постъ. Въ Болградѣ всѣ прогуливались съ красными бантами на

груди и каждый старался перещеголять одинъ другого размѣрами ихъ. А я продолжалъ ходить съ вензелями Государя на погонахъ и съ золотымъ аксельбантомъ, не получая приказа объ отмѣнѣ свиты. Явилась ко мнѣ какъ-то нѣкая большая персона изъ военно-медицинскаго міра для изученія способовъ борьбы съ тифомъ или холерой и, увидавъ меня въ свитской формѣ, прямо таки остолбенѣла. «Какъ можете Вы такъ рисковать, — сказалъ этотъ профессоръ, — въ Петербургѣ Васъ разорвали бы на части». Я же спокойно ходилъ по улицамъ Измаила, ежедневно бывалъ въ штабѣ, посѣщалъ части и никто изъ моихъ подчиненныхъ не дерзнулъ оскорбить меня или нарушить дисциплину. И въ ввѣренныхъ мнѣ частяхъ было спокойно и только служба замѣтно ослабла.

Насталъ день, когда я пришелъ къ убѣжденію, что дальше служить становится невозможнымъ или, вѣрнѣе, что я просто не подхожу подъ новые порядки, и я рѣшилъ поѣхать къ Командарму съ просьбой объ отчисленіи меня отъ должности. Генералъ Цуриковъ долго убѣждалъ меня о необходимости подчиниться новымъ правиламъ, увѣряя, что все скоро войдетъ въ норму и всѣ привыкнутъ къ новымъ порядкамъ. Въ концѣ концовъ послѣ долгихъ дебатовъ Командармъ согласился уволить меня въ мѣсячный отпускъ, по окончаніи котораго я обѣщалъ ему больше не возвращаться.

Мучительно хотѣлось знать, что съ Государемъ и Его Семьей, а въ далекій Измаилъ не доходили никакія извѣстія, кромѣ вздора.

Вернувшись изъ штаба съ отпускнымъ билетомъ въ карманѣ, я собралъ отрядный комитетъ и сказалъ ему нѣсколько правдивыхъ словъ, объявивъ, что при создавшейся обстановкѣ, какъ честный солдатъ, я служить не могу и что скоро они увидятъ воочію, какимъ развалом все кончится. Поэтому, я уѣзжаю въ отпускъ, изъ котораго больше не вернусь. Изъ комитета я вышелъ на улицу, сопровождаемый криками «ура», сѣлъ въ автомобиль и уѣхалъ въ немъ въ Одессу, съ мыслью

слѣдовать на немъ до Севастополя, гдѣ мнѣ хотѣлось переговорить съ адмираломъ Колчакомъ, бывшимъ моимъ начальникомъ и другомъ дѣтства.

Въ Одессѣ я собственными глазами увидѣлъ завоеванія революціи и создавшійся во всѣхъ областяхъ хаосъ. Между прочимъ, въ Одесскомъ совѣтѣ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ обсуждался чей-то запросъ о старорежимномъ порядкѣ въ г. Измаилѣ и въ отрядѣ обороны устьевъ и гирлъ Дуная, а также докладъ какого-то депутата о моемъ пріѣздѣ въ Одессу и моихъ разъѣздахъ по городу въ автомобилѣ и стрѣльбѣ съ него по народу.

Теперь смѣшно вспоминать объ этомъ, но тогда это пахло кровью и, если я не былъ арестованъ немедленно по такому вздорному обвиненію, то только благодаря предсѣдателю совѣта, моему личному другу еще съ дѣтскихъ временъ.

Мой пріѣздъ совпалъ съ посѣщеніемъ города двумя маститыми дѣятелями революціи, господами Керенскимъ и Гучковымъ, которые говорили рѣчи безъ конца, надѣясь кого-то уговорить, и увѣряли, что скоро все будетъ хорошо, а революціонная армія, освобожденная отъ гнета тирана, покажетъ чудеса героизма. Какія жалкія личности и какъ я счастливъ, что судьба не столкнула меня съ ними.

Въ Одессѣ же я узналъ впервые, что Государь и вся Семья находятся въ Царскомъ, какъ бы арестованными, и что предполагается вывозъ Ихъ за границу. Если бы это удалось сдѣлать г-ну Керенскому, то вѣрю, что многіе честные русскіе простили бы ему прегрѣшенія передъ Родиной.

Насладившись вдоволь видомъ «безкровной революціи», я выѣхалъ на автомобилѣ дальше черезъ Николаевъ на Севастополь, но ввиду разлива Днѣпра переправа черезъ него была прервана. Пришлось снова вернуться въ Одессу, отпустить автомобиль въ Измаилъ, а самому на военномъ транспортѣ идти въ Севастополь.

Здѣсь я засталъ полную растерянность. Кое-какъ сдерживалъ всѣхъ адмиралъ Колчакъ, пользовавшійся огромнымъ авторитетомъ.

Мое появленіе въ штабѣ произвело сенсацію и отъ меня сторонились, какъ отъ зачумленнаго. Къ адмиралу меня просто таки не пустили, увѣряя, что онъ очень занятъ. И. д. начальника штаба на мое предложеніе назначить меня на какой-нибудь постъ по флоту, откровенно отвѣтилъ, что это было бы очень желательно, но при настоящей обстановкѣ совершенно невозможно. Не желая смущать чиновъ штаба своей контръ-революціонной фигурой, я покинулъ штабъ, а вечеромъ отправился къ адмиралу Колчаку на квартиру, гдѣ послѣ обѣда мирно съ нимъ бесѣдовалъ. Онъ прибылъ только что изъ Петрограда, познакомившись лично со всѣми членами Правительства и дѣятелями революціи, а также съ положеніемъ дѣлъ. Впечатлѣніе у него создалось кошмарное.

О Государѣ и Его Семьѣ онъ зналъ мало, но сообщилъ, что Они находятся въ полной безопасности въ своемъ дворцѣ въ Царскомъ. Лично мнѣ онъ запретилъ ѣхать въ Петроградъ, гдѣ шайки убійцъ бродили по квартирамъ и приканчивали разныхъ лицъ, руководясь списками, и мы совмѣстно рѣшили вопросъ объ отчисленіи меня въ резервъ чиновъ и временному поселенію въ г. Николаевѣ, гдѣ революція протекала очень спокойно, несмотря на наличіе въ городѣ около 40 000 рабочихъ. Я такъ и сдѣлалъ. Въ Николаевѣ я засталъ полное спокойствіе и всѣхъ начальниковъ на своихъ мѣстахъ. Даже матросы полуэкипажа и тѣ вели себя вполнѣ скромно, а судовыя команды двухъ ремонтируемыхъ судовъ просто образцово. Объяснялось это очень просто: въ г. Николаевъ еще не прибыли спеціалисты агитаторы, которые были заняты фронтомъ, Балтійскимъ флотомъ, Петроградомъ и Москвой.

Со времени пріѣзда въ Одессу я, естественно, перечитывалъ ежедневныя газеты, удивляясь ихъ изобрѣтательности во лжи и инсинуаціяхъ.

Наглость, съ которой печатались небылицы про Государя и Его Августѣйшую Семью, была просто оскорбительна, а писаки, почувствовавъ свободу, дѣйствительно, изощрялись въ возмутительныхъ фантазiяхъ.

Въ Николаевѣ, къ счастью, и этого почти не было. Мѣстная печать вела себя очень прилично, ограничиваясь больше мѣстными интересами.

Вскорѣ по моему прiѣзду въ Николаевъ начали доходить печальныя вѣсти объ углубленiи революцiи въ Балтiйскомъ флотѣ и въ армiи. Погибъ выдающiйся адмиралъ Непенинъ, командовавшiй флотомъ, и съ нимъ лучшiе командиры и офицеры. Погибли мученической смертью въ Кронштадтѣ адмиралы Виренъ и Бутаковъ.

Произошли, наконецъ, кошмарныя убiйства офицеровъ въ Севастополѣ.

И все это осталось безнаказаннымъ, какъ бы оправдывая убiйство революцiоннымъ угаромъ и подъемомъ.

Какое же это было Правительство, которое все это знало и могло оставлять безъ наказанiя убiйцъ лучшихъ сыновъ Родины? Ясно было, что страна быстро катится въ пропасть и ничто не въ силахъ уже удержать ее.

Пришло извѣстiе о переводѣ Государя и всей Семьи въ Тобольскъ, какъ бы для лучшей охраны Ихъ отъ черни.

Среди общей разрухи и кошмара какъ солнечный лучъ проглянуло такъ называемое Корниловское выступленiе, закончившееся лишь пролитiемъ лишней крови неповинныхъ генераловъ и офицеровъ, заподозрѣнныхъ въ сочувствiи движенiю.

Очевидно, что не генералу Корнилову суждено было спасти Родину.

Въ началѣ января 1918 года мнѣ пришлось выѣхать въ Петербургъ, гдѣ находились въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнiя два моихъ сына, чтобы поселиться съ ними, такъ какъ училище было вынуждено закрыть интернатъ и изъ дортуаровъ устроить общежитiе для какихъ-то крестьянскихъ депутатовъ.

Въ это время у власти были уже большевики и страна докатилась до дна пропасти. Дальше идти было некуда. Жизнь человѣческая стала дешевле тряпки и людей разстрѣливали за все или за ничто, оптомъ и въ розницу. Свободъ было объявлено такъ много, что не стало ни одной. Но зато грабили всѣхъ и вся систематично по строго обдуманному плану. Людямъ и животнымъ запретили питаться, предоставивъ это право только солдатамъ и рабочимъ, но и то впроголодь. Жители начали покидать родной Петроградъ, гдѣ жизнь въ промерзшихъ нетопленныхъ квартирахъ стала невозможна. Тронулся и я на югъ Россiи въ новыя государственныя образованiя, потрясенный извѣстiемъ объ убiенiи всей Царской Семьи и многихъ изъ Великихъ Князей. Хотѣлось вѣрить, что на югѣ найду другихъ людей, болѣе сильныхъ духомъ, испытавшихъ уже всю прелесть революцiи и поэтому скорѣе отрезвѣвшихъ.

Къ сожалѣнiю, героическiе порывы вождей, пытавшихся собрать вокругъ себя всѣхъ крѣпкихъ, еще не потерявшихъ вѣру въ величiе своей любимой Родины и отстоять ее отъ напора интернацiонала, быстро потонули въ вихрѣ вакханалiй, такъ легко народившихся на богатомъ югѣ. Все авантюрное и безпринципное крѣпко присосалось къ нарождающейся власти, а неясные лозунги послѣдней легко подрывали ея авторитетъ.

Это было вторичное и еще болѣе жестокое разочарованiе, такъ какъ можно было понять дѣйствiя большевиковъ, выполнявшихъ какой-то опредѣленный планъ, но вся та дикая свистопляска, которая такъ быстро расцвѣтала на Украинѣ, Дону, Кубани и въ Добрармiи, и свидѣтелемъ которой мнѣ пришлось быть, была абсолютно не понятна.

Да проститъ мнѣ читатель неумѣлое и сжатое изложенiе. Хотѣлось написать иначе. Написать такъ, чтобы каждому при чтенiи стала бы ясна и понятна свѣтлая личность Государя Императора Николая II и Его Супруги, а также наша общая непоправимая вина передъ Ними, посвятившими всѣ Свои силы на служенiе

Родинѣ нашей и отдавшими жизнь Свою, Своей Семьи и близкихъ людей за народъ Свой.

Настанетъ время, когда безпристрастная исторія воздастъ должное Величайшему изъ Русскихъ Царей Дома Романовыхъ, въ царствованіе коего, несмотря на полное отсутствіе способныхъ помощниковъ и на веденіе двухъ кровопролитнѣйшихъ войнъ, Россія шла колоссальными шагами по пути прогресса и обогащенія.

Теперь уже ни для кого не секретъ, что Россія была наканунѣ полной побѣды и, не будь измѣны ближайшихъ къ Трону лицъ, Европейская война была бы закончена блестяще и Россія была бы первой Державой въ мірѣ и народъ ея самымъ богатымъ.

Доведеніемъ войны до конца Россія была бы обязана одному лишь Государю Императору. Онъ единственный до послѣдняго дня не терялъ присутствія духа, не зналъ усталости или упадка энергіи. Все съ той же неизмѣнной улыбкой, всегда ласковый и безконечно добрый, Государь, принявъ на Себя всю отвѣтственность, окруженный сплошь недоброжелателями или зазнавшимися рабами, спокойно дѣлалъ свое дѣло, какъ часовой на посту.

Можно смѣло сказать, что Государь былъ единственнымъ человѣкомъ въ Россіи, который упорно желалъ довести войну до побѣднаго конца, что и было одной изъ причинъ Его гибели. А злонамѣренные люди утверждали, что Государь былъ безвольнымъ человѣкомъ.

Какой-то злой рокъ висѣлъ надъ Государемъ и никто не былъ въ силахъ предотвратить предопредѣленіе судьбы. Это сказывалось даже въ пустякахъ и стоило Государю что-либо намѣтить заранѣе или пожелать, чтобы обстоятельства сдѣлали бы исполненіе этого невозможнымъ.

Какъ-то разъ, вступивъ въ дежурство, я получилъ отъ скорохода большой запечатанный конвертъ лично отъ Ихъ Величествъ... Вскрывъ его, я нашелъ фотографическую группу: Государь, Императрица и Наслѣдникъ, снятые на палубѣ яхты «Штандартъ», съ собственноручными подписями.

При выходѣ Ихъ Величествъ къ завтраку приношу свою глубокую благодарность за высокую милость, а Государь говоритъ: «Это на память о нашихъ совмѣстныхъ плаваніяхъ и, надѣюсь, не послѣднихъ». Больше никогда мнѣ не пришлось плавать съ Ихъ Величествами, хотя, казалось бы, это должно было быть такъ естественно.

Когда командиръ Императорской яхты «Штандартъ» свиты Его Величества контръ-адмиралъ Чагинъ покончилъ жизнь самоубійствомъ по невыясненнымъ до сихъ поръ причинамъ, я командовалъ эскадреннымъ миноносцемъ въ 1 минной дивизіи. Неожиданно получилъ вызовъ отъ флагъ-капитана Его Величества адмирала Нилова пріѣхать къ нему въ Царское Село и при встрѣчѣ онъ передалъ мнѣ о своемъ послѣднемъ разговорѣ съ Его Величествомъ по поводу назначенія новаго командира на яхту. Выяснилось, что у Государя я былъ единственнымъ кандидатомъ. Правда, я тутъ же просилъ адмирала не назначать меня на этотъ постъ, такъ какъ онъ связанъ съ неизбѣжными лишними расходами, которые естественно обременили бы мой бюджетъ, почему получилось впечатлѣніе, какъ будто бы я самъ отклонилъ назначеніе. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ сомнѣнія, что я назначенъ все равно не былъ бы, такъ какъ нашлось бы много лицъ, которые пошли бы противъ желанія Его Величества и настояли бы на назначеніи другого командира.

22½ года процарствовалъ Государь Императоръ Николай II, ведя страну къ неизмѣнному процвѣтанію и подданныхъ своихъ къ обогащенію на зависть всѣмъ сосѣдямъ.

Несмотря на тяжелую политическую обстановку внѣшнюю и внутреннюю, на интриги Германскаго Императора, добивавшагося всяческими путями лично вліять на Государя, на отсутствіе преданныхъ лицъ съ государственнымъ опытомъ, на зловредное поведеніе

Государственной Думы, приносившей гораздо болѣе вреда, чѣмъ пользы, на разрушительную работу кадетской партіи, на усиленную подпольную работу революціонныхъ организацій, Россія благоденствовала подъ Державнымъ Скипетромъ Высокомилостиваго Царя, обезоруживавшаго всѣхъ Своей добротой и снисходительностью.

Съ чувствомъ искренняго восторга и гордости вспоминается колоссальный ростъ промышленности, такое быстрое развитіе техники, великолѣпныя желѣзныя дороги, огромный вывозъ за границу, широкіе внутренніе и внѣшніе кредиты, высокое качество зерна и муки, легко конкуррирующихъ на рынкѣ, все улучшающійся административный аппаратъ, образцовая армія и прекрасно оборудованный флотъ.

Всѣмъ этимъ Россія обязана не безталаннымъ министрамъ или Государственной Думѣ, проводящей время въ пустыхъ разговорахъ, а исключительно Государю Императору, шедшему наравнѣ съ вѣкомъ и вкладывавшему въ Свое служеніе Родинѣ всю Свою душу, всѣ Свои помыслы и энергію.

Заканчиваю свои воспоминанія съ глубокой вѣрой въ то, что настанетъ, наконецъ, часъ возрожденія многострадальной Родины нашей и образумившійся народъ русскій воздастъ должное каждому по дѣламъ его, вознесетъ горячія молитвы къ Всевышнему о злодѣйски убіенномъ Царѣ-Мученикѣ и причислитъ Его къ лику Святыхъ.
